Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии
Сибирского отделения Российской академии наук

БУРЯТСКИЙ ЯЗЫК КАК НАЦИОНАЛЬНОЕ ДОСТОЯНИЕ

Международная научная конференция
(18–19 сентября 2025 г., г. Улан-Удэ)

Улан-Удэ
2025

УДК 81
ББК 81
Б91

Рецензенты:
к. ф. н. *В. И. Семенова*
к. ф. н. *И. А. Дамбуев*
к. пед. н. *С. Г. Ошоров*

Редакционная коллегия:
д. ф. н. *Е. В. Сундуева* (отв. ред.)
д. ф. н. *Б. Д. Цыренов*
д. ф. н. *Е. А. Дадуева*
д. ф. н. *Л. Б. Бадмаева*
д. и. н. *А. С. Бреславский*

Бурятский язык как национальное достояние: сб. науч. ст. / Б91 отв. ред. Е. В. Сундуева. – Улан-Удэ: Из-во ИМБТ СО РАН, 2025. – 186 с.

ISBN 978-5-7925-0675-6
DOI 10.30792/978-5-7925-0675-6-2025-1-186

Сборник содержит научные статьи участников Международной научной конференции «Бурятский язык как национальное достояние», посвященной 95-летию со дня рождения доктора филологических наук, профессора Лубсана Доржиевича Шагдарова и 150-летию создания летописи Вандана Юмсунова, состоявшейся 18–19 сентября 2025 г. в г. Улан-Удэ. Статьи касаются актуальных проблем монгольских языков, истории, культуры, фольклора. Авторы делятся подходами в решении проблем бурятского языка.

УДК 81
ББК 81

Издание осуществлено при финансовой поддержке Министерства образования и науки Республики Бурятия в рамках Государственной программы Республики Бурятия «Сохранение и развитие бурятского языка в Республике Бурятия на 2021–2030 годы»

© ИМБТ СО РАН, 2025
© Кол. авт., 2025
© Изд-во ИМБТ СО РАН, 2025

ISBN 978-5-7925-0675-6

Б. Д. Цыренов
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
Улан-Удэ, Россия
tsyrenovbabasan@mail.ru

ВКЛАД ПРОФЕССОРА Л. Д. ШАГДАРОВА В БУРЯТОВЕДЕНИЕ И РОССИЙСКУЮ МОНГОЛИСТИКУ

В статье раскрывается творческий путь профессора Л. Д. Шагдарова, выдающегося филолога-бурятоведа, монголоведа, внесшего огромный вклад в развитие этой науки. Отмечается большое значение его трудов для развития современного бурятского литературного языка. Его научный труд по истории развития норм бурятского языка осветил историю языка с древности по настоящее время. Исследования по функциональной стилистике языка обозначили достижения в этой области и пути его дальнейшего развития. Он является соавтором фундаментальных словарей бурятского языка, которые стали новой вехой в развитии бурятской лексикографии, лексикологии.

Ключевые слова: Л. Д. Шагдаров, бурятский язык, монголоведение, лексикология, лексикография, грамматика, стилистика.

B. D. Tsyrenov
Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Ulan-Ude, Russian Federation

CONTRIBUTION OF PROF. L. D. SHAGDAROV TO BURYAT STUDIES AND RUSSIAN MONGOLISTICS

The paper deals with the creative path of professor L. D. Shagdarov, a distinguished Buryat philologist and Mongolian scholar, who made a significant contribution to the development of this field. His significant contribution to the development of the modern Buryat literary language is noted. His scholarly work on the history of the development of Buryat language norms showed the history of the language from antiquity to the present. His research on the functional stylistics of the language outlined achievements in this field and avenues for its further development. He co-authored fundamental dictionaries of the Buryat language, which marked a new milestone in the development of Buryat lexicography and lexicology.

Keywords: L. D. Shagdarov, Buryat language, Mongolian studies, lexicology, lexicography, grammar, stylistics.

В Институте монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук за весь период его истории, которая устремилась в свое второе столетие, работало и работает немалое количество замечательных, достигших больших высот в своих областях исследователей, ученых, известных в нашей стране и за ее пределами. Перечисление их всех займет слишком много места, и есть риск забыть кого-либо незаслуженно. Среди этих ученых свое место занимает профессор Лубсан Доржиевич Шагдаров.

Выдающийся бурятовед, монголовед за свою долгую научную деятельность создал много крупных и менее крупных по объему, но очень значимых в этих областях знания работ. Я более чем уверен, что в его домашнем архиве еще можно найти неопубликованные работы, которые дополнят картину его научного творчества и внесут лепту в развитие лингвистики.

Первой его научной работой, кроме автореферата диссертации и связанных с нею статей, стала «История разработки лексикологии и лексикографии бурят-монгольского языка в советский период», в которой он однозначно поставил вопрос составления толкового и диалектного словарей бурятского языка, разработки академической лексикологии языка. Это издание стало программной идеей его дальнейшей деятельности, коллег по бурятской лингвистике. Кроме того, обращение к истории бурятоведения также стало еще одной стезей в его многосторонней научной деятельности, что найдет отражение в серии дальнейших публикаций. Так, в 1960-х гг. последовательно выходят его важные труды: статьи «Развитие бурятского литературного языка в советскую эпоху» и монография «Становление единых норм бурятского литературного языка в советскую эпоху», опубликованная в 1967 г. Далее он регулярно обращался к истории бурятского языка, его литературной формы в ряде статьей.

В названной выше монографической работе Лубсан Доржиевич Шагдаров обратился к глубокой исторической ретроспективе бурятского языка, начав его историю с периода начала употребления бурятами старописьменного монгольского языка, а именно XVI–XVII вв., попутно проанализировав канонически устоявшиеся его нормы и их вариации на материале бурятской летописной литературы и образцах канцелярской документации. Продолжение темы «история бурятского языка» было реализовано в пятилетней научной теме «История бурятского литературного языка», по результатам которой им был составлен фундаментальный научный отчет объемом более 300 страниц.

Этот отчет нами в настоящее время обрабатывается с целью публикации в виде монографии под условным названием «История бурятского языка с древнейших времен (до 1970-х гг.). Том 1». Поразительная эрудиция в рассматриваемом вопросе и скрупулезный анализ документального наследия бурят прошлого, знание тонкостей старописьменной монгольской языковой традиции позволили ему проследить историю бурятского языка в ретроспективе двух-трех столетий. Продолжение этого труда в виде второго тома будет охватывать период с 1970-х гг. до практически наших дней – до 2015 г., когда происходили не такие бурные, как в 30-х гг. XX в., но не менее судьбоносные изменения, особенно в первое десятилетие XXI в., касающиеся проблем развития бурятского языка и затрагивающие вопросы его существования.

Лубсан Доржиевич, исследовавший историю бурятского языка, также и творил его историю. В 1961 г. по поручению Республиканской орфографической комиссии он усовершенствовал правила бурятской орфографии и пунктуации, действовавшие с 1939 г. В старых правилах было, по неформальной терминологии историков, много «белых пятен» – недоработок, упущений, пропусков. И в этот раз он проявил всю свою скрупулезность и создал практически новые правила, учитывавшие все нюансы бурятского правописания. Эти правила действовали до 2003 г., когда орфографическая комиссия во главе с проф. И. Д. Бураевым инициировала доработку правил. После внесения уточнений по некоторым вопросам правила были утверждены Министерством образования и науки Республики Бурятия. Примечательно, что в соответствии с запросами нового времени эти правила были опубликованы на бурятском и русском языках (для все более увеличивавшегося количества незнающих родного языка бурят, а также росшего числа изучающих язык как неродной представителей других народов нашей республики). Правила, выпущенные ГБУ РЦ «Бэлиг», в 2009 г. стали редкостью, и в 2022 г. было решено переиздать их с изменениями в области примеров, удалив или заменив устаревшие понятия и термины.

Довольно долгое отступление от темы связано с еще одной гранью научной деятельности Лубсана Доржиевича – составлением словарей бурятского языка. Всем известно, что в 2006–2008 гг. вышли целых два академических словаря – двухтомный бурятско-русский и однотомный русско-бурятский словарь. Первый – на основе глубокой пе-

реработки и доработки словаря К. М. Черемисова 1973 г., второй – в соавторстве с известным прозаиком, драматургом, переводчиком Норполом Аюшиевичем Очировым.

В «Бурятско-русском словаре» был на практическом уровне решен вопрос о статусе сложных составных слов, тянувшийся как минимум с первой орфографии бурятского языка на русской графике. В этом словаре такие лексикализованные конструкции были четко обозначены как сложные составные слова, что стало большим шагом вперед. Также с определенной ясностью был решен вопрос о конверсивном словообразовании, т.е. отнесения слов типа *модон*, *морин*, *шулуун* к двум частям речи: существительному и прилагательному в разных условиях. В словаре они выделены номерами (цифрами) в полужирном начертании и помечены соответствующими пометами: сущ. – существительное и прил. – прилагательное. Здесь он ссылается на мнение известного ученого В. М. Наделяева, высказанное им в монографии «Современный монгольский язык: Морфология. Новосибирск» 1988 года издания, где он убедительно доказывает отнесенность к двум разным частям речи слово *морин* на примере: *морин сэрэг* – это ‘конница, кавалерия’, а не, буквально говоря, ‘конь есть войско’.

Также решен вопрос о частеречном статусе некоторых существительных в родительном и совместном падежах, например, *шэлэй* – стекла, стекольный, *гэрэй* – дома (чего?), домашний (какой?). Его примеру последовали и мы в новом орфографическом словаре бурятского языка, изданном в 2024 г. Там подобные слова выделены отдельной словарной статьей, можно сказать еще – строкой с соответствующими пометами. Также в этом словаре отдельно выделены устойчивые лексикализованные парные слова, то же обозначенные пометой «звездочка». Этот зафиксированный в практической лексикографии подход должен считаться уже свершившимся и быть принят в следующей теоретической грамматике.

В перечне трудов Лубсана Доржиевича замечается небольшая особенность: перед каждой монографией он публикуют одну или две статьи с почти идентичным названием, и через два года выходит в свет эта монография. Так же случилось и с его большой работой «Функционально-стилистическая дифференциация бурятского литературного языка» 1974 г., а за два года до этого публикуется статья «Состояние и задачи изучения стилей бурятского языка». Каждый ученый, научный работник видит название статьи и понимает, что автор описывает состояние названной проблемы и ставит себе задачу ее иссле-

дования. Данная монография стала вехой в развитии бурятского языкознания. В этом фундаментальном труде Лубсан Доржиевич Шагдаров теоретически обосновывает наличие сложившихся функциональных стилей языка в бурятском языке. Работа написана в его стиле – не усложненный, доступный язык, не теряющий при этом своей академичности, не перегруженный цитациями, как сейчас поступают исследователи, что греха таить, и мы иногда допускаем такое в стремлении сделать свой труд, условно говоря, солидным, накидывая цитат из трудов классиков, столпов, авторитетов. Это сейчас, к сожалению, часто требуют и журнальные редколлегии, что, поверьте, не лучший путь развития науки. Фраза Исаака Ньютона «Я далеко вижу, потому что стою на плечах гигантов» великолепна, она кратко и емко показывает путь, по которому должен идти ученый, но она не должна стать проклятьем.

«Функционально-стилистическая дифференциация бурятского литературного языка» Лубсана Доржиевича стала вехой не только в науке о языке, но и в его личной научной биографии – по ней он защитил докторскую диссертацию, первым из сотрудников Бурятского научного центра (Бурятского филиала СО АН СССР). По сей день она является настольной книгой каждого, кто занимается вопросами не только стилистики, но лексикологии, лингвостилистики. По поводу последнего следует сказать, что он стал основателем этого направления в Бурятии, опубликовав большую серию статей о языке и стиле отдельных писателей, о языке бурятской художественной литературы в целом. Это направление продолжено многими исследователями.

Популярность и значимость трудов любого ученого в настоящее время определяется наукометрически по количеству их цитирования. Из более чем 150 работ Лубсана Доржиевича в Электронной библиотеке (www.elibrary.ru) зарегистрировано всего 54, а процитированы они 1265 раз.

Бурятское языкознание является неотъемлемой частью монголоведения. Труды Л. Д. Шагдарова изучаются, цитируются во всем монголоведном мире. Но и сам он был вовлечен в изучение монгольских языков. Особый интерес вызывает его работа о могольском языке Афганистана, изданная в соавторстве с А. М. Казанцевым. Также следует упомянуть и статью «О развитии переносных значений в словах, общих некоторым тюркским и монгольским языкам». Кроме того, он следил за развитием лингвистики в МНР, о чем свидетельствует его статья «О языковедческих исследованиях в МНР» 1980 г.

В 1970–1980-х гг. выступал на международных конгрессах монголоведов, на форуме, являющемся по своей сути большим съездом монголоведов, на котором маститые ученые, образно говоря, сверяют свои часы. В некоторых своих работах он исследует язык памятников старомонгольской письменности, например, в статьях «“Халха-Джирум” как образец документально-делового стиля старописьменного монгольского языка», «Из наблюдений над речью автора-повествователя “Сокровенного сказания монголов”», «Речевая характеристика основных действующих лиц “Сокровенного сказания монголов”», «“Сокровенное сказание монголов” – общемонгольский литературный памятник» и др. Обращение к подобной теме в те годы, мягко говоря, не поощрялось. Если помните, Чингисхан представлялся, как минимум, феодалом, максимум – кровавым завоевателем.

Дерево живет в своих плодах, человек – в своих детях, учитель – в учениках. За годы работы Лубсан Доржиевич воспитал 15 кандидатов наук и несколько докторов наук, которые продолжали и продолжают в своих трудах те направления, по которым он шел, а где-то открывал, зачинал на ниве бурятской науки о языке. Трудно переоценить научные труды Лубсана Доржиевича Шагдарова, внесшего большой вклад в бурятоведение, монголоведение, в науку Бурятии.

Лувсандорж Болд
Монгол Улсын Шинжлэх ухааны академийн
Хэл зохиолын хүрээлэн
Улаанбаатар, Монгол Улс
bold_gld@yahoo.com

МОНГОЛ ТАЙЛБАР ТОЛИЙН УЛАМЖЛАЛ, ШИНЧЛЭЛ

Зохиогч энэ хүү өгүүлэлдээ эх хэл бичиг үсгийнхээ асуулдлыг төрийнхөө бодоллогын бүрэлдэхүүнд багтаан үздэг байсан манай өвөг дээдэс утга зохиолынхоо хэм хэмжээг төгөлдөр боловсронгуй болгох талаар олон төрлийн арга хэмжээ авч ирснийг жишээ татан өгүүлээд нийгмийн гишүүдийг нэгтгэх, хөгжлийг хурдасгахад эх хэл чухал болохыг дурджээ. Үүнд тайлбар толь онцгой үүрэг гүйцэтгэнэ гээд ардын засаг тогтсоноос хойш зохиогдсон монгол хэлний гурван тайлбар толь бичгийг зохиох болсон зорилго, зорилт, аргазүй, хамрагдсан хэрэглэгдэхүүнийг харьцуулан судалсан байна.

Түлхүүр үг: монгол тайлбар толь, уламжлал, шинэчлэл, толь бичиг судлал.

Luvsandorj Bold
Institute of Language and Literature
of Mongolian Academy of Sciences
Ulaanbaatar, Mongolia

TRADITIONS AND NOVATIONS OF "EXPLANATORY DICTIONARY OF MONGOLIAN LANGUAGE"

The author compares the goals, objectives, methods, and materials used in compiling three Mongolian explanatory dictionaries since the establishment of popular rule, arguing that dictionaries play a special role in this process. He emphasizes the importance of the native language in uniting members of society and accelerating development.

Keywords: explanatory dictionary of Mongolian language, tradition, novation, lexicography.

Эх сайхан монгол хэл маань монгол хэмээх хэв шинжийг маань илтгэж, нийгмийн гишүүдийг нэгтгэн нягтруулахад онцгой үүрэг гүйцэтгэдгийг эрт ухамсарласан манай өвөг дээдэс төрийнхээ бодлогын бүрэлдэхүүнд багтаан утга зохиолынхоо хэлийг төгөлдөр боловсронгуй болгоход чиглэсэн олон талын арга хэмжээ авч ирснийг монгол хэл шинжлэлийн түүх өнөөгийн бидэнд илтгэн харуулдаг билээ. Тухайлбал одоогоор бидэнд уламжлагдан ирсэн баримтаас үзвэл монгол хэлний зөв бичих зүй, хэл зүйн хэм хэмжээг тодорхойлсон анхны бүтээлийг 1305 онд бандида Чойжи-Одсэр "jürken-ü tolta-yin tayilburi"-ийг тооцдог бол, зөв дуудах хэм хэмжээг тогтоосон анхны томоохон бүтээл бол 1746 онд зохион дуусгасан "Qavan-u bičigsen manǰu-mongγol ügen-ü toli bičig" гэдэг бүтээл юм. Уг бүтээлийн оршилд *"...Гагцхүү монгол бичиг нь үсэг зурлага буй боловч дусал бинт үгүй тул үл мэдэгчин таних уншихуйд бэрх бөгөөд тулгар сурах ард аялгуу аван нийлүүлж унших зүйлийг хялбараар ялгаж үл чадмуу. Эдүгээ найман хошууны монголчуудын дотор хуучин ард цөөн болов. Хэрэв үүнээс тодорхойёо үл тогтоох болбоос өдөр удсаны хойно улам улам ташаарагдаад чухам үг аялгуу үл олмуй. Харилцан бурууг журамлан сурамгай болж, хойч ард сурахуйд нэн бэрх болуузай"* хэмээн бичсэн ажгуу. Энд өгүүлсэн зүйлээс үзвэл монгол бичигт дусал бинт үгүй тул *"тодорхой бус"* гэдэг нь чухамдаа нэг үсгээр хэд хэдэн авиаг тэмдэглэдэг монгол бичиг нь *"унших зүйлийг хялбараар*

ялгаж үл чадах" учир *"...найман хошууны монголчуудын дотор хуучин ард цөөн..."* болж байгаа үед нэг үсгээр нэг авиаг тэмдэглэхийг эрмэлзэж манж үсгийг үсгийн галиг болгон *"...хойч ард сурахуй"*-д хялбар болох зорилготой байсан нь хэн бүхэнд ойлгомжтой хэмээн бодож байна. Монгол толь бичгийн хүрээнд авч үзвэл зүй ёсны шинэчлэл болж чадсан энэхүү бүтээл монгол үгийн дуудлагын хэм хэмжээг тогтооход үр дүнгээ өгсөн нь тодорхой буй за. Монгол утга зохиолын хэлний үгийн сангийн хэм хэмжээг тогтоосон анхны томоохон бүтээл бол 1708–1717 онд зохион дуусгаж, барласан "Qorin nigetü tayilburi toli" гэж үздэг билээ. Уг бүтээлийн оршилд *"Бид ... найман хошууны өтгөс өвгөд ба бас шинийн мөргөлд ирсэн дөчин есөн хошууны засгийн монголчууд ба бас халхын засгийн монгол ван, бэйл, бэйс, гүн, тайж нараас маны үл туулах, үл мэдэх үгийг ялгамжлан асуугаад..."* гэх зэргээр өгүүлээд цааш нь *"үүнээс хойш зарлигийг тархаах, бичиг айлтгах ба жич хол газарт дуулгах, гэрэлт хөшөөнд сийлэх их ёс, их хууль цөмд мөрдөх ... улсын бичиг ... үүрд хоцрох буй заа"* гэжээ. Энэ бүхнээс үзвэл уг бүтээлд тухайн үедээ идэвхтэй хэрэглэгддэг үгийг түүвэрлэн авсан, цаашид нийгэм, төрийн аливаа үйл хэрэгт мөрдөн дагах утга зохиолын хэлний үгийн сангийн хэм хэмжээг журамлан тогтоосон гэж ойлгогдохоор байна. Иймэ учир уг бүтээл дараа дараагийнхаа бүтээлүүдэд ихээхэн нөлөө үзүүлсэн байдаг. Тухайлбал, уул толийн дотор орсон үгст тулгуурлан зохиосон хоёр зүйлийн "Gučin ǰirγuγatu" хэмээх толь бичиг өнөөгийн бидэнд уламжлагдан иржээ.

Энэ бүхэн бол миний өмнө хэлсэн үгийн тодорхой баталгаа болох буй заа.

Шинэ монгол улсын шинжлэх ухааны ууган байгууллага болох Судар бичгийн хүрээлэнгийн эрхэм зорилго нь эх хэлнийхээ нийгмийн үүргийг дээшлүүлэх, үүний тулд хүн ардаа үндэснийхээ бичиг, үсэгт сургахад тулгарч буй онолын болон практик асуудлыг шийдвэрлэхэд чиглэгдэж байлаа. Тийм ч учраас уг байгууллагын цаашид гүйцэтгэх ажлын үндсэн чиглэлийг тодорхойлсон *"эрхлэх үйлдвэрийн товчоон"* хэмээх баримт бөичигт *"Монгол хэлний утгыг тодорхойлсон дэлгэрэнгүй тайлбар толь үйлдмүй"* гэж заасан байдаг. Үүнийхээ үзэл санааг үндэс болгосон анхны томоохон бүтээл бол Б. Шагж авхайн 1929 онд зохиосон "Eriküy-e kilbar bolγan ǰokiyaγsan mongγol ügen-ü tayilburi čindamuni-yin erike" хэмээх толь бичиг юм. Уг бүтээл тухайн үедээ хэвлэгдэж олны хүртээл болж чадаагүй ч

дотоод, гадаадын олон эрдэмтэд энэ бүтээлийг өөрсдийнхөө бүтээлд ашиглаж байсныг тэмдэглэх хэрэгтэй. Харин 1993 онд уг толийг академич Д. Цэрэнсодном эрхлэн “Mongγol ügen-ü tayilburi toli” нэртэйгээр хэвлэв. Манай ардын засгийн үеийн нэрт толь зүйч Б. Шагж авхай бүтээл туурвилаа ид хийж байх үед Судар бичгийн хүрээлэнгийн Азийн номын сангийн эрхлэгчээр ажиллаж, түүний тольд орох үгийг түүвэрлэн, сайн нөхрийн ёсоор тусалж байсан Я. Цэвэл 1949–1969 он хүртэлх арван таван жилийн хугацаанд *“...Хэл зохиолын хүрээлэнгийн эрдэм шинжилгээний ажилтан хамт олны туслалцаанд дулдуйдаж, чармайн оролдож ... хэлний мэргэжлийн хүмүүсийн санал зөвлөлгөөнийг байн байн авч...”*, “Монгол хэлний товч тайлбар толь” бүтээлээ дуусгаад 1966 онд хэвлүүлжээ. Сүүлд нь дурдсан энэ хоёр бүтээл бол дотоод, гадаадын эрдэмтдийн зохиосон орчуулгын болон тайлбар толь. мөн тусгай хэрэгцээний толь бичигт үлэмжхэн нөлөө үзүүлсэн учир уг толь бичгүүдийг зохиосон үндэслэл, зорилго, арга зүйн талаар товч өгүүлэх нь зүйтэй гэж үзлээ.

Б. Шагж өөрийн зохиосон толийнхоо нэрэнд “Eriküy-e kilbar bolγan…” гэсэн тодотгол үгийг хэрэглэсэн нь уул бүтээлийг туурвисан үндсэн зорилгоо товч боловч тодорхой дурдсан хэрэг хэмээн үзэж болох юм. Учир нь уул бүтээл гарахас өмнө зохиогдож бидний үед уламжлагдан ирсэн орчуулгын болон тайлбар толь бичгүүдэд толгой үгийн утгыг харгалзан зүйл хуваан байрлуулсан байдаг. Ийм толиос эрсэн үгээ олно гэдэг ихээхэн бэрхшээлтэй байсан нь хэн бүхний мэдээжийн хэрэг билээ. Гэтэл Б. Шагж энэ зарчмыг огоорч, уйгаржин монгол бичгийн цагаан толгойн дэс дараагаар толгой үгээ байрлуулсан нь хэрэгцээтэй үгээ зүйл хуваасан толиос олохоос хавьгүй хялбар болгосон юм. Өнгөцхөн харахад энэ нь ялимгүй зүйл мэт боловч, угтаа *“Монгол толь бичгийн ухаанд шинэ үеийг нээсэн”* чухал алхам болсон гэж бид үздэг юм.

Тэрбээр *“Бид санаваас аливаа улсын нийтээр хэрэглэх хэл бичигт тогтсон үүрэг ба утга буй бөгөөд манай улсын дээр цагт орчуулсан судар, шастирыг шинжилбээс мөнхүү дүрэм хэмжээ байсан нь илэрхий атал, хожмын үед бичгийг ёсчлон сурахад маш бэрхтэй болж, их төлөв балрагдан нялхасын бичиг мэт зүйл зүйлээр бичих ба нийгэмд эс алдаршсан ихир шихэр үгсийг хоорондын бичигт хэрэглэх болсон нь гагцхүү эрж олохуйд хялбар болгон зохиосон тайлбар толь үгүйгээс болжээ”* гэж тэмдэглэсэн нь монгол хэлний нийгмийн үүрэг ихээхэн өсөн нэмэгдсэн тэр цагт ард нийтийн эх хэлний боловсролыг дээшлүүлэх

нь чухал шаардлагатай бөгөөд үүнд тайлбар толь чухал хэрэгтэй хэмээсэн үзлээ тов тодорхой өгүүлсэн байна. Зохиогч цааш нь *“...энэ бичгийг зохиосон зорилго ... ард олныг хэл бичигтээн амархнаар боловсорч, элдвээр бичих, сонжигдох, элэглэгдэхээс гэтлэн үг, өгүүллээр гачигдан мухардахын зовлонгоос даруй ангижиртугай хэмээсэн нь буюу”¡* гэжээ. Энд өгүүлсэн зүйл бол толь бичгээ зохиох зорилт гэдэг нь нэлээд ойлгомжтой байгаа бөгөөд одоо бидний хэрэглэж байгаа нэр томьёогоор бол үгийн сангийн хэм хэмжээг журамласан толь зохиох, ингэснээрээ ард олныхоо эх хэлний үгийн сангийн баялгийг нэмэгдүүлэхийн хамт бас, зөв бичих чадварыг нь дээшлүүлэхэд тус нэмэр болохыг хичээсэн хэрэг гэж үзэж байна. Энэ нь уул бүтээлийг туурвих гол зорилт нь гэж үзэж байна.

Уг толийн оршилд цааш өгүүлсэн нь *“...ард Шагж би бээр дөрвөн хэлний толь бичиг ба гурван зүйлийн үг хадмал үзэхүйд хялбар болгосон бичиг, мөн хадмал манж үгний хорин нэгэн дэвтэрт тайлбар толийн нэжгээд иж бичгийг зэмдэг болтол нухчин эдгээрийн зөрөлдөөнийг олонхийг бариmтлан, эс ухсан зүйлүүдийг эрдэмтэн нөхдөөс лавлаж, энэ үед бага сага хэрэг болох болзошгүй зүйлүүдийг цөм хураан авч, тун ч эс хэрэглэгдэх мэтсийг огоорч жич бас эрт эдүгээгийн эрдэмтэн мэргэдийн зохион бичсэнээс нэмэн оруулж...”* гэж бичсэн байна. Энд өгүүлсэн зүйлээс үзвэл: *1. Урьдын эрдэмтдийн бүтээлд ижил байгаа зүйлийг яг хэвээр нь авч уламжлах; 2. Зөрүүтэй зүйлийг олонхийг нь бариmтлан шийдвэрлэх; 3. Өөрсдийн үл мэдэх зүйлийг бусдаас асуун сурвалжилж шийдэх; 4. Орчин үед өчүүхэн боловч хэрэгтэй зүйлийг хадгалан уламжлуулах; 5. Эдүгээ хэлэнд нэгэнт хэрэглэгдэхгүй болсон зүйлийг хасах; 6. Урьдын ба эдүгээгийн ном зохиолоос хэрэгцээтэй зүйлсийг нэмж оруулах*, өөрөөр хэлбэл, толь бичиг зохиогч юуны ч тухай санаанаасаа авч болохгүй, юм бүхнийг бодтой баримтан дээр бичих ёстой гэсэн үзэл нь тодорхой илэрч байна. Энд өгүүлсэн зүйл бол уул толийг зохиох арга зүй нь хэмээн үзэж байна. Зохиогч тухайн цагтаа уул бүтээлээ боловсруулахдаа ийм арга зүй баримталж байсан учир урьдын эрдэмтдийн бүтээлд хүндэтгэлтэй хандаж, онцын шалтгаангүйгээр үгийн тайлбарт өөрчлөлт оруулахгүйгээр хойч үеийнхэндээ уламжлуулах, харин, уламжлалт толь бичгүүдэд буй хуучирсан үг хэллэг, идэвхгүй хэрэглэгддэг нэр томьёо зэргийг орхисон байна. Энд өгүүлсэн зүйлээс үзвэл Б. Шагжийн энэхүү зохиол нь XVIII–XX зууны эхний гучаад он хүртэлх хугацаанд буюу манай хэл бичгийн мэргэжилтнүүдийн үзэж буйгаар бол монгол утга

зохиолын хэлний хөгжлийн гуравдугаар үеийн эхний мөчлөгийн үед идэвхтэй хэрэглэгдэж байсан үг, хэллэг мөн тухайн үед шинээр гарч ирсэн гарч ирсэн үг, хэллэг, мөн өмнөх толь бичигт ороогүй ярианы хэлний үгийг багтаасан гэж үзэж болохоор байна. Энэ бүхнээс үзвэл Б. Шагж толь бичгээ зохиох үндэслэл, зорилго, зорилт, арга зүйн хувьд бидний бодоход зөв зарчим баримталж байжээ. Ийм ололттой зүйл байвч өнөөгийн монгол хэл шинжлэл хөгжсөн өндөрлөгөөс харахад гэдэг шиг толийн толгой үгсийн бүрэлдэхүүнийг эргэн үзвэл зарим талаар учир дутагдалтай зүйл илэрхийн харагдаж байдаг билээ. Тухайлбал үгийн сан, хэл зүйн хооронд төдий л нарийн зааг гаргаж чадаагүй, нийлмэл үг, хэвшмэл хэллэг, холбоо үг, нийлэмж үгийг цөмийг нь толгой үг болгосон, мөн үгийн салаа утга, бодот утгыг өөр хооронд хутган хэрэглэсэн зэрэг нь нэг талаар хуучин толь бичиг зохиох уламжлалд хэт баригдаж байсны харгай, нөгөө талаар шинэ зүйлийг ажил хэрэг болгоход учирсан бэрхшээл гэж бодож байна. Үүнтэй холбогдуулан бяцхан тайлбар хийхийг минь зөвшөөрнө үү. Шагж авхай энэхүү толь бичгээ зохиож байх тэр үед монгол хэлний гол сурах бичиг нь Энэтхэг-төвөдийн хэл шинжлэлийн дэгийг баримтлан 1305 онд суут эрдэмтэн Чойжи-Одсэрийн зохиосон “Зүрхэн толт” хэмээх зохиолын үзэл санааг дэлгэрүүлэн бичсэн бүтээлүүд байлаа. Ийм төрлийн бүтээлүүдэд гол төлөв авиа зүй, хэл зүй, үсэг бичгийн зарим асуудаалд анхаарлаа хандуулдаг үгийн сангийн асуудалыг тэр бүр дурддаггүй байсан билээ. Нөхцөл байдал ийм учир уламжилт монгол хэлний толь бичгүүдийн зохиосон аргад тулгуурлахаас өөр аргагүй, энэ тухайгаа зохиогч өмнөх арга зүйн чанартай гэж бидний үзэж буй хэсэгт дурдсан байдаг билээ.

Иймд бидний өмнө дурдсан зүйл бол зөвхөн Шагжийн бүтээлд гарсан зүйл биш гэдгийг дахин дурдхыг хүсэж байна. Б. Шагжийн зохиосон “Eriküy-e kilbar bolγan ǰokiyaγsan mongγol ügen-ü tayilburi čindamuni-yin erike”-д *уул “өндөр их газар”* гэдэг үгийг толгой үг болгоод *уул наадмой, уул завсарлав, уул шиг малгай, уулын бэхлиг модон, уулын тоодог, уулын ногоодой бялзуухай, уулын зүг, уулын хөвч, уулын аласва, уулын бялзуухай, уулын хамар, уулын хавирга, уулын гургуул, уулын хормой, уулын булаг, уулын шарт бялжуухай (шаазгай), уулын шар бялзуухай, уулын лянхуа цэцэг, уулын муруй, уулын цайны цэцэг, уулын хөмсөг, уулын хөл* зэргийг толгой үгийн хэмжээнд авч үзсэн байна. Шагжийн толь бичигт илэрхий ажиглагдаж байгаа өөр нэг зүйл нь нэр үгийн *-н*-тэй *-н*-гүй хэлбэрийг нь тус бүрт нь тодгой

үгболгон оруулж *-н*-ээр төгссөн үгэнд нь мөн тийм хэлбэртэй холбоо болон хоршоо үгийг мөн толгой үг болгон оруулсан байдаг бол *-н*-ээр төгсөөгүй холбоо үг хэллэгийг мөн адил толгой үг болгон оруулсан байна. Жишээлбэл *чихэн* гэдэг үгийн араас *чихэн гэр, чихний язгуур, чихний ёроол, чихний ухуур, чихний омог, чихний сүв, чихний сүв, чихний шүхэр, чихний дэлбэ, чихний хөвөө, чихний хатгуур* гэсэн бол, *-н*-гүй *чих* гэдэг үгийн араас *чих хулмайсан, чих булагдахуй* гэх мэт нийт найман холбоо үгийг толгой үг болгон оруулжээ. Тайлбар толь бичигт нэг үгийг ийнхүү *-н*-тэй, *-н*-гүй хоёр хэлбэрээр нь ялган тус бүрд нь толгой үг болгон оруулах ёсгүй гэдэг нь уул үгийг тийг ялгалаар ялгахад тодорхой мэдэгдэнэ.

Энэхүү Шагж авхайн толь зохиогдсоноос хойш гуч гаран жилийн дараа Я. Цэвэлийн зохиосон “Монгол хэлний товч тайлбар толь” хэмээх бүтээл хэвлэгдэж олны хүртээл болсон байдаг. Иймд уг толийн зорилго, арга зүйтэй товч танилцъя. Зохиогч *“Монгол хэлний товч тайлбар толь”*-ийнхоо зорилгыг *“...манай нийтэлж байгаа энэхүү товч тайлбар толь бол нийт ард түмний хэлний боловсролыг дээшлүүлж, орчин цагийн хэлийг сурч судлах үйлст тус болох”* гэж тодорхойлжээ. Уг тольд өмнөх үг болгон Хэл зохиолын хүрээлэнгээс бичиж, нийтлүүлсэн зүйлд *“...уул толийг өөрийн ард түмний эх хэлний боловсролыг нэмэгдүүлж ялангуяа багш, зохиолч, сэтгүүлч, сэхээтэн нарын бүтээлийн үг хэллэгийг сайжруулахад туслах зорилгоор энэхүү толийг хэвлүүлэн гаргалаа”* гэж тэмдэглэсэн байдаг. Энэ бүхнээс үзвэл уул толь нь ард нийтийн эх хэлний боловсролыг дээшлүүлэх, ялангуяа иргэн бүрийн бичгийн хэлний үгийн сангийн баялгийг нь нэмэгдүүлэх зорилготой байсан нь тодорхой мэдэгдэж байна.

Толийнхоо үгийн сангийн бүрэлдэхүүний талаар зохиогч тэмдэглэхдээ *“Орчин цагийн монгол ... бичгийн хэлний үгсийг ихэвчлэн багтааж ... нийгмийн хэрэгцээний одоогийн шаардлагыг хангахыг зорьсон”* гэжээ. Иймд уг тольд *“Монголын ард түмний аж байдал, эдийн засаг, нийгэм, улс төр, соёлын амьдралтай зайлшгүй холбоотой үг, манай орны их хөгжлийн хэрэгцээний шаардлагаар гарч байгаа шинэ үг хэллэг, шинэ нэр томьёоноос ... ихэд дэлгэрсэн үгийг аль болохоор багтаан оруулахыг хичээснээс гадна орчин цагийн бичиг зохиолыг уншиж болон түүхийн бодит байдлыг ойлгоход эрхбиш мэдвэл зохих хуучирсан үгс, утга зохиолд найруулгын талаар хэрэг болох нэлээд дэлгэрсэн аман аялгууны зарим үгийг оруулж ... харин*

монгол хэлний үгийн сангаас нэн хуучирч орхигдсон зарим үгс, дав дээр шаардагдахгүй нэр томьёо, газар орны нэрс зэргийг оруулаагүй” гэсэн байна. Энэ цөөн мөрөөс Я. Цэвэлийн тольд орсон үгсийн бүрэлдэхүүнийг нэлээд бүрэн төсөөлж болохын гадна бас толь бичгээ зохиох арга зүйг нь ч бидэнд мэдэгдэж болох юм. Үүнд: *а) Монголын ард түмний ахуй амьдрал, нийгэм соёлтой холбоотой үг хэллэгийг ном зохиол, толь бичгээс уламжилж авах; б) шинэ үг хэллэг, нэр томьёоноос ихэд дэлгэрсэн буюу нийтээр мэдвэл зохихийг нь авч, үлэмж явцууг нь орхих; в) түүхэн үг хэллэг, хуучирсан үгсээс эрхбиш өнөөгийн залуучуудын мэдвэл зохихыг нь оруулах, нэн хуучирсныг нь авахгүй байх; г) утга зохиолын хэлэнд орсон авч нийтэд эс дэлгэрсэн нэр томьёог оруулалгүй үлдээх; д) уран зохиолд найруулгын өнгө аястай хэрэглэгддэг үгсийг авах; е) оноосон нэрийг эс авах* гэсэн байна. Иймээс уг толийн үгсийн сангийн бүрэлдэхүүнд монгол хэлний арвин сангаас хамгийн чухал хэсгийг нь сонгон авч үг бүрийн утгыг товч тайлбарлажээ.

Я. Цэвэлийн зохиосон тайлбар толь нь өмнө үед гарсан ижил төрлийн толиудаас зорилго, хамарсан үгийнхээ хувьд энэ мэт ялгаатай төдийгүй, толь бичиг зохиох хэл шинжлэлийн онол, арга зүй болон зарчмынхаа хувьд урагш ахисан бүтээл болсныг онцлон тэмдэглэвэл зохино. Үүнтэй холбогдуулан үгийн сан, хэл зүйн харьцааг зөвөөр ялган үг, нийлмэл үг, хоршоо үг, хэвшмэл хэллэг зэргийг тодруулахын зэрэгцээ үгийн үндсн утга, шилжсэн утгын ялгааг тодорхойлон гаргасан мөн, үгийн үндсийг хэл зүйн хэлбэрээс нь ялгаж чадсан зэргийг дурдаж болох юм. Тухайлбал өмнө дурдсан Шагжийн тольд орсон *уул* гэдэг үгийг Я. Цэвэл өөрийн тольдоо *“эргэн тойрны орчноос дээш өргөгдөн гарсан өндөрлөг газар”* гэж толгой үг болгон аваад *уул завсарлах, уул наадах, уулын таг, уулын цай цэцэг, уулын шаазгай, уулын ногоодой бялзуухай* зэргийг уул толгой үгдээ хамааруулан оруулж утгыг нь товч тайлбарласан байна. Монгол толийн хүрээнд төдийгүй монгол хэл шинжлэлийн хүрээнд маргаантай байгаа асуудлын нэг бол үгийн үндсийн тухай юм. Иймээс толь бичиг зохиогчид энэ талаар нэгдмэл нэг байр суурь баримталдаггүй байсан нь өмнө дурьдсан Шагж авхайнх толиос үзэхэд тодорхой байна. Тэгвэл Цэвэл авхай энэ үзэгдлийг цэгцлэхийг хичээсэн бөгөөд иймээс тольдоо нэр үгийг нэрлэхийн тийн ялгалын хэлбэрээр оруулжээ. Тэгэхдээ үгийн эцсийн тогтворгүй *-н*-тэй үгийн *-н*-ийг дангаар буюу эсвэл жийрэг эгшгийн хамт, жишээ нь, *дөнө(н),*

дөнө(жин), бас тогтворгүй *-н* залгасан толгой үгийн үндэс өөрчлөгдөх бол өөрчлөгдсөн хэлбэрийг нь хаалтад хийжээ: *арав (арван), тэрэг (тэргэн)* гэх мэт.

Нэрлэх	*мод*	*навч*
Харьяалах	*модны*	*навчны*
Өгөх орших	*модонд*	*навчинд*
Заах	*модыг*	*навчийг*
Гарах	*модноос*	*навчнаас*
Үйлдэх	*модоор*	*навчаар*
Хамтрах	*модтой*	*навчтай*
Зүг чиг заах	*мод руу*	*навч руу*

Үүнээс үзвэл *модон навчин* хэлбэр нь харьяалах, өгөх орших, гарахын тийн ялгалын нөхцөлийн өмнө, *мод* гэдэг нь нэрлэх, заах, үйлдэх, хамтрах, зүг чиг заах тийн ялгалын нөхцөлийн өмнө тус тус тохиож байна. Үүн дээр тулгуурлаад *мод – модон, навч – навчин* гэдгийг хоёр өөр үг гэж үзэн толь бичигт хоёр толгой үг болно гэж үү. Харин Я. Цэвэл үгсийн салаа утга нь шилжин холдсоор утгын холбоо нь алдагдаж, мөн хэлзүйн хувилал нь өөр өөр болж энэ бүхний дүнд үгийн сангийн өөр өөр нэгж болсон үгийг тус тусад нь толгой үг болгон оруулсан байна. *Гишүү – гишүүн, сар – саран.*

Үүний зэрэгцээ үгийн салаа утгыг нээн үзүүлэх талаараа ч уг хоёр толь харилцан адилгүй байна. МҮТТ-д *авах* гэдэг үгийг *авитиі* гэж толгой үг болгон оруулаад *“аливаа юмыг биедээ хураахыг”* гэж тайлбарласан бол МХТТТ-д авах *“юмыг өөрийн болгох”* гээд бусад үгтэй нийлж гаргах есөн өөр утгыг мөн *авах аргагүй, авах танаггүй, авч орхих, ам авах, ам хэл авах, амь авах, анир авах, газар авах, гэрэл авах, салхи авах, өл авах, үнэр авах, хайр авах, хал авах, хулгай авах, хүлээн авах, хүч авах, хэл авах, ачийг авах, шан авах, шагнал авах, ширээ авах, тал авах, ургац авах, арга хэмжээ авах, зээл авах, цох авах, шав авах, хар авах, мэдээ авах, нэр авах, цол авах, зэрэг авах* зэрэг холбоо үгийн утгыг тайлбарласан байна.

Шагж авхайн тольд нэлээд дэлгэрэнгүй тайлбартай орсон үгийн нэг нь *барих barimui* гэсэн үг юм. Энэ үгийг уул тольд *харцага харгуйн зэргийг гарт суулгахыг, бас гэрийн зэргийг босгон хийхийг, бас юмыг гартаан авахыг, бас эрхэм хүмүүнд бичиг илгээх ба идээ ундаан өргөхийг, бас шувууны юмыг савардахыг, бас нохойн гөрөөсний зэргийг зуун унагахыг, бас ялт хүмүүнийг оосорлон авахыг, бас тэрэг хаан явахыг (тэрэг баримуй), бас хүүр нисгэхүй (нисгэх)-г яс баримуй,*

бас хүчин баримуй хэмээхүйд хэрэглэмүй бас барилдаж (барих) зохистой газрыг эзлэн атгахыг (авахыг) гэж арван хоёр утгаар оруулсан бол Цэвэл авхайн тольд уул үгийг *1) юмыг гартаа атган авах, 2) юмыг гартаа оруулж сул явахгүй болгох гээд алдуул мал барих, гар барих, морь барих, унаа барих, бэртэнг барих, лаа барих, гэрэл барих, зул барих, гэр барих, барилга барих, байшин барих, түр барих, хөгжим барих, барих газар, бариа барих, барьцаа барих, тогоо барих, холбоо барих, мэдээ барих, барьж идэх, барьц барих, жуух бичиг барих, дугараа барих, дээж барих, зоог барих, машин барих, эрх барих, жолоо барих, мөнгө барих, талх барих, ам барих, биеэ барих, сэтгэлээ барих, түлээ барих, ул барих, улаа барих, урдаа барих, хаар барих, хээл барих, анд барих, хүж барих, элэг барих, ихийн шийр барих, эх барих, яс барих, хүүр барих, нар барих, сар барих гэсэн утгуудыг гаргахын хамт явах барих нь удаан, сууж барих нь сонин юм* гэсэн жишээнүүдийг оруулсан байна.

Уул хоёр бүтээл нь ялгарах өөр нэг зүйл бол толь бичигт хамрагдсан толгой үгийн тоо юм. Тухайлбал Б. Шагж авгайн тольд 19000 орчим байна. Утга зохиолын хэлийг нарийн бүртгэсэн бүртгэл үгүй, нөгөөтэйгүүр өмнө гарсан тольд орсон толгой үгийн тоо ийм байгаа нөхцөлд “Монгол хэлний товч тайлбар толь”-д 30000 орчим үгийг хамруулан оруулна гэдэг хэн ч үгүйсгэх аргагүй нөр их хөдөлмөр юм.

Энэ хоёр бүтээл нь монгол утга зохиолын хэлний хөгжлийн гуравдугаар үед бүтээгдсэнээрээ адилхан авч толь бичгүүдийн ялгарах өөр нэг ноцтой ялгаа нь гэвэл монгол хэлний харилцан адилгүй өөр өөр цаг үед бүр тодруулбал, Шагж авхай тухайн үеийнхээ утга зохиолын хэлний үг, хэллэгийг хамарсан бол, Цэвэл авхайн толь үндэсний утга зохиолын хэл бүрэлдэн тогтож байсан эхний үед зохиогдсоноороо ялгаатай гэдгийг онцлон тэмдэглэвэл зохино. Нөгөөтэйгүүр, Я. Цэвэл авхайн зохиосон толь нь тухайн цагийнхаа монгол хэл шинжлэлийн ололтыг бүрэн ашигласнаас гадна тухайн үеийнхээ монгол утга зохиолын хэлний үгийн санд буй идвхтэй үгийг хамруулсан зэрэг ололттой талаараа дараа дараагийнхаа тайлбар толь болон орчуулгын толь, тусгай тольд нөлөө үзүүлж байгаа зэргийг харгалзан үзвэл уг бүтээл монгол хэлний тайлбар тольд шинэ үеийг нээсэн бүтээл гэж дүгнэн үзэж байна.

Эх орны хөгжил, шинжлэх ухаан технологийн дэвшил, дэлхийн монгол судлалын ололт зэрэг нь хүн ардынхаа оюуны хэрэгцээ

шаардлагад бүрэн нийцсэн монгол хэлний дэлгэрэнгүй тайлбар толь зохиохыг шаардаж байв. Үүнийг ч тухайн үедээ манай ахмад үеийн эрдэмтэд сайтар ойлгож, энэ шаардлагыг яавал шинжлэх ухааны үндэстэй гүйцэтгэж болох арга замын талаар өөрсдийн санал бодлоо илэрхийлж байжээ. Тухайлбал, академич А. Лувсандэндэв (1927–1997) *“ШУА-ийн Хэл зохиолын хүрээлэн үгийн санг шамдан судлах, түүнд шинэ арга нэвтрүүлэхэд их анхаарал тавьж байна. ... монгол хэлний үгсийн бүртгэл карт хийх нүсэр том ажлыг эхлээд гурван бум орчим үг бүртгээд байна. Ойрын ирээдүйд таван сая бүртгэл карт хийхээр төлөвлөж байна. ... энэ асар их хэмжээний нуршаантай ажлыг гүйцэтгэсний үр дүнд бид монгол үгийн жинхэнэ утга болон салбар утгыг мэдэхээс гадна үгийн сангийн судлалын олон асуудлыг нэлээд нарийн шинжлэх хэрэглэгдэхүүнтэй болох юм. Бид ийм материалыг суурь болгож байж сая шинжлэх ухааны үндэстэй бүрэн тайлбар толийг зохиож чадах билээ”* гэж тэмдэглэсэн байдаг. Их эрдэмтний тэр санаа төдөлгүй бүрэн биелэлээ олж, монгол хэлний хөгжлийн гуравдугаар үед хамаарагдах уран зохиол, түүх, нийгэм, эдийн засаг, төвийн сонин хэвлэл, уг үед монгол түмний дунд өргөн хэрэглэгдэж байгаа монгол ардын аман зохиол, орчуулгын зохиол, шинжлэх ухааны бүтээл, мөн түгээмэл хэрэглэгддэг нэр томьёо зэргийг хамарсан бүртгэл карт таван сая орчимд хүрчээ. Үүгээр “Монгол хэлний дэлгэрэнгүй тайлбар толь” зохиох үндсэн хэрэглэгдэхүүн бэлэн болсон гэж үзэж болно.

Эрдэм шинжилгээний ахлах ажилтан, дэд эрдэмтэн Х. Лувсанбалдан (1925–1992) “Монгол хэлний дэлгэрэнгүй тайлбар толь” зохиох арга зүйг өмнөх үеийн толь бичгүүдийг боловсруулсан туршлага, тухайн үеийнхээ монгол судлалын ололтод нийцүүлэн боловсруулж, уул дэлгэрэнгүй тайлбар толийг зохиох ажлыг удирдан эхлүүлсэн байна. Тэр цаг үеэс өөрөөр хэлбэл өнгөрсөн зууны сүүлчийн мөчлөгөөс хойш тайлбар толь зохиох ажилд ШУА-ийн Хэл зохиолын хүрээлэнгийн хэл шинжлэлийн тасгийн эрдэм шинжилгээний ажилтнууд шамдан орж *“Толь гэдэг хэцүү ажил, перец гэдэг халуун ногоо”* гэж академич Ц. Дамдинсүрэнгийн хэлсэн хатуу хэдий ч үнэн үгийг өөрсдийн биеэр мэдэрч эхэлсэн юм. Толь зохиох ажлыг Хэл зохиолын хүрээлэнгийн тав болон гурван жилийн хугацаанд гүйцэтгэх ажлын төлөвлөгөөнд алгасалгүй тусган хэрэгжүүлж ирсэн боловч, хүн хүч, хөрөнгө мөнгө дутмаг, лавлах хэрэглэгдэхүүн болон техник хэрэгсэл хангалтгүй байсан зэрэг шалтгааны улмаас уг ажлын явц нэлээд удааширч байсныг хэлэх хэрэгтэй.

Монгол хэлний дэлгэрэнгүй тайлбар толийг зохиож байх үест дэлхийн монгол судлал болон эх орны монгол хэл шинжлэлийн хүрээнд багагүй амжилт гарч, гадаад дотоодын номын сан, архив зэрэгт байсан монгол хэл соёлын түүхтэй холбоотой олон арван бүтээлүүд эрдэм шинжилгээний эргэлтэд орж, хэд хэдэн тайлбар толь бичиг хэвлэгдэн гарсан байлаа.

Даяаршлын зуун гэж бүх нийтээр хүлээн зөвшөөрч буй шинэ эринтэй манай улс золгох үедээ эх оронтоо хүмүүнлэг, иргэний ардчилсан нийгэм цогцлуулан хөгжүүлэхийг эрхэм зорилгоо болгон ард түмний эв нэгдлийн нэг гол илэрхийлэл, монголын ард түмний үеэс үед уламжуулан баяжуулж байх үнэт өв – эх хэлээ хамгаалан хөгжүүлэх шаардлага урьд урьдаас улам илүүтэй болов. Нийгэм түүхийн нөхцөл байдал, өөрөөр хэлбэл нэг талаас улс үндэстнүүд улам бүр ойртон, нийтлэг шинжтэй болж байгаа нөгөө талаас, улс орон бүр өөрийн үнэт зүйл болсон хэл соёлоо улам дархлаажуулан дангаарших хандлага илэрхий ажиглагдаж байгаа энэ үед эх хэлний талаар төрөөс баримтлах бодлогыг үндэсний аюулгүй байдлыг хангах бодлоготой уялдуулан улс орныхоо нийгэм эдийн засгийн хөгжлийг хангахад чиглүүлж ирэв. Энэ бүхэнтэй уялдуулан эх хэлний талаар төрийн бодлогыг хэрэгжүүлэх эрх зүйн зохицуулалтыг тодорхой болгоход чиглэгдсэн хуулийг Монгол улсын Их хурлаас батлан гаргасан билээ.

Энэ бүхэн нь Монгол улсын ерөнхийлөгч Намбарын Энхбаяр “Монгол хэлний дэлгэрэнгүй тайлбар толь зохиож хэвлүүлэх тухай (2005.09.26. 46)” зарлиг гаргахад хүргэсэн юм. Уг зарлигт *“Утга зохиолын хэлний хэм хэмжээг төгөлдөржүүлэх, монгол хэлний хөгжил хувьслын бүхий л үеийг тусгасан” –“Чихэнүү чимэг болсон аялгуу сайхан монгол хэлний үгийн сан, монголчуудын соёл, ахуй амьдрал, сэтгэлгээний өөрмөц онцлогоос эхлээд нийгмийн бүхий л салбарын юмс үзэгдлийг нэрлэсэн үг хэллэгийг багтаасан монгол хэлний дэлгэрэнгүй тайлбар толь туурвиж, өсөхөөс сурсан үндэсний хэл”-ээ хойч үедээ цэвэр ариунаар уламжлах, үндэснийхээ хэлний дархлааг бататгах зорилгоор...”, “Монгол хэлний дэлгэрэнгүй тайлбар толь”-ийг зохиож, хэвлүүлэх ажлыг 2006 онд багтаан гүйцэтгэхийг ... үүрэг болгосугай”* гэж заасан билээ. ШУА-ийн Тэргүүлэгчдийн газар, Нийгмийн ухааны салбарын удирдлага Монгол улсын ерөнхийлөгчийн зарлиг хуулийг хэрэгжүүлэх үүднээс уг ажлыг эрчимжүүлж бүрэн дуусгах талаар шаардлагатай бүхий л талын тусламж, дэмжлэг үзүүлж зохион

байгуулалтын чанартай хэд хэдэн арга хэмжээ авч хэрэгжүүлэв. Энэ нь тус ажилд шаардлагатай техник хэрэгсэл, гадаад дотоодын эрдэмтдийн туурвисан сүүлийн үеийн ном бүтээл худалдан авах, гэрээгээр ажилтан ажиллуулах, мэргэжлийн эрдэмтдээр тольд орсон байгаль, нийгэм, шинжлэх ухаан, техник технологийн нэр томьёог хянуулах, дотоод шүүмж бичүүлэх зэрэг олон хэлбэрийн ажил байсныг тэмдэглэх хэрэгтэй.

Нэг талаас улсынхаа Ерөнхийлөгчийн зарлигийг бүрэн хэрэгжүүлэх, нөгөө талаас нийгэм түүхийн нөхцөл байдалтай уялдан эх хэлнийхээ үнэ цэнийг улам гүнзгий ухаарч, хэл соёлынхоо дархлааг бэхжүүлэн, харилцааны хэрэглүүр болсон "зэвсэг"-ээ зөв бөгөөд чадварлаг эзэмших, залуу хойч үедээ эзэмшүүлэх асуудал манай орны иргэн бүрийн ариун үүрэг болон хурцаар тавигдаж байгаатай уялдан, толь бичиг зохиох ажлыг зөвхөн эрчимжүүлэхээс гадна, бас шинэ баримт хэрэглэгдэхүүнээр нэмэн баяжуулах, монгол хэл судлалын хүрээнд гарсан ололтод тулгуурлан уул толь бичиг зохиох хуучин арга зүйд зарчмын чанартай зарим нэг өөрчлөлт оруулах шаардлага зүй ёсоор урган гарсан юм.

1. Тайлбар толь зохиох арга зүйд туссаны дагуу монгол утга зохиол, хэлний хөгжлийн шинэ үе буюу гуравдугаар үе XVII зууны дунд үеэс эхэлсэн гэж үздэг онолыг баримтлан, монгол утга зохиолын хэлний шинэ үед идэвхтэй хэрэглэгддэг үг, хэллэгийг бүхэлд нь хамруулах зорилт тавив.

2. Хэл бол алгуурхан боловч өөрчлөгдөн хувьсч байдаг маш нарийн хэвшсэн тогтолцоо, энэ тогтолцоо нь бас цааш салбарлан дэд тогтолцоог үүсгэдэг гэдэгтэй маргах хүн үгүй биз ээ. Иймээс үгийн утга нь аливаа үг, бусад үгтэй холбогдож, өөрөөр хэлбэл тогтолцоондоо орж байж л сая үндсэн утга, салбар утга, шилжсэн утга зэргээ тодорхой илэрхийлж чаддаг билээ. Энэ талаар ухамсарт бүхий л амьдралаа монгол хэл судлалын онолын болон практик судалгаанд зориулсан эрхэм хүндэт манай ахмад судлаачид монгол хэлний утгыг судлах талаар гаргасан томьёоллыг бид уул толийг зохиох нэг үндсэн зарчим болгон хоршоо үг, нийлмэл үг, нийлэмж үг, холбоо үг, хэлцийн утгыг тодорхойлон, утга зохиолын хэлний болон ярианы хэлний жишээ баримтаар баталгаажуулахад ихээхэн анхаарсан болно.

3. Монгол хэлний уламжлалт тайлбар толиудад үгийн сан, хэл зүйн зааг ялгааг төдий л тууштай баримтлан ялгадаггүй байсан уламжлалыг эргэн үзэх шаардлага бас гарсан юм. Тухайлбал, Шагж

гуайн тольд үг, холбоо үг, нийлмэл үг, хэвшмэл хэллэг, өвөрмөц хэллэг, үгийн хэл зүйн хэлбэрийн ялгааг тодорхой гаргалгүй цөмийг толгой үг болгон бичсэн байдгийг өмнө дурдсан билээ. Я. Цэвэл авхайн тольд хэв байдлын айн утга илэрхийлдэг бүтээвэр авсан үгийг хэл зүйн үүднээс тийм үйл үгийн үйлдүүлэх хэв, үйлдэгдэх хэв гэж тайлбарласан байдаг. Хэдийгээр *"Орчин цагийн монгол хэл зүй"* (Уб., 1966), Ш. Лувсанвандан *"Орчин цагийн монгол хэлний бүтэц (монгол хэлний үг, нөхцөл хоёр нь)* (Уб., 1968) монгол хэлний хэл зүйн асуудалд зориулсан суурь судалгааны бүтээлүүдэд *"...язгуур үйл үг болон үүсмэл үйл үгэнд хэвийн дагавар залгавал үйл үгээс үйл үг үүснэ ..., ... язгуур үйл үг болон үүсмэл үйл үгэнд байдлын дагавар залгавал үйл үгээс үүсмэл үйл үг үүснэ"* гэх буюу *"...Үйл үг үүсгэх дагаврыг ямар үндэс буюу язгуурт залгаж үйл үг үүсгэхээр нь үндэс болгож үйл үгээс үйл үг үүсгэх, нэр үгээс үйл үг үүсгэх, язгуураас үйл үг үүсгэх дагавар гэж ангилж болно"* гэж томьёолсон байдаг. Иймээс уул толийн арга зүйд толгой үгийг үндсээр нь оруулна гэж заасан учир үүнээ тууштай баримтлан, монгол хэлний хэв, байдлын дагавар нь нэг талаар үгийн үндэс үүсгэнэ гэж үзээд тэдгээр бүтээврийг авсан үгийн утгыг үгийн сангийн үүднээс нь тайлбарлахад ихээхэн анхаарсан болно. Иймээс учир толгой үгэнд хэл зүйн холбогдолтой ямар нэг тайлбар хийгээгүй болно.

4. Ер нь аливаа толь бичиг утга зохиолынхоо хэлний үгийн утгын болон зөв бичлэгийн хэм хэмжээг журамлахад зориулагддаг учир, орчин үед янз янзаар бичиж байгаа үгийн бичгийн хэлний хэлбэрийг гол болгох, буруу хэвшсэн бичлэгтэй үг байвал зөв хэлбэрийг нь тольд тусган оруулахад анхаарсан болно. Өөрөөр хэлбэл уг тольд орж байгаа толгой үг түүний тайлбар жишээ баримтыг одоогийн мөрдөж байгаа үсгийн дүрэмд нийцүүлэхэд ихэд анхаарав. Харин өөр өөрөөр зөрүүтэй бичиж буй үгийг одоогийн мөрдөж байгаа зөв бичих зүйн дүрэмд ашиглагдаж буй аль боломжтой зарчимд нь нийцүүлэн журамлахыг эрмэлзсэн болно.

ШУА-ийн Хэл зохиолын хүрээлэнгийн хэл шинжлэлийн тасгийн эрдэм шинжилгээний ажилтан бид манай үеийн ахмад эрдэмтдийн гүйцэтгэж ирсэн, тольд өмнө дурдсан арга зүйн дагуу баримт хэрэглэгдэхүүнийг нэмэн оруулж энэхүү толийг таван ботиор зохион дуусгасан юм.

Хэдийгээр бид арга зүйд заасны дагуу монгол хэлний хөгжлийн гуравдугаар үе буюу орчин цагийн монгол үндэсний утга зохиолын

хэлэнд түгээмэл, идэвхтэй хэрэглэгддэг үгсийг тольд оруулах зарчим баримталсан авч, аливаа хэлний тодорхой үе нь өнгөрсөн үеийн хэлний байдал, ирээдүйн хөгжлийн хандлагыг нэг адил тусгадаг, өөрөөр хэлбэл уламжлал шинэчлэлийн холбоонд байдаг нь тодорхой билээ. Учир иймээс манай тольд орсон үг хэллэг нь нэг талаар орчин цагийн монгол утга зохиолын хэлний идэвхтэй үгийг хамарч байгаа ч, үеэс үед монгол түмнийг нь нэгтгэн нягтруулж туурга тусгаар монгол түмний мөн чанар, хэв шинжийг илтгэн соёл боловсролыг минь монгол агаараар ундаалан тэтгэж буй үг хэллэг, манай орны хөгжил дэвшил, шинжлэх ухаан технологийн хөгжлийн явцад гарсан шинэ үг хэллэг, нэр томьёо, бусад улс орнуудтай соёл түүхийн гүн бат холбоотой явсныг илтгэн харуулдаг харь үг зэргийг тодорхой хэмжээгээр хамарсан болно.

Эдүүгээ дэлхий нийтийг хамарч буй аж үйлдвэрийн дөрөвдүгээр хувьсгал нь манай нийгмийн амьдралд гүнзгий өөрчлөлт гаргахын зэрэгцээ ард нийтийн өв,соёл боловсрол цэцэглэн хөгжиж, энэ үед шинжлэх ухаан, шинжлэх ухааны мэдээлэл, эрдэм мэдлэгийг түгээн дэлгэрүүлэх харилцааны хэрэглүүрийн үүрэг урьд урдынхаас улам илүү нэмэгдэх болсон юм. Энэ бүхэнтэй уялдуулан цаасан хэлбэрээр нийтлүүлсэн таван боть болгон хэвлүүлсэн “Монгол хэлний тайлбар толь”-ийг цахим хэлбэрээр нээлттэйгээр байршуулав. Асар их нуршаантай энэ ажлын программ хангамжийг хийж олон нийтэд нээлттэй болгоход манай улсын ерөнхийлэгчийн тамгын газар гүн туслалцаа үзүүлснийг онцлон тэмдэглэх хэрэгтэй буй заа. Цахим орчинд нээлттэй байршуулсан энэхүү толь бичгийг хэрэглэгчид зөвхөн ашиглан өөрийн хэрэгцээг хангах биш, бас мэдэх үгсээ нэмэн оруулах, өмнө нь байршуулсан үгийн утгыг нэмэн дэлгэрүүлэх зэргээр өөрчлөалт оруулах эрхтэй. Бидний хийсэн урьдчилан гаргасан тооцоогоор бол өдөрт дундачаар 9-11 мянган нэвтрэн орж, гар утсанд зориулсан хэлбэрийг нь одоогийн байдлаар 500.000 орчим хүн өөрийн утсандаа татан авч ашиглаж байна.

Үг бол аливаа нэг юм, үзэгдэл түүний шинж чанар, тоо хэмжээ, орон цаг, үйл хөдлөл зэргийг заан илтгэдэг хэлний бэлэн нэрлэлт юм. Иймд нэг үг мэднэ гэдэг нь чухамдаа тэр үгээр бэхжин бидний ухамсарт туссан цаад нэрлэгдсэн юмыг мэднэ гэсэн үг. Төвөд хэлэнд чой гэдэг нь ном, юм гэсэн утгатай байдаг нь үүнтэй холбоотойнх биз. Өөрөөр хэлбэл юмыг мэднэ гэдэг номыг нь мэднэ гэсэн үг, номыг мэднэ гэдэг цаад юмыг нь мэднэ гэсэн үг юм. Иймд монгол хэлний үг

нь манай ард түмний ахуй амьдрал, нийгэм соёл, түүх, сэтгэлгээний өвөрмөц онцлогийг тусган үеэс үед уламжлуулсан *“чин зоригт өвөг дээдсийн минь өв их эрдэнэ”* билээ. Энэ эрдэнэтэй Та бүхнийг танилцуулахад 80000 толгой үгтэй 120000-аад үг хэллэгийг багтаасан уг бүтээл ямар нэг хэмжээгээр тус болно гэж найдаж байна.

Хэл бол алгуурхан боловч өөрчлөгдөн хувьсаж байдаг маш нарийн тогтолцоотой нийгмийн үзэгдэл тул өмнө хийсэн толь бичгүүдээ нийгмийн хөгжилтэй уялдуулан улам баяжуулан төгөлдөржүүлэх, нийгмийн эрэлт хэрэгцээнд бүрэн нийцсэн тайлбар толь бичиг зохион гаргах нь хэл бичгийн эрдэмтэн бидний өмнө хэвээр байгааг эцэст тэмдэглэн хэлэхийг хүсэж байна.

Эрхэт төр маань үүрд мөнх оршиж
Эх хэл маань цэцэглэн хөгжих болтугай!

Г. А. Дырхеева
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
Улан-Удэ, Россия
an5dag1@mail.ru

БУРЯТСКИЙ ЯЗЫК И ИДЕОЛОГИЯ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Статья посвящена особенностям идеологического влияния на развитие бурятского языка. В историческом аспекте внимание обращено на период реформ письменности 1920–1930 гг., и далее – на постперестроечный период 1990–2000 гг., период ре- и деидеологизации, отсутствия национальных идей. Отмечены положительные и отрицательные стороны данных процессов и их влияния на состояние и развитие бурятского языка, в том числе развитие бурятско-русского билингвизма. Современный сложный процесс конструирования новых идей показан на примере анализа лексемы *эхэ орон* ‘родина’. Проведенный свободный ассоциативный эксперимент на бурятском и русском языках показал, что современное идеологическое осмысление данного понятия, как и у других народов, у бурят на родном языке начинается с родной земли, ближних, домочадцев. Затем ощущение родственной близости распространяется на родной край, страну, соотечественников. Русскоязычное же понимание родины в основном соответствует образу родины носителей русского языка, но в отличие от ассоциатов в «Русском ассоциативном словаре» в русскоязычное ассоциативное поле двуязычных бурят вошли идеологические компоненты: *гражданство, патриот, патриотизм, долг, честь*.

Ключевые слова: идеология, письменность, бурятский язык, русский язык, ассоциативный эксперимент.

G. A. Dyrkheeva
Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
Ulan-Ude, Russian Federation

BURYAT LANGUAGE AND IDEOLOGY: HISTORY AND MODERNITY

The paper deals with the peculiarities of the ideological influence on the development of the Buryat language. In the historical aspect attention is drawn to the period of writing reforms of 1920–1930 and beyond the post-perestroika period 1990–2000, the period of the re- and de-ideologisation, the absence of national ideas. The positive and negative aspects of these processes and their impact on the state and development of the Buryat language, including the development of Buryat-Russian bilingualism, were noted. The modern complex process of constructing of new ideas is shown by the example of the lexeme analysis of *ekhe oron* 'homeland'. A free association experiment conducted in Buryat and Russian languages showed that modern ideological understanding of this concept, as with other peoples, in buryats in their native language begins with their native land, neighbors, household members. Then the feeling of kinship spreads to the native land, country, compatriots. The Russian-speaking understanding of the homeland basically corresponds to the image of the homeland of the native Russian speakers, but in contrast to the association in "Russian Association Dictionary", the Russian-language association of bilingual buryats includes ideological components: *citizenship, patriotism, duty, honor*.

Keywords: ideology, writing, Buryat language, Russian language, associative experiment.

Как известно, любая идеология – это объединительная и мобилизующая идея. В разные исторические периоды в различных обществах, государствах разрабатывались и формировались определенные идеи, системы идей, идеалов с целью определенного воздействия на сознание людей, их поведение, на регуляцию общественного сознания. Очевидно, что и формулирование идей и, соответственно, достижение их воздействия на общество невозможно без языка, основного средства коммуникации. Язык является, с одной стороны,

наиболее эффективным средством политико-идеологической борьбы, орудием пропаганды, с другой, его структура, особенно лексико-стилистический уровень, находится под сильнейшим влиянием процессов, происходящих в политической, социальной и культурной жизни носителей языка.

Своеобразными и интересными на этом фоне представляются исследования, рассматривающие отношения между письменными формами языка и, соответственно, политической составляющей языковых отношений. История развития письменности в разных обществах показывает, что письмо практически с самого его появления было орудием власти и, соответственно, его форма, сферы функционирования, доступ к нему широких масс населения, фактически, постоянно находились под пристальным вниманием власть предержащих.

Достаточно много и подробно в отечественном языкознании рассматривался процесс латинизации и кириллизации письменности периода 1920–1930-х гг. как части сложного культурно-политического процесса, фундаментальной основы культурно-исторической модернизации общества. Специфической и до сих спорной особенностью данного процесса в Бурятии является отмена старомонгольской письменности, которая, по мнению многих специалистов, нарушила культурные и языковые традиции и попытки возрождения которой уже несколько десятилетий предпринимаются в Монголии. Резкая смена письменностей на латиницу, а затем на кириллицу, привела к тому, что многочисленные материалы и документы на старомонгольском языке в Бурятии, Калмыкии, Монголии оказались невостребованными, прервалась связь времен, ученые-гуманитарии почувствовали недостаток, нехватку именно этих материалов, а народ оказался лишенным значительного исторического пласта своей прошлой духовной культуры, ценностей восточной философии, науки. Можно также отметить, что прервалась не только связь временная, но и территориальная. Носители монгольских языков (включая шэнэхэнских бурят), проживающие в Китае, до сих пор используют старомонгольскую письменность, что, очевидно, не способствует тесному общению и взаимодействию монголоязычных народов. Пример ее использования во Внутренней Монголии Китая показал, что древнейшая из собственно монгольских систем письма – старомонгольская письменность (классическое монгольское письмо) – оказалась наиболее успешной из многочисленных вариантов систем письма, использо-

вавшихся для записи монгольского языка, которая после ряда модификаций продолжает использоваться до настоящего времени.

Очевидной в этом плане является достаточно обоснованной точка зрения В. М. Алпатова [2000: 65] о том, что в процессе замены систем письма в 1920–1930-е гг. ведущую роль сыграл политико-культурный аспект, который включал смену культурной ориентации на европеизацию. Причиной же смены латинской графики кириллицей послужил отказ советского правительства от распространения идей мировой революции. В частности, что касается бурятского языка, то здесь существовала опасность, что «культура бурят тяготела бы к Улан-Батору, а не к Москве, что могло когда-нибудь поставить и вопрос о границах» [Алпатов 1994: 15–16].

Несомненно, данный период нельзя характеризовать однозначно и, скорее всего, именно такой интенсивный подход к решению проблемы латинизации, а в дальнейшем кириллизации и в целом ликвидации неграмотности, коренизации национальных школ и т. д. способствовал не только резкому повышению образовательного уровня бурят (несмотря на все идеологические и материальные проблемы и трудности, а также подтасовку иногда некоторых статистических сведений), но и во многом развитию бурятской науки, филологии. Именно в этот период были заложены основы теоретического монголоведения, которое заняло впоследствии одно из ведущих мест в отечественном востоковедении, и основы бурятского языкознания, которое было признано наиболее разработанным среди лингвистик малых народов.

То есть имеется четкая связь письменности не только с основой литературного языка, но и в целом с устройством общества, отмена старомонгольской письменности и появление новаторской основы письма явились знаковой заявкой на появление литературного (можно добавить, самостоятельного) языка, но уже имевшего определенные территориальные границы. Поиск и выбор в качестве основы литературного языка вначале селенгинского, а затем хоринского диалекта представляется результатом поиска языковой идентичности бурятского сообщества.

Можно также утверждать, что переход на кириллицу в определенной степени способствовал быстрому усвоению бурятами (а в Монголии монголами) русского языка, что в дальнейшем привело к активному развитию бурятско-русского двуязычия и в дальнейшем к проблемам современного бурятского языка.

Сегодня уже можно также сказать, что во многом современные проблемы со многими национальными языками есть следствие или результат политических и идеологических решений, принятых в советский период. Это касается не только процесса реформ письменностей, но и реформ системы образования относительно национальных языков, и разработки разнообразных идеологем типа «единый советский народ» и др.

К сожалению, своеобразным и сложным для национальных языков оказался и постсоветский период, крах коммунистической идеологии, развитие деидеологических процессов, дальнейший процесс реидеологизация, т.е. восстановление идеологии. Практически, языки оказались вне поля зрения и государства и самих этнических сообществ. Можно сказать, что постсоветский период – период отсутствия новых, в том числе национальных, идей. Очевидно, что данный процесс в основном наблюдался и анализировался специалистами «на местах». И в основном шла констатация фактов, касающихся утраты языков, утраты национального самосознания и т.д.

В частности, в Бурятии в 1990–2000 гг. эти процессы активно обсуждались, шел, так сказать, поиск новых идеологем. Ведущими обществоведами, в частности, высказывались мнения о выборе бурятского языка в качестве основного структурообразующего компонента этничности. С данным мнением были согласны не все, в частности, бурятский этнограф Т. М. Михайлов считал, что язык – не главный фактор национальной идентификации. Буряты, не знающие своего языка, проживающие в Улан-Удэ и живущие вдали от Родины – в Москве, Санкт-Петербурге и других городах – осознают себя бурятами. По его мнению, этническое самосознание – главнейший фактор идентификации. Большинство же историков и этнографов выразили свое несогласие с ним. Профессор Ю. Б. Рандалов полагал, что трагедия бурятского народа в том, что у нас в этом вопросе несколько истин и, к сожалению, горькая истина – ассимиляция бурятского народа продолжается. Но для национальной самоидентификации нужен структурообразующий элемент, и это родной язык. Г. Л. Санжиев рекомендовал при этом обязательно учитывать национальную консолидацию народов республики.

Сегодня, как мы видим, современная идеологическая панорама чрезвычайно сложна, многообразна, многогранна. В ней сосуществуют и сталкиваются, соперничают идеологии различного масштаба,

уровня, разных степеней влияния на людей. Очевидно, что ведущими из них являются глобализм и национализм.

Как говорится, действие вызывает противодействие, и очевидно, что в условиях глобализации и интенсивного межкультурного взаимодействия большинство народов стремится к сохранению и поддержке своего неповторимого социокультурного характера, облика, своих традиционных ценностей. То есть в таких условиях идет процесс конструирования новых идеологий, в том числе гражданских, этнических реальностей. В этом русле находятся и современные буряты, сегодня идет процесс интенсивного становления идентичности. И очевидно, что определенную и достаточно существенную роль в этом процессе этнической, гражданской, конфессиональной идентичности играет бурятский язык.

В целом, ситуация с бурятским языком достаточно широко описана и представлена в научной, общественно-политической литературе, освещается в СМИ, интернете и т. д. И в целом отмечается предпочтение бурятами использования русского языка в различных ситуациях, что говорит о постепенной их ориентации на ценности и смыслы современного светского и русскоязычного общества. В частности, это подтверждается результатами проведенного ассоциативного эксперимента.

Основной задачей эксперимента, проведенного в 2008–2009 гг., было выявление типов и видов реакций, их ценностных лингвокультурологических значений. В эксперименте участвовали более 200 испытуемых (120 – буряты, заполнившие анкеты на бурятском языке, 110 – буряты, заполнившие анкеты на русском языке), бурятско-русские билингвы в возрасте от 18 до 65 лет. Часть лингвистического теста включала 84 слова-стимула, они включали слова как различных тематических групп (персоналии, цвета, реалии др.), так и частей речи (существительные, прилагательные, глагол) и представленные на двух языках – бурятском и русском. Одним из таких слов-стимулов было понятие «родина».

По мнению С. Г. Воркачева, это понятие, в том числе, «…сущность идеологическая в том смысле, что в нем отражаются представления общества (или его части) о самом этом обществе и о его идеальном устройстве. Можно сказать также, что этот концепт латентно этнонимичен: в нем в “свернутом” виде присутствуют взгляды этноса на самого себя как на носителя определенной культу-

ры и оценка собственного «национального характера»» [Воркачев, 2006: 28].

Полученное в результате опроса ассоциативное поле лексемы «родина» на бурятском языке выглядит следующим образом:

Эхэ орон: *нютаг* ‘родное место, родные кочевья, родина, родной улус’ 23, *буряад* ‘бурят, бурятский’ 6, *дуран* ‘желание, воля, любовь’, *түрэһэн газар* ‘родная земля’, *түрэһэн нютаг* ‘родимая сторонушка, родной улус’, *тоонто* ‘послед, место рождения’ 4, *буряад орон* ‘бурятская страна’, *түрэһэн* ‘родной, родимый’, *Хэжэнгэ* ‘Кижинга’, *эжы* ‘мать’ 3, *аба* ‘отец’, *аймаг* ‘аймак’, *гүрэн* ‘государство’, *дэлхэй* ‘мир, земля’, *президент* ‘президент’, *түрэл нютаг* ‘родная сторона’, *тон үнэтэй* ‘самый дорогой’, *хамгаалха* ‘охранять’ 2, *алтан шорой* ‘золотая почва’, *байгаали* ‘природа’, *Байгал* ‘Байкал’, *байдал* ‘положение, жизнь’, *Бурятия* ‘Бурятия’, *мэдэхэ* ‘знать, чувствовать’, *нютаг нуга* ‘луга, родные места’, *родина* ‘родина’, *Росси* ‘Россия’, *томо* ‘большой’, *туг* ‘флаг, знамя’, *уужам* ‘обширный’, *хуули* ‘закон’, *һайн* ‘хороший, добрый, красивый’, *энэ бииб* ‘это я’.

Русскоязычное ассоциативное поле:

Родина: Россия 10, отчизна 9, мать 8, страна 6, малая 5, Бурятия, дом, земля 4, край родной, место рождения, отечество 3, любовь, моя, одна, родная 2, береза, большая, где живешь, государство, гражданство, детства, детство, долг, дорогая, друзья, Забайкалье, Зуткул, Кижинга, край, любовь к родине; место, где родился, долго жил и хорошо себя чувствуешь; Нурта, отчий дом, охраняемая, патриот, патриотизм, родимое место, родные, рождение, честь.

Полученный материал был рассмотрен в сравнении с ассоциативным полем данного понятия в «Русском ассоциативном словаре» [1994]:

Родина: мать 27, моя 12, зовет 5, любимая, одна, СССР 4, большая, Россия 3, мать зовет, отечество, отчизна 2, Север, аршин, береза, березки, большой, в опасности, гадина, глупа, город, есть Родина, защита, зелень, иметь, кинотеатр, любить, мать твою, мать твоя, милая, много-много, могучая, Москва, наша, патриот, природа, родная, РСФСР, с маленькой буквы, Советский Союз, тюрьма, флаг.

Этнонимичность понятия *эхэ орон* была достаточно ярко продемонстрирована и в нашем ассоциативном эксперименте. В основе представления бурят о родине *эхэ орон*, родной земле, как и у многих народов, лежат взаимозаменяемые, часто дополняющие друг друга

понятия: *нютаг* ‘родное место, родные кочевья, родина, родной улус’ (самая высокая частота – 23), *түрэһэн газар* ‘родная земля’ (4), *түрэһэн нютаг* ‘родимая сторонушка, родной улус’ (4), *түрэл нютаг* ‘родная сторона’ (2), *нютаг нуга* ‘луга, родные места’, *аймаг* ‘аймак, район’. То есть из двух основных значений: родина как родная страна, «большая родина» и родина как место рождения, «малая родина» в бурятском языковом сознании преобладает именно второе, наиболее важное для кочевника значение – часть пространства, территория, где проживает родное общество.

Русскоязычное понимание родины значительно отличается от такового на бурятском языке и в основном оно соответствует образу родины носителей русского языка, причем более всего оно соответствует представлениям об отчизне и государстве. Самой частотной в «Русском ассоциативном словаре» является реакция «мать», которая, возможно, помимо соотнесения с архетипом патриотического сознания, объясняется устойчивой конструкцией «родина-мать зовет». Данная ассоциация также является высокочастотной (8) в нашем случае, однако на первом месте в бурятском языковом сознании на русском языке стоят представления о «большой родине»: Россия (10), отчизна (9), страна (6), отечество (3), государство, ассоциируемое с Россией слово ‘береза’.

Интересно, что в отличие от ассоциатов в «Русском ассоциативном словаре» и в бурятоязычном словаре в данное ассоциативное поле вошли идеологические компоненты: *гражданство, патриот, патриотизм, долг, честь*. Возникает вопрос: можно ли говорить о том, что буряты, воспитанные на русском языке, во-первых, постепенно забывают свои корни, свою малую родину, то, что их связывает с ней и, во-вторых, они стали идеологически более воспитаны, патриотичны или это все-таки объясняется велением времени, когда активно меняется иерархия ценностей? То есть, еще раз подтверждается, что лексические параллели, условно называемые межъязыковыми эквивалентами, или межъязыковыми синонимами, по сути своей квазисинонимичны, так как при их восприятии в сознании возникают разные понятийные ассоциации, соответствующие различным формам, в том числе, национального представления о сущностях и явлениях действительности.

Таким образом, современное идеологическое осмысление понятия *эхэ орон* ‘родина’, как и у других народов, у бурят на родном языке

начинается с родной земли, ближних, домочадцев. Затем ощущение родственной близости распространяется на родной край, страну, соотечественников. Этноспецифичность же, глубокий духовный и эмоциональный подтекст понятия *эхэ орон* определяется, в том числе, древними культовыми традициями. Русскоязычное же понимание родины в основном соответствует образу родины носителей русского языка, причем более всего оно соответствует представлениям об отчизне и государстве.

Литература

Алпатов В. М. Об эффективности языкового законодательства // Языковые проблемы Российской Федерации и законы о языках: мат-лы Всерос. науч. конф. (Москва, 1–3 ноября 1994 г.). М., 1994. С. 13–18.

Алпатов В. М. 150 языков и политика: 1917–2000. Социолингвистические проблемы СССР и постсоветского пространства. М.: Крафт+, 2000. 224 с.

Воркачев С. Г. Слово «Родина»: значимостная составляющая лингвоконцепта // Язык, коммуникация и социальная среда. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2006. С. 26–36.

Русский ассоциативный словарь. Кн. 1 / Ю. Н. Караулов, Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов и др. М., 1994. 224 с.

Бадма-Одсар, Сурнаа, Ургаа
Өвөр Монголын Их Сургууль
Хөх-Хот, Бүгд Найрамдах Хятад Ардын Улс
badma_odsar@aliyun.com

СОЦИОЛИНГВИСТИК ОНОЛЫН БОЛОН ПРАКТИКИЙН ЗАРИМ АСУУДАЛ: МОНГОЛЧУУДЫН ХЭЛНИЙ АМЬДРАЛЫН СУДАЛГААНД ТУЛГУУРЛАХ НЬ[1]

Данная работа основана на полевых исследованиях, проведенных исследовательской группой в рамках крупного проекта Национального фонда социальных наук «Исследование языковой жизни монгольской этнической группы» по изучению условий языковой жизни в районах

[1] Энэхүү судалгаа нь Улсын Нийгмийн Шинжлэх Ухааны Сангийн «Монгол үндэстний хэлний амьдралын судалгаа (17ZDA316)» чухал төсөл болон Гадаад боловсролын хөрөнгө оруулалтын хорооны «2025 оны улс орчны судалгааны авьяас чадварыг дэмжих төсөл» – «Зүүн Хойд Азийн бүс нутгийн хэлний амьдралын судалгааны онол, практикийн шинэчлэлийн судалгаа» төслөөс санхүүжилт авч байна.

проживания монголов в автономном районе КНР Внутренняя Монголия, а также в западных и северо-восточных регионах Китая. В докладе рассматриваются адаптивность, применимость и сложности социолингвистических теорий при изучении языков меньшинств. Анализируя состояние использования монгольского языка, языковые установки, языковые контакты, языковой сдвиг и влияние языковой политики, в докладе подчеркиваются ограничения социолингвистических теорий в объяснении многоязычия и предлагаются рекомендации по оптимизации исследовательских методологий.

Ключевые слова: социолингвистика, монгольские этнические группы, языковая жизнь, языковой сдвиг, языковая политика.

Badma-Odsar, Surnaa, Urgaa
Inner Mongolia University
Hohhot, People's Republic of China

SOME ISSUES OF SOCIOLINGUISTIC THEORY AND PRACTICE: IMPLEMENTATION IN THE STUDY OF THE LANGUAGE LIFE OF THE MONGOLS

This paper draws on the fieldwork conducted by the research team of the National Social Science Fund's major project, "Investigation of the Language Life of the Mongolian Ethnic Group", regarding the language life conditions in the Mongolian-inhabited areas of the Inner Mongolia Autonomous Region, as well as in the western and northeastern regions in China. It explores the adaptability, applicability, and challenges of sociolinguistic theories in the investigation of minority languages. By analyzing the status of Mongolian language use, language attitudes, language contact, language shift, and the impact of language policies, the report highlights the limitations of sociolinguistic theories in explaining multilingual phenomena and proposes suggestions for optimizing research methodologies.

Keywords: sociolinguistics, Mongolian ethnic groups, language life, language shift, language policy.

Социолингвистик нь хэл ба нийгмийн харилцааг судалдаг салбар бөгөөд түүний гол зорилт нь хэлний хувьсал, хэлний харилцаа, хэлний бодлого зэрэг үзэгдлийн ард нөлөөлж буй нийгмийн хүчин зүйлсийг илрүүлэх юм. Хятадын үндэсний цөөнхийн нэг болох монголчуудын хэлний амьдрал нь олон хэлний хамт амьдрах, үе үеийн ялгаа илтэй гэх зэрэг онцлогтой бөгөөд энэ нь социолингвистикийн онолд өргөн судалгааны материал өгдөг.

Энэхүү өгүүлэлд “Монголчуудын хэлний амьдралын судалгаа” гэх Улсын нийгмийн шинжлэх ухааны сангийн томоохон төслийн багын Өвөр Монголын Өөртөө Засах Орн болон баруун, зүүн хойд хэсгийн зарим монголчуудын төвлөрсөн бүс нутгийн хэлний амьдралын талаар хийсэн шинжилгэээнд тулгуурлан социолингвистикийн онолын практик дэх хэрэглээ болон тулгамдаж буй асуудлуудыг хэлэлцэх болно.

1. “Монголчуудын хэлний амьдралын судалгаа” төслийн явц, гол судалгааны үр дүн болон нөлөө

Төслийн явц. Улсын нийгмийн шинжлэх ухааны сангийн томоохон төсөл “Монгол хэлний амьдралын судалгаа” 2017 оны 11-р сард батлагдаж, 2019 оны 12-р сард дундын хяналтыг давсан. Анх 2022 оны 12-р сард дуусгахаар төлөвлөсөн боловч COVID19 тахлын нөлөөгөөр зарим бүс нутагт хийгдэх ёстой судалгаа саатаж, холбогдох ажил 2024 оны сүүл хүртэл сунгагдсан. 2023 оноос нааших хугацаанд төслийн баг Өвөр Монголын Өөртөө Засах Орны хэлний боловсролын бодлого, үндэсний боловсролын бодлого, улсын нийтлэг хэл бичгийг сурах, хэрэглэх, түгээх бодлогод оруулсан өөрчлөлтийг харгалзан холбогдох төслийн ажлын агуулгыг тохируулсан. Монгол Улсын уламжлалт монгол бичгийг сэргээн хэрэглэх бодлогын хэрэгжилтийг хянан, холбогдох асуудлуудыг тусгайлан судалж, Монгол Улсын хамгийн сүүлийн үеийн хэлний бодлогын судалгааны агуулгыг нэмж боловсруулсан.

Үе шаттай судалгааны үр дүн. Төслийн баг өнөөг хүртэл дотоод, гадаадад албан ёсоор хэвлүүлсэн үе шаттай судалгааны үр дүнд: 5 ширхэг академик өгүүлэлйин эмхэтгэл, 2 ном, 34 сэтгүүлд хэвлэгдсэн өгүүлэл, 23 өгүүлэлийн эмхэтгэлд хэвлэгдсэн өгүүлэл, 28 эрдэмийн зэрэг хамгаалсан зохиол (үүнд 17 магистрын зохиол, 11 докторын зохиол) багтана. Эдгээр үр дүн нь Хятадын Өвөр Монгол, баруун, зүүн хойд гурван бүс нутаг болон Монгол Улсын хэлний амьдралын нөхцөл байдал, хэлний бодлогын судалгаа, холбогдох өгөгдлийн сангийн боловсруулалтыг хамардаг.

Эцсийн судалгааны үр дүн. “Хятад, Монгол хоёр улсын хэлний бодлогын судалгааны тайлан” (ном): 160,000 гаруй үгтэй, гол агуулга нь "Монгол хэлний бодлогын бичвэрйин тоон судалгаа", “Монгол Улсын хэлний бодлогын судалгаа”, “Хэлний бодлогын бичвэрийн материал цуглуулга” гэсэн гурван хэсгээс бүрдэнэ.

“Хятад, Монгол хоёр улсын хэлний амьдралын судалгаа” (ном): 300,000 гаруй үгтэй, гол агуулга нь Хятадын хэлний амьдралын су-

далгаа, Монгол Улсын хэлний амьдралын судалгаа гэсэн хоёр хэсгээс бүрдэх бөгөөд өдөр тутмын амьдралын хүрээ, боловсролын хүрээ, захиргааны шүүхийн хүрээ, хэвлэл мэдээллийн хүрээ, тусгай хүрээний хэлний амьдралын нөхцөл байдал, хэлний үзэмж зэргийг хамарсан.

Судалгааны тайлан 2.

Өгөгдлийн сан 2, корпус 1: 1) "Монгол хэлний бодлогын өгөгдлийн сан"; 2) "Монгол хэлний амьдралын нөхцөл байдлын өгөгдлийн сан"; 3) "Монгол хэлний бодлогын бүтэн бичвэрийн корпус".

Нөлөө. Энэхүү төслийн тухайн салбарт хийгдсэн өмнөх судалгаануудтай харьцуулахад онцлог шинж чанарууд болон судалгааны үр дүний нийгэмд үзүүлэх нөлөө:

Энэхүү төсөл нь Хятадын нутаг дэвсгэрт орших "Найман аймаг" болон Монгол Улсын монголчуудын хэлний амьдралын нөхцөл байдал, хэлний бодлогыг голлон судалсан бөгөөд үүнд хэлний амьдрал нь хэл эзэмшхүй ба хэлний чадвар, хэлний хэрэглээ, хэлний хандлага, хэлний үзэмж, хилийн чанадад хэлний хэрэглээ зэргийг, хэлний бодлого нь хэлний төлөвлөлт ба холбогдох хууль эрх зүйн актуудыг хамардаг. Хятадын хэлний бодлого нь улс, өөртөө засах орон, аймаг, хошууны хэлний бодлого, хэлний төлөвлөлт ба холбогдох хууль эрх зүйн актуудыг, Монгол Улсын хэлний бодлого нь тухайн улсын хэл бичгийн холбогдох хууль эрх зүйн актууд болон албан, академик, түүнчлэн иргэний нийгмийн байгууллагын үйл ажиллагааг хамардаг. Монгол хэлний "Нэг бүс нэг зам"-д гүйцэтгэх үүргийг онцлон тэмдэглэж, хилийн чанадад хэлний хэрэглээ, хэл соёлын аюулгүй байдлын судалгаанд онцгой анхаарал тавьж, хотжилтын үйл явц монголчуудын хэлний амьдралд үзүүлэх нөлөөг онцлон шинжилж, Өвөр Монголын Өөртөө Засах Орны хэлний бодлого, хэлний боловсролын туршлага, алдааг дүгнэн, үндэсний эв нэгдлийг дээшлүүлэх өргөмжлөлийн бүс нутгийн бүтээн байгуулалтад зөвлөмж өгөх, засгийн газрын шийдвэр гаргахад шинжлэх ухааны үндэслэл бүрдүүлэхэд чиглэсэн.

Энэхүү төслийн судалганаар илэрүүлсэн монголчуудын хэлний амьдралын онцлог шинж гэвэл дараахи мэт: Хоёр/олон хэлний хамт амьдрах нь гол урсгал бөгөөд Хятад улс улсын нийтлэг хэл бичиг ба үндэсний хэлний харилцааг тэнцвэржүүлж, Монгол Улс англи хэлний өрсөлдөөнтэй тулгарч байна; хэлний бодлого нь таних тэмдэг (өөрийгөө таних), хөгжлийг зэрэгцүүлэн хангах ёстой бөгөөд Хятад улс эв нэгдэл, орчин үеийн хөгжилд онцгой анхаарч, Монгол Улс

уламжлалт бичгийг сэргээн хөгжүүлэхэд чиглэсэн; хилийн чанадад хэлний ялгаа өргөжиж болох ч соёлын холбоо нь ялгаралтыг удаашруулж байна; дэлхийжилт эх хэлний дамжуулалтад сөргөөр нөлөөлж байгаа бөгөөд боловсрол, технологийн арга хэрэгслээр хангах шаардлагатай; хэл бол соёлын таних тэмдэгний гол бүрэлдэхүүн хэсэг бөгөөд түүний хамгаалалтыг нийгэм, эдийн засгийн хөгжилтэй уялдуулан хангах ёстой.

Тус төслийн судалгааны үр дүнг нийгэмд үзүүлэх нөлөө нь: Хятадын баруун болон зүүн хойд бүс нутгийн монголчуудын хэлний амьдралын судалгааны цоорхойг нөхөж, Өвөр Монголын хэлний амьдралын судалгааг гүнзгийрүүлэхэд дэмжлэг болсон; анх удаа дотоодын эрдэмтдийн Монгол Улсын хэлний амьдрал, хэлний бодлогын судалгааг системтэйгээр хийсэн; Монгол Улсаас ирсэн оюутнуудыг төслийн судалгаанд оролцуулснаар Монгол Улсын хэлний амьдралын судалгааны агуулгыг баяжуулж, холбогдох судалгаанд шинэ өнцөг, материал бүрдүүлсэн.

Монголчуудын хэлний амьдралын нөхцөл байдал, хэлний бодлогын өгөгдлийн сан нь энэхүү судалгааны сэдэвт судалгааны онцлох үр дүн юм. Эдгээр үр дүн нь зөвхөн монголчуудын хэлний амьдралын судалгааны газрын зургийг бүрэн гүйцэд болгоод зогсохгүй социолингвистикийн салбарт шинэ судалгааны арга барилыг бий болгосон.

Энэхүү төслийн уялдаа холбоо, нэгдмэл нөлөө нь: Платформ бүтээх, баг бүрдүүлэх, хүний нөөц бэлтгэх Энэхүү төслийг дагаж 2018 онд “Өвөр Монголын Их Сургуулийн социолингвистикийн лаборатори”-ын үндсэн дээр “Өвөр Монголын Их Сургуулийн социолингвистикийн судалгааны төв”-ийг байгуулж, аймаг, салбар, сургуулийн хэлний амьдралын судалгааны багыг бүрдүүлсэн нь орон нутгийн социолингвистикийн салбарын бүтээн байгуулалтад үйлчилж, манай их сургуулийн хэл шинжлэл, хэрэглээний лингвистикийн зэрэгцүүлсэн зохиолын цэгийн бүтээн байгуулалтад хувь нэмэр оруулсан. Төслийн багийн дотоодын гишүүд ихэнхдээ монгол хэл шинжлэлийн эрдэмтэд бөгөөд Хятад, Монгол хоёр улсын үндэсний нөхцөл байдлыг мэддэг, Монгол Улстай урт хугацааны академик солилцоо хийж ирсэн. Төслийн хүрээнд нийт 30 магистр, докторын оюутнуудыг бэлтгэсэн бөгөөд үүнд гадаадын оюутнууд багтдаг бөгөөд энэ нь Хятад, Монгол хоёр улсын хэлний амьдралын судалгааны тогтвортой хөгжилд үндэс суурь болгосон.

Академик солилцоо Төсөл батлагдсанаас хойш төслийн баг нээлтийн хэлэлцүүлэг, явцын тайлангийн хурал, дуусгах хүрээний бэлтгэлийн хурал зэргийг зохион байгуулахаас гадна олон улсын академик хуралд идэвхтэй оролцож, Монгол Улс, Япон, Австрали, Итали, Их Британи, Нидерланд зэрэг олон улсад айлчлан солилцоо хийсэн. Төслийн баг, Өвөр Монголын Их Сургуулийн социолингвистикийн судалгааны төвийн нэрээр "Олон улсын хотын хэлний нийгэмлэгийн XX их хурал", "Хэлний амьдралын судалгаа ба хэлний талбайн судалгааны форум", "Хятадын социолингвистикийн хөгжлийн стратегийн семинар", "Олон улсын хотын хэлний нийгэмлэгийн XXI их хурал" зэрэг хурал, семинарыг зохион байгуулсан. Төслийн багийн гол гишүүд "Нэг бүс нэг зам"-ын дагуух орнуудын хэлний бодлого, хэлний амьдралын судалгаа, хэлний талбайн судалгааны арга, тоон лингвистик, гарчигны судалгаа, нэр томьёоны судалгаа, хэлний типологи зэрэг сэдвээр олон улсын академик форумд уригдаж олон удаа лекц уншсан.

Нөлөөлөл, үүсгэн гаргасан үр дүн Энэхүү судалгаагаар үндэсний хэл шинжлэлийн холбогдох салбар, чиглэлийн хөгжилд дэмжлэг болж, хэлний бодлогын бичвэрийн тоон судалгаа, мал аж ахуйн үгийн хэрэглээний шинжилгээ, Монгол Улсын хэвлэл мэдээллийн шинэ үгсийн судалгаа, монгол хэлний аялгууны авиа, үгийн хувьсал, хэлний таних тэмдэгний судалгаа, Монгол Улсын хэлний амьдралын судалгаа, Пакистаны урду хэлний боловсролын өнөөгийн байдлын судалгаа, Тайландын хэлний үзэмжийн судалгаа, зүүн хойд Азийн бүсийн хэлний амьдралын судалгаа зэрэг хэд хэдэн шинэ чиглэлийг нээсэн. Энэхүү судалгааны сэдэвт судалгаагаар манай орны монгол хэл шинжлэлийн салбарт монгол хэлний аялгууны социолингвистикийн судалгааны шинэ чиглэлийг нээж, социофонетик, социолексикологи, хэлний эдийн засгийн өндөр мэргэжилтнүүдийг бэлтгэсэн. Томоохон төслийн үндсэн дээр профессор " Бадам-Одсарын удирдлагаар боловсруулсан Зүүн хойд Азийн бүсийн хэлний амьдралын судалгааны онол ба практикийн шинэлэг судалгаа" төсөл 2025 оны 2-р сард Хятадын Боловсролын яамны "2025 оны улс, бүсийн судалгааны хүний нөөцийн дэмжлэгийн төлөвлөгөө"-ний төсөл хэлбэрээр батлагдаж, 2025–2028 онуудад 3 жилийн хугацаанд 5 хүнийг Монгол Улсын Их сургуульд хэлний амьдралын судалгаа хийхээр илгээхээр төлөвлөсөн.

2. Социолингвистикийн онолын хүрээ ба Хятадын монголчуудын хэлний амьдрал

Хэлний хувьсалын онол. Хятадын монгол хэл нь өөр өөр бүс нутагт (хот, хөдөө, мал аж ахуй, тариаланг, хагас мал аж ахуй, хагас та-

риалангийн бүс гэх мэт) аялгууны ялгаатай байдаг бөгөөд нийгмийн давхарга, нас, боловсролын түвшин зэрэг хүчин зүйлс нь монголчуудын хэлний хэрэглээнд мэдэгдэхүйц нөлөө үзүүлдэг. Судалгаагаар хөдөө нутагт ахмад настангууд уламжлалт монгол хэлний хэрэглээг илүүтэйгээр хэрэглэж, хотын залуучууд хятад хэл эсвэл холимог кодыг илүүд үздэг болохыг тогтоожээ.

Онолын тусгал: Уламжлалт “хэлний хувилбар” (аялгуу, аман аялгуу гэх мэт) ангилал нь монгол хэлний доторх нарийн төвөгтэй байдал, монголчуудын хэлний хэрэглээний олон янз байдлыг тайлбарлахад хангалттай юу? “Бүсийн хэл”, “хэлний бүс” гэх мэт динамик хэлний экологийн загварыг нэвтрүүлэх шаардлагатай.

Хэлний харьцаа ба солилцоо. Хоёр хэлний боловсролын бодлогын үр дүнд монгол үндэстний залуучууд хятад хэлний чадвартай болсон боловч зарим гэр бүлд “үеийн хэлний хуваагдлал” үүссэн: өвөө эцэг нар монгол хэл, ач хүүхдүүд хятад хэлээр голчлон харилцдаг. Эдийн засгийн шалтгаан (ажлын хэрэгцээ гэх мэт) нь хэлний солилцооны гол хүчин зүйл юм.

Онолын тусгал: Социолингвистикийн хэлний солилцооны онолд эдийн засгийн антропологийн өнцөг нэмж, зөвхөн хэлний бүтцэд анхаарлаа хандуулахгүй байх шаардлагатай.

Хэлний хандлага ба таних тэмдэг. Судалгаагаар монгол үндэстэн монгол хэлдээ хандах сэтгэл зүйн таних тэмдэг бодит хэрэглээний үйл ажиллагаатай зөрчилддөг. Зарим хамрагдагчид монгол хэлийг “практик ач холбогдол багатай” гэж үздэг ч түүний устахаас айдаг.

Онолын тусгал: Хэлний хандлагын судалгаанд “бэлгэдлийн таних тэмдэг” ба “хэрэгслийн таних тэмдэг”-ийг ялган авч үзэх шаардлагатай.

3. Практик дэх асуудал ба сорилтууд

Судалгааны аргын хязгаарлалт. Асуулга судалгаа далд хэлний давуу эрх (жишээ нь, хамрагдагчид зарим асуултад эргэлзэж, бодит хандлагаа нуух) үл тоомсорлож болзошгүй. Үүний тулд этнографийн ярилцлага, байгалийн хэлний дээж ажиглалтыг хослуулж болно.

Бодлого ба бодит байдлын зөрүү ба онолын соёлын дасан зохицол. Суурь түвшний боловсролын нөөцийн тэгш бус хуваарилалт зарим бодлогыг хэрэгжүүлэхэд хүндрэл учруулдаг. Барууны социолингвистикийн онол (жишээ нь, “хэлний зах зээл” онол) монголчуудын хэлний хэрэглээний онцлог, олон янз байдал, нарийн төвөгтэй байдлыг бүрэн тайлбарлахад хүрэхгүй. Иймд орон нутгийн шинжилгээний хүрээ бүтээх шаардлагатай.

Одоогийн монгол хэлний амьдралын судалгааны үр дүнд гарсан гол дутагдал. Төслийн үр дүнд дараах дутагдал илэрсэн:

Тахлын нөлөө болон бусад хүчин зүйлээс шалтгаалан судалгааны бүс тэнцвэргүй, дээж хангалтгүй (Шиньжян, Хэбэй, Өвөр Монголын Чифэн хотын сүүлийн үеийн өгөгдөл дутуу);

Судалгааны салбарууд тэнцвэргүй: өдөр тутмын амьдрал, захиргаашүүх, боловсрол, хэлний үзэмжийн судалгаа харьцангуй бүрэн, харин хэвлэл мэдээллийн салбар, соёл урлагийн салбарын судалгаа дутуу;

Хэлний бодлогын судалгаанд Хятад, Монгол хоёр улсын хэлний бодлогын гүнзгий харьцуулсан шинжилгээ хомс.

4. Арга хэмжээ ба зөвлөмж

Салбар хоорондын судалгааны арга. Антропологи, боловсрол судлалын аргуудыг хослуулан хэлний практикийн ард хөлжиж буй соёлын логикийг судлах. Жишээ нь, монголчуудын “байгальд тахих” уламжлал хэрхэн тэдний хэлний экологийн үзэлд нөлөөлснийг судлах.

Динамик хэлний бодлогын боловсруулалт. Хэлний бодлого нь “хамгаалах чиглэлийн оролцоо” (хөдөөгийн бүс нутагт хэлний уламжлал дамжуулах) болон “хөгжлийн дэмжлэг” (хотод монгол хэлээр шинэ мэдээллийн хэрэгсэл хөгжүүлэх)-ийг зэрэгцүүлэн хангах ёстой.

Нийгэмлэгийн оролцоотой судалгаа. Монгол үндэстнийг зөвхөн судалгааны объект биш, судалгааны субъект хэмээн урамшуулах. “Хэлний амьдралын тэмдэглэл”, “Хэлний амьдралын архив” зэрэг төслүүдээр суурь түвшний хэлний идэвхийг дэмжих.

Социолингвистикийн судалгаа, ялангуяа газарзүйн аялгуу, нийгмийн аялгуу, цөөнх ястангийн хэл эсвэл цөөн тоотны хэлний судалгаа нь хэлний хэрэглээнд гарч буй үндсэн тэгш бус байдал, хэлний дасан зохицол, тохируулга зэрэг асуудлуудыг хамардаг тул практик ач холбогдолтой. Социолингвистик нь лингвистикийн бие даасан салбар ч бидний бодлоор илүү чухал нь социолингвистикийг арга барил болгон түүний аргын ерөнхий утгыг, ялангуяа цөөнх ястангийн хэлний өнөөгийн байдлын судалгаанд хэрэглэх боломжийг судлах нь илүү практик ач холбогдолтой.

Социолингвистикийн нэгдмэл ойлголт нь хэл нь харилцаа ба таних тэмдэг гэсэн хоёр дахин үүрэг, үнэ цэнэтэй бөгөөд ялангуяа өдөр тутмын амьдралд хэл чухал үүрэг гүйцэтгэдэг. Гэхдээ бодит хэлний хэрэглээнд эдгээр үүрэг, үнэ цэнэ тэнцүү биш, заримдаа нэг нь

нөгөөгөө давах тохиолдол гардаг. Жишээ нь, зарим цөөнх ястнууд өөрсдийн нийгэмлэгийн хэлийг идэвхтэй хамгаалж, сэргээн хөгжүүлэх нь тэдний хэлний идэвхжил, таних тэмдгийг онцлон тэмдэглэх явдал юм.

Монгол хэлний амьдралын нарийн төвөгтэй байдал, олон янз байдал нь социолингвистикийн онолын үндсэн урсгал биш хэлний нийгэмлэгийг тайлбарлахад хүрэхгүй байгааг илтгэж байна. Ирээдүйн судалгаанд арга зүйд илүүтэйгээр субъектив байдлыг, онолын хувьд соёлын контекстийг онцлон тэмдэглэснээр дэлхийн олон хэлт нийгмийн хэлний менежментийн жишиг болох боломжтой. Монголчуудын хэлний амьдралын судалгааны үр дүн өнөөг хүртэл маш их мэдээлэл, өгөгдөл (хэлний хэрэглээний өнөөгийн байдал, хэлний боловсролын судалгаа гэх мэт) цуглуулсан. Одоо бид "тоон шинжилгээний чанарын ерөнхий дүгнэлт"-д анхаарлаа хандуулан, тодорхой судалгааны практик, материалаас онолыг нэгтгэн, үзэл бодлыг дүгнэж, арга барилыг боловсруулах шаардлагатай байна.

Ном зүй

戴庆厦、罗仁地、汪锋主编.《到田野去—语言田野调查的方法与实践》，北京：民族出版社，2008.

戴庆厦.《语言国情调查概论》，北京：中国社会科学出版社，2017.

黄行.《中国少数民族语言活力研究》，北京：中央民族大学出版社，2000.

王远新.《田野调查实录》（1—18），北京：中央民族大学出版社，2007—2025. [5]王远新.《语言田野调查方法》，北京：中央民族大学出版社，2025.

巴达玛敖德斯尔.《关于蒙古语社会语言学研究领域的几点思考》，内蒙古大学学报（哲学社会科学蒙古文版）.2009 年，第 4 期.

巴达玛敖德斯尔.《蒙古语社会语言学射程—以内蒙古大学蒙古语言文字应用研究为例》，内蒙古大学学报（哲学社会科学蒙古文版）.2016 年，第 3 期.

巴达玛敖德斯尔.《社会语言学理论与实践的若干问题》，内蒙古大学学报（哲学社会科学蒙古文版）.2017 年，第 4 期.

巴達瑪敖德斯爾.「モンゴル人の言語生活に関する調査研究の射程とその進展状況」，包聯群編著『現代中国における言語政策と言語継承』第五巻. 三元社，2021 年.

巴达玛敖德斯尔.《蒙古族语言生活调查：目标与进展》，载王远新主编《语言田野调查实录》（17），北京：中央民族大学出版社，2023.

特日格乐、巴达玛敖德斯尔.《中国蒙古族语言生活调查研究综述》.阿尔泰学报. 2023 年，第 33 号.

乌日噶、巴达玛敖德斯尔.《近年来国内社会语言学的研究动态和热点问题—基于 CiteSpace 的可视化分析》，《内蒙古大学学报 哲学社会科学版》.2024年，第 6 期.

Сэржээ Мөнхсайхан
Монгол Улсын Шинжлэх ухааны академийн
Хэл зохиолын хүрээлэн
Улаанбаатар, Монгол Улс
munkhsaikhans@mas.ac.mn

ДУНДАД ЗУУНЫ МОНГОЛЧУУДЫН ТАНИН МЭДЭХҮЙН ЯЛГАХ СЭТГЭЛГЭЭ

Зохиогч тус өгүүлэлдээ Монголын нууц товчооны хэлний баримтад тулгуурлан дундад зууны монголчуудын танин мэдэхүйн сэтгэлгээний өвөрмөц онцлогийг тодруулав. Тухайлбал, Монголын нууц товчоонд илрэх дундад үеийн монгол хэлний хэл зүйн онцлогт тулгуурлан энэ үеийн хүмүүс юмс үзэгдлийг таньж мэдэх “ялгах” сэтгэлгээтэй байсан гэж үзсэн ба тэд юмс үзэгдэл, хүн амьтан, ургамал мод зэрэг бүхий л зүйлийн нэг нэгнээсээ ялгарч буй өвөрмөц шинжийг онцолдог үүнд, шинж чанар, өнгө дүрс, нас хүйс, зан араншин, ганц олон гэх мэт нүднээ ил харагдах шинж тэмдгийг чухалчилдаг байсан. Өөрөөр хэлбэл, юмсыг ялгаатай шинжээр нь айчлан хуваж мэдлэгээ нэмэгдүүлдэг байсан учир Монголын нууц товчоонд нэр үг, үйл үгийн цагаар төгсгөх нөхцөлүүд бүгд тоо, хүйсээр ялгадаг хэмээн дүгнэсэн байна. Танин мэдэхүйн ийм ялгах сэтгэлгээний онцлог Монголын нууц товчооны хэлний түвшин бүрд илэрч буйг жишээ баримтаар тайлбарлажээ.

Түлхүүр үг: Дундад үеийн монгол хэл, “Монголын нууц товчоо”, танин мэдэхүйн ялгах сэтгэлгээ, хэл зүй.

Serjee Munkhsaikhan
Institute of Language and Literature
of Mongolian Academy of Sciences
Ulaanbaatar, Mongolia

COGNITIVE DIFFERENTIATION IN THE THINKING OF THE MEDIEVAL MONGOLS

The author investigated the distinctive features of cognitive reasoning among middle-age Mongolians, drawing evidence from The Secret History of the Mongols. In particular, based on the linguistic characteristics of Middle

Mongolian in the text, it is concluded that people of that period exhibited a differentiative mode of thinking. They consistently specified the features of events, living beings, and plants that distinguished them from one another, emphasizing aspects such as quality, shape, color, age, personality, and number. In other words, the temporal suffixes of nouns and verbs in The Secret History of the Mongols reflect distinctions of quantity and gender, suggesting that Middle Mongolians expanded their knowledge through categorization based on differences. This differentiative reasoning is evident throughout the text and is illustrated by numerous examples.

Keywords: medieval Mongolian language, “Secret History of Mongols”, cognitive differentiation of thinking, grammar.

Хүний амьдралаас олж авсан мэдлэг, туршлага нь байгаль, нийгмийн хүчин зүйлийн нөлөөгөөр байнга хувирч, шинэчлэгдэн хуримтлагдаж байдаг. Туршлага нэмэгдэхийн хэрээр түүнийгээ хэлээр илэрхийлэх арга нь улам боловсронгуй болж үгийн утга ч өргөжин салаалдаг. Өөрөөр хэлбэл, танин мэдсэн зүйлээ хэлэндээ байнга тэмдэглэж байдаг ажээ. Улмаар хүмүүсийн ертөнцийг үзэх үзэл, мэдлэг чадвар нэмэгдэхийн хэрээр тэрхүү нэмэгдэн буй утга нь хийсвэржиж байдаг зүй тогтолтой. Нүүдэлчдийн амьдрах хэв маяг нь оршин амьдарч буй газар нутаг, байгаль дэлхийн ааш араншинтай шууд холбоотой бөгөөд үүнээс шалтгаалан ажиглалтад тулгуурласан жишин харьцуулах танин мэдэхүйн өвөрмөц аргатай болж улмаар юмс үзэгдлийн ерөнхий уялдаа холбоо, харилцан хамаарлыг ойлгох, өөрсдийн аж амьдрал, үйл хөдлөлөө ухаарах, үнэлж цэгнэх өвөрмөц гүн ухааны мэдлэгийг хуримтлуулжээ. Энэхүү сэтгэлгээний ерөнхий онцлог эдүгээ хүртэл төдийлөн өөрчлөгдсөнгүй. Үүний шалтгаан нь монголчууд нүүдлийн амьдралын хэв маягаа олон зуун жилийн турш хадгалсаар ирсэн билээ. Иймээс Монголын нууц товчоонд дундад зууны монголчуудын сэтгэлгээний онцлог хэрхэн туссаныг тодруулах нь маш сонирхолтой бөгөөд монгол хэлний түүхэн хөгжил хувирлын учир шалтгааныг тодруулахад чухал ач холбогдолтой судалгаа юм.

Хүний танин мэдэхүйн үйл ажиллагаа хэлэндээ хэрхэн тусаж буйг судалдаг хэл шинжлэлийн салбарыг танихуйн хэл шинжлэл гэж нэрлэдэг. Танихуйн хэл шинжлэлд хэл бол хүн бодит ертөнцийг танин мэдэж, өөрийн өвөрмөц сэтгэлгээгээр илэрхийлэх үйл явц гэж үзэх ба танихуйн үйл ажиллагаа нь хэлийг загварчилдаг, хэлний нэгж болон хэл зүй нь танин мэдэхүйн үйл ажиллагааны хэл зүйжсэн загвар, үйл явц хэмээн үздэг. Иймээс танихуйн хэл зүйд үгийн сан болон хэл зүйг

тодорхой ялган заагладаггүй, давхраат гинжин холбоот зүйл хэмээн үздэг [Нансалмаа 2014: 209–210, 221]. Учир нь, хэл зүйн нөхцөлийн үндсэн үүрэг бол үгийг холбох бөгөөд өөрөөр хэлбэл, үгэнд харьцаа заах хийсвэр утга нэмж, улмаар үгийн утга болоод хэл зүйн утга нэгдэн бодит ертөнцийн тухай мэдээллийг дамжуулдаг.

Монголын нууц товчооны үгийн санд буй дундад зууны монголчуудын танин мэдэхүйн сэтгэлгээний тун сонин баримт бол хэл зүйд нь загварчлагдан шингэсэн “юмс үзэгдлийг ялгах сэтгэлгээ” юм. Өөрөөр хэлбэл, энэ үеийн хүмүүс “ялгах”, “салгах” үйлдлээр бүхий л зүйлийг айчлан, мэдлэгээ нэмэгдүүлж танин мэдэхүйн цар хүрээгээ тэлдэг байв. Эртний хүмүүс өөрсдийн мэдлэг чадварын хэмжээгээр байгаль ертөнцийн юмс үзэгдлийг тун гэнэн (шинжлэх ухааны бус мэдлэгээр)-ээр төсөөлөн тайлбарлаж байсан бол яваандаа бага багаар ойлгож танин мэдэх болж, ингэхдээ тэдгээрийг тус тусын онцлог шинжээр нь нэг нэгнээс нь ялгаж, салангид байдлаар хүлээн авч танин мэддэг болжээ. Өөрөөр хэлбэл, юмс үзэгдлийн дотоод холбоо буюу учир зүйн шалтгаант холбоо, харилцан хамаарлыг нарийн ойлгож таниагүй байв. Тэд байгаль дэлхийтэйгээ харилцан хамааралтай, газар усандаа ойр амьдрах тул “зүйрлэх сэтгэлгээ” нь бодь зүйлд тулгуурладаг, юмс үзэгдлийг шинж тэмдгээр нь ялгаж, тус тусад нь салангид хүлээн авч ойлгох учир хэл зүйд нь “ялгах сэтгэлгээ” шингэсэн байв. Өөрөөр хэлбэл, танин мэдэхүйн үйл ажиллагаанд юмсын ялгаатай талыг онцолдог бол уран сайхны сэтгэлгээнд ижил төстэй шинжийг нь чухалчилдаг байв.

Хүний ухамсар дахь юмс үзэгдлийн ерөнхий ба тусгай шинжийн тусгалыг ухагдахуун гэдэг. Ухагдахуун үүсэж бий болох нь сэтгэхүйн олон үйлдэл дамждаг үйл явц бөгөөд хүн санаандаа юмс үзэгдлийн шинжийг *задлан шинжлэх*, юмсын шинжийг *нэгтгэн дүгнэх*, нэг юмыг нөгөөтэй *харьцуулан үзэж* адил бөгөөд ялгаатай шинжийг гаргах, үүний тулд хийсвэрлэн бодох нь арьсны өнгө, шашин шүтлэг, ярьж буй хэлээс үл хамааран бүх хүнд ижил байх сэтгэхүйн үйлдэл юм [Ibid.: 35–36]. Харин энэхүү сэтгэхүйн үйлдлийн дэс дараалал нь үндэстэн бүрд адилгүй бөгөөд энэ ялгаа нь үндэсний сэтгэлгээний ерөнхий онцлогийг тодорхойлж байдаг. Иймээс сэтгэхүй нь хүн төрөлхтний шинжтэй бол сэтгэлгээ нь ямар нэг үндэстэн угсаатан, эсвэл түүний доторх бүлэг хэсэг, хамт олон, заримдаа хэн нэгэн бодгаль хүний юманд хандах хандлага, үнэлэмжийн илэрхийлэл [Баянсан 2016: 3] байдаг.

Дундад зууны монголчуудын ийм “ялгах сэтгэлгээ” нь эртний хүмүүсийн гэнэн сэтгэлгээнээс улбаатай. Тэд юмс, үзэгдлийг байгаагаар нь бодит нөхцөл байдалд нь хүлээн авч дүгнэх учир тус тусад нь хүлээн авч ойлгоно. Өөрөөр хэлбэл, юмс үзэгдлийн холбоо хамаарлыг чухалчлах бус тус тусын шинж байдлыг илүү анзаарч байв. Энэ нь тэдний амьд үлдэх байгалийн зөн совинтой холбоотой байж болно. Иймд эртний хүмүүс байгаль цаг уурын үзэгдлүүд хоорондоо холбоо хамааралтайг мэдэхгүй тул байгалийн үзэгдлийг тус тусдаа гэж ойлгон, тэрхүү үзэгдэл бүр өөрийн эзэнтэй гэж үзнэ. Эртний монголчуудын байгаль дэлхийн юмс үзэгдлийг тус тусад нь салгаж хүншүүлэн сэтгэх энэ өвөрмөц онцлог нь бөө мөргөлийн зан үйлд бас тусаж байгаль дэлхийн амьтан, ургамал, чулуу, мод бүгд тус тусдаа амьтай гэж үзэн хайрлан хамгаалж, аргадан тайж, мөргөн залбирдаг байжээ. Тэдний бодлоор байгалийн энэхүү юмс үзэгдлийг нэгтгэн захирах хүч нь Тэнгэр юм. Тэнгэр бол тэдний мэдэх хамгийн агуу хүч бөгөөд байгаль, нийгмийн бүхий л зүйлийг зохицуулагч, түүнчлэн хүмүүсийн хүрч үл чадах сав ертөнц билээ. Улмаар хүмүүсийн мэдлэг туршлага нэмэгдсэнээр “гэнэн сэтгэлгээ”-ний ул мөр арилсан[1] хэдий ч “ялгах сэтгэлгээ” нь хэвээр учир бөө мөргөлийн зан үйл өөрчлөгдсөнгүй. Үүнээс гадна сэтгэлгээний энэхүү өвөрмөц онцлог хэлэндээ бас шингэж үлджээ. Жишээнээс үзвэл дундад зууны монголчуудын ийм “ялгах сэтгэлгээ” хэлний түвшин бүрд илэрдэг. Тухайлбал,

– ***Авиа зүйн түвшинд***: Монголын нууц товчоонд хэлэхүйн урсгалд авианы харилцан нөлөөллөөр авианы шинж хувирч буйг маш тодорхой ялган тэмдэглэсэн байдаг нь дурдсан “ялгах сэтгэлгээ”-тэй холбоотой хэмээн үзэж байна. Өөрөөр хэлбэл, бичгийн хэлэнд үгийг суурь аялгууны онцлогоор нь ерөнхийлөн журамлах ёстой авч дундад эртний монгол хэлэнд хүмүүсийн “ялгах сэтгэлгээ”-нээс шалтгаалан уйгуржин монгол бичигт тухайн цагийн амьд ярианы хэлэнд байсан авианы олон янз байдлыг журамлаж чадахгүй байсан бололтой. Жишээ нь, XIII–XIV зууны уйгуржин монгол бичгийн дурсгалуудад е эгшгийг үгийн эхэнд дан титэм болон титэм шүдтэй ялган бичсэн тохиолдол байдаг нь ярианы хэлэнд байсан уйтан е, агуу е хоёрыг ялган тэмдэглэсэн хэрэг юм [Мөнхсайхан 1, 2024: 16–20]. Гэтэл

[1] Иймээс Монголын нууц товчоонд эртний хүмүүсийн гэнэн сэтгэлгээний ул мөр тун бага байдаг.

монгол хэлний авианы тогтолцоонд авиалбарын үүрэг гүйцэтгэж чадахгүй авиалбарын хоёр хувилбарыг ингэж ялган бичих оролдлого байсан нь “ялгах сэтгэлгээ”-ний нөлөө гэж үзэхэд хүргэж байна. Жишээ нь, “хэшиг” гэдэг үгийг

	① *keši**g**-eče, kešig-ün (čerig-iyen, čerig-iyer)*
kešik	② *keši**k**-ṭür*
	③ *keši∅’üt (keši’üd-ün)*

гэх мэтээр тэмдэглэсэн байдаг. Үүнийг тодруулбал, зөвхөн эм үгэнд тохиолддог хэлний хойгуурх, дуугүй, хамжих *k* нь эгшгээр эхэлсэн нөхцөл *(-eče, -i, -iyer, -ün*) залгавал хэлний хойгуурх, гүн бус угийн, дуутай, хамжих *g* [Төмөртогоо 2017: 272–273] болсон бол гийгүүлэгчээр эхэлсэн нөхцөл залгавал k авиа үндсэн шинжээ хадгалж, хатуу дэвсгэр учир *-tür/-ṭür* нөхцөлийг залгажээ. Түүнчлэн олон тооны *-ууд* нөхцөл залгахад үе төгсгөх уул гийгүүлэгч сугарсан байна. Энэ мэтчилэн Монголын нууц товчоонд үе төгсгөх *q, t* (дэвсгэр *d*) гийгүүлэгчдийн авианы хувирлыг тэмдэглэсэн байдаг [Мөнхсайхан 2, 2024: 145–152]. Үүнээс гадна Монголын нууц товчоотой ижил цаг үед бичигдсэн уйгуржин монгол бичгийн дурсгалуудад хэвшиж амжаагүй байсан дэвсгэр үсгийг Монголын нууц товчоонд маш тодорхой ялган бичсэн байдаг. Ярианы урсгалд авианы харилцан нөлөөллөөр тэрхүү үе төгсгөх гийгүүлэгчид хэлний хэмнэх зарчмын нөлөөгөөр зарим үед гээгддэг байсныг хүртэл ялган тэмдэглэжээ. Ийнхүү сэтгэлгээний онцлогоос шалтгаалсан нөхцөл байдал нь Монголын нууц товчоог хятад үсгээр галиглах болсон шалтгаануудын нэг байж болно. Гэтэл бидний үед уламжлан ирсэн уйгуржин монгол бичиг нь үг зүйн зарчимд тулгуурласан, нэг дүрсээр хоёр авиаг тэмдэглэдэг, улмаар монгол хэлний долоон эгшиг авиаг дөрөв[1], таван тэмдэгтээр тэмдэглэж монгол хэлний олон нутгийн аялгуутнууд өөр өөрийн нутгийн аялгаар уншиж болдог онцлогтой билээ.

– ***Үг зүйн түвшинд***: Дундад зууны монголчуудын танин мэдэхүйн “ялгах сэтгэлгээ”-ний ачаар дундад эртний монгол хэлний түвшин бүрд илэрч байсан түүхэн үзэгдлийг тодорхой тэмдэглэн үлдээжээ. Тухайлбал, Монголын нууц товчоонд хэл зүйн нөхцөлүүдийн ярианы хэлний олон хувилбарыг тэмдэглэсэн байдаг.

Үүнд, **1. Нэр үг:** Нэрийн хамаатуулах нөхцөлийн

[1] *а, е* эгшиг үгийн эхэнд хоёр өөр дүрстэй, үгийн дунд ижил дүрсээр тэмдэглэдэг.

эм үгэнд: *-ben, -iyen, -yen, -yiyen, -niyen, -ēn, -en, -i'en*

эр үгэнд: *-ban, -iyan, -[i]yan, -yiyan, -yan, -niyan, -ān*

гэх мэт. Үүнээс дундад эртний монгол хэлэнд авиа хувиран өөрчлөгдөх зүй тогтлыг тодорхойлж болно.

– Мөн нэр үг өмнөх хойдох үгтэйгээ олон тоогоор зохицно. Жишээ нь, *цагаануд шонход* [*čaqa'anu'ut šingqot* 239§], *цагаануд агтас* [*čaqa'anu'ut aqtas* 239§], *харнууд булгад* [*qaranu'ut buluqat* 239§], *гурван шөнөд гурван өдөд* [*qurban sönit qurban üdüt* 185§], *алагчууд хоньдыг* [*alaqči'ut qoni‹n›d-i* 124§], *хонгогчууд хоньдыг* [*qongqoqči'ut qoni‹n›d-i* 124§] гэх мэт.

– Нэр үг мөн *n*-тэй, *n*-гүй хэлбэрээр ганц олон тоог ялгана. Жишээ нь, *хорчи* (ганц тоо), *хорчин* (олон тоо) гэх мэт.

– Өгүүлбэрийн зэрэгцсэн гишүүд болон, нийлмэл үгийг тийн ялгалын нөхцөлөөр тус тусад нь хувилгана. Орчин цагт заахын тийн ялгалын нөхцөлийн өөрийнх нь үндсэн утгатай холбоотойгоор утга эрчимжүүлэх тохиолдолд энэ онцлог хааяа илэрдэг. Жишээ нь,

Чингис хаан тэнд <u>тайчуудыг</u> дайлж <u>Тайчуудай яст хумүүнийг</u> Агучу баатар, Хотон өрчэн (Ходун өрчэн), <u>Худугудартан тайчуудыг</u> ургийн ургаа хүртэл үнсээр хийсгэн хядвай [*Činggis_qahan tende Tayyiči'ud-i dawuliju Tayyiči'utai yasutu gü'ün-i A'uču_ba'atur Qoton_Örčeng Qudu'udar-tan Tayyiči'ud-i uruq-un uruq-a gürtele hünesü-er keyisgen kidubai*. 148§]

<u>Бүрэн хэшигтэн турхагуудыг</u> орд орчин <u>ордын гэрийн хөвүүдийг, адуучин, хоньчин, тэмээчин, үхэрчнийг</u> орд даран Дөдэй чэрби ухаж атугай хэмээн түшив [*bürin kešikten turqa'ud-i ordo horčin ordo-yin ger-ün kö'üd-i adu'učin qoničin temēčin hükečin-i ordo darun Dödei_čerbi uqaju atuqai ke'en tüšibe*. 234§]

Гүр улсыг <u>эхэд</u>, <u>биднээ</u>, <u>дүү нэрээ</u>, <u>хөвүүдэд</u> хувь иргэний нэрээр "Эсгий туургатныг ирчүүлж, хавтсан үүдтэнийг хагацуулж" хувилж өг [*gür ulus-i eke-de bidan-a de'ü-ner-e kö'üt-te qubi irgen-ü nere-er isgei tu'urqatan-i iriče'üljü qabdasun e'üdeten-i qaqača'ulju qubilaju ök*. 203§] гэх мэт.

2. Үйл үг: Дундад зууны монголчуудын танин мэдэхүйн "ялгах сэтгэлгээ"-ний нөлөөгөөр Монголын нууц товчооны үйл үгийн өнгөрсөн цагаар төгсгөх нөхцөлүүд мөн тоо, хүйсээр ялгадаг. Жишээ нь,

***-лаа[4]* нөхцөл:**

-la'a (yabula'a, qarbula'a, ayu'ulula'a)

-le'e (ke'ele'e, ügülele'e, irele'e, öktele'e, büle'e)
-lü'e (nököčelü'e, ke'ekdelü'e, kelelü'e, čewürelü'e)
-ligi (töteligi, büligi)
-liyi (büliyi)
-le'ei (törele'ei, büle'ei, irele'ei, ke'eldüle'ei)
-la'ai (ala'ai, abtala'ai, abula'ai, ayisula'ai)
-lu'ai (bolqaqdalu'ai);

-*в* нөхцөл:

-ba (bolqa'aba, qaqačaba, bolulčaba)
-be (ihe'ebe, ke'ebe, büte'ebe)
-bi (mawulabi, uqabi, ke'ebi, törebi, sewürelbi, bolbi, gürbi)
-bai (abai, iču'abai, udabai)
-bei (ke'ebei, teǰi'ebei, medebei, serekdebei);

-*жээ*/-*чээ* нөхцөл:

-ǰu'u (aǰu'u, ǰa'aǰu'u, unaǰu'u, bariǰu'u, yorčiǰu'u)
-ču'u (asaqču'u, qarču'u, qočorču'u, bosču'u)
-ǰügü (ilējügü)
-ǰü'ü (itegečü'ü, güre'elečü'ü, neyilečü'ü, čirčü'ü)
-čü'ü (bükčü'ü)
-ǰe'ei (yegü'üǰe'ei, newüǰe'ei)
-ču'ui (abču'ui, qočorču'ui, otču'ui, buru'utču'ui)
-čü'üi (eke'erčü'üi, gürčü'üi, tüsürčü'üi)
-či'üi (ökči'üi)
-ǰü'üi (ke'eǰü'üi, sögötgeǰü'üi, ǰöbšiyeǰü'üi, ideldüǰü'üi)
-ǰüküi (ilējüküi)
-ǰu'ui (aǰu'ui, yadaǰu'ui, muqutqaǰu'ui, butaraǰu'ui)
-ǰiyi (bari'uǰiyi)

гэх мэт.

– Түүнчлэн үйл үгийн хэвийн нөхцөл дээр мөн сэтгэлгээний онцлог илэрнэ. Дундад эртний монгол хэлэнд үйлийн шууд эзэн, шууд бус эзэн, үйлэнд өртөгчийн үйл хөдлөлийг ялгах, мөн өгүүлэгч этгээд болон I, II, III биеийн алинаас хэрэг явдалд хандаж буй зэргийг тодорхой ялгах үүднээс үйл үгийн үйлдэгдэх хэвийн *-гд*, *-д*/*-т* нөхцөлийг идэвхтэй хэрэглэж байв. Жишээнээс үзвэл, дундад үеийн монгол хэлний үйлийн хоршоо үг нь нэрийн хоршоо үгийн адил утгын далд холбоо сул учир холбон хэлсэн хоёр үгийн эхнийх нь үйлийн шууд эзний үйлдлийг, хоёрдугаарх нь үйлэнд өртөгчийн үйлдлийг тус тус ялган хэлж болдог байжээ. Эдүгээ энэхүү "ялгах

сэтгэлгээ” нь үгүй болсон учир өгүүлбэрийн утгыг шууд ойлгоход төвөгтэй болсон байна. Жишээ нь,

Түүний хойно Чингис хаан Сартуул иргэнээ Ухуна тэрүүтэн зуун элчнээ зэтгэж алагдаж Чингис хаан өгүүлрүүн [*te’ün-ü qoyina Činggis_qahan Sarta’ul_irgen-e Uquna teri’üten ja’un elčin-iyen jetgüǰü alaqdaǰu Činggis_qahan ügülerün…* 254§] гэсэн өгүүлбэр дэх “зэтгэж алагдаж” гэдэг үйлийн хоршоо үгийн эхнийх нь үйлдэх хэвээр, нөгөө нь үйлдэгдэх хэвээр хувилсан байна. Уул өгүүлбэрт гурван эзэн бие гарч буйгаас Чингис хаан бол үйлийн шууд эзэн бөгөөд түүнийг онцлон дурдаж буйг өгүүлбэрт нэрийг нь давтан дурдаж буйгаас мэдэж болно. Үйлийн шууд бус эзэн нь Сартуул иргэн ба үйлэнд өртөгч нь Ухуна тэргүүтэн зуун элчин болно. Дундад зууны монголчуудын өвөрмөц сэтгэлгээгээр өгүүлбэрийн энэхүү гурван эзний үйл хөдлөлийг тус тусад нь илэрхийлэх боломжтой ба тухайлбал, “зэтгэж саатуулсан” нь Сартуул иргэн, тэдэнд “алагдсан” нь Ухуна тэргүүтэн зуун элчин бөгөөд үүний учирт үйлийн шууд эзэн “өгүүлэн буй” хэрэг ажээ.

– ***Үгийн сангийн түвшинд***: Үгийн сангийн түвшинд нийлэмж үг дээр илүү тод ажиглагдана.

а) *Холбоо үг*: Монголын нууц товчооны холбоо үг хэчнээн үгээс бүтсэн байсан ч заавал нэг үг эсвэл нийлэмж үг дээр төвлөрч, хэл зүйн нөхцөлөөр хувилгах бол тэрхүү гол үгийг хувилгана. Түүнчлэн тэрхүү гол үг өмнөө олон тодотгол авах тусам тухайн зүйл бусад зүйлээс өнгө дүрс, шинж чанар гэх мэт олон зүйлээр ялгарч буйг илтгэнэ. Иймээс дундад эртний монгол хэлэнд байсан “ялгах сэтгэлгээ”-нээс үүдэн Монголын нууц товчоонд дэлгэрэнгүй холбоо үг олон буй. Жишээ нь,

дотно явахун түмэн хэшигтэн [*dotona yabuqun tümen kešikten* 270§]
есөн хөлт цагаан туг [*yisün költü čaqa’an tuq* 202§]
шарга агттан есөн морь [*širqa aqta-tan yisün mori* 77§]
чөө бугын өрөөл гуя [*čö’e buqu-yin örö’ele quya* 16§]
хамгийн хаан улсын эзэн [*qamuq-un qahan ulus-un eǰen* 53§]
узуур сайт хүмүүний ураг [*huǰa’ur sayitu gü’ün-ü uruq* 135§]
алтан эмээлт хар агт [*altan eme’eltü qara aqta* 184§]
бус элэгт булха иргэн [*busu heligetü bulqa irgen* 275§]
гол даарьт годил сүүлт [*qol da’aritu qodoli se’ültü* 24§]
нэгэн улаан дээлт эм хүмүүн [*niken hula’an de’eltü eme gü’ün* 146§]

гэх мэт жишээнээс үзэхэд цэрэг, туг морь, гуя, хаан, агт, иргэн, хүн зэргийг ямар үүрэгтэй, ямар өнгө дүрстэй, хэдэн настай, ямар

гаралтай, ямар учиртай хүн зэргийг нь маш тодорхой ялгасан байна. Иймээс Монголын нууц товчоо маш сайхан уран дүрслэл бүхий хэл, найруулгатай болжээ. Үүнийг батлах өөр нэгэн жишээ нь, 278-р зүйлд дурдагдах Өгэдэй хааны тунхун тараасан зарлиг нь *“Хэвтүүл, хорчин, турхагууд бүрэн хэшигтний явдал тунхун дуулгахуй зарлиг”* [*kebde’ül qorčin turqa’ut bürin kešikten-ü yabudal tungqun du’ulqaqui ǰarliq*] гэсэн нэртэй билээ.

б) *Хоршоо үг*: Хоршоо үгийн тухайд өмнө нь дэлгэрэнгүй дурдсан бөгөөд дахинтаа өгүүлэхэд, дундад зууны монголчуудад “ялгах сэтгэлгээ” давамгайлж байсан учир энэ үед хоршоо үг утгын далд (гүн) бүтцэд нэгдэж чадаагүй байв. Гэхдээ энэ үед “ялгах сэтгэлгээ” зарим талаар суларсан нь байгаль дэлхийн юмс үзэгдэл аль болох энерги арвилахыг эрмэлздэг, түүнчлэн аль ч үндэстний хүний сэтгэлгээ угаас “залхуу”, юмыг хялбарчлах, ерөнхийлөх, хэмнэхийг эрмэлздэг онцлогтой. Ийм онцлог нь байгаль, нийгмийн үзэгдэл хөгжин дэвших үндэс болдог ажээ. Тухайлбал, үүний үр дүнд монгол хэлэнд урт эгшиг үүссэн, мөн ерөнхийлөн хийсвэрлэж (хурааж) эхэлснээр хоршоо үг үүссэн байна. Гэтэл энэхүү “ялгах сэтгэлгээ” нь эргээд ярианы хэлний олон янз байдлыг тодорхой ялган тэмдэглэхийг шаардана. Мөн үсэг бичигтээ олон нутгийн аялгууны ялгаа болон авианы хувирал өөрчлөлтийг хэрхэн тэмдэглэх арга бодож олохыг шаардах нь лавтай. Гэвч үүнийг тийм ч амархан хийх боломжгүй байв.

– ***Өгүүлбэр зүйн түвшинд***: Дундад эртний монгол хэлэнд эртний хүмүүсийн “ялгах сэтгэлгээ”-тэй холбоотойгоор нийлмэл өгүүлбэрт холбоос үгийг тун цөөн хэрэглэдэг. Ихэнхдээ гишүүн өгүүлбэрүүдийг үйлийн зэрэгцүүлэн холбох нөхцөлөөр холбодог (өгүүлбэрийн зэрэгцсэн гишүүд мэт). Жишээ нь,

Чингис хаан тэр морилсонд Хитад иргэний <u>Алтан хааныг элсүүлж</u> олон агуурс <u>авч</u>, Хашин иргэний <u>Бурханыг элсүүлж</u> олон тэмээд <u>авч</u>, Чингис хаан хонин жил тэр морилсонд Хитад иргэний Ахудай нэрт <u>Алтан ханыг элсүүлж</u>, Тангуд иргэний <u>Илуху бурханыг элсүүлж</u> харьж Саарь хээрийг буувай [*Činggis_qahan tere morilaqsan-ṭur Kitat_irgen-ü Altan_qa’an-i else’ülǰü olon a’urasun abču Qašin_irgen-ü Burqan-ni else’ülǰü olon teme’et abču Činggis_qahan qonin ǰil tere morilaqsan-ṭur Kitat_irgen-ü Aqutai neretü Altan_qan-i else’ülǰü Tangγut_irgen-ü Iluqu_Burqan-ni else’ülǰü qariǰu Sa’ari_ke’er-i baw*ubai. 250§] гэх мэт. Мөн *тэр морилсонд* гэх мэтээр өгөх оршихын тийн ялгалаар холбоно. Жишээнээс үзвэл, дундад зууны монголчуудын

“ялгах сэтгэлгээ”-тэй холбоотойгоор дундад эртний монгол хэлэнд өгүүлбэрийг зэрэгцүүлэн холбодог, угсруулан холбодоггүй байжээ.

– Түүнчлэн асуух өгүүлбэрт асуух сул үгийг онцлон ялгасан үгийн ард залгадаг нь мөн л “ялгах сэтгэлгээ”-тэй холбоотой үзэгдэл юм.

– Мөн өгүүлбэрт онцлон ялгасан үгийг давтан хэрэглэдэг нь “ялгах сэтгэлгээ”-тэй холбоотой. Жишээ нь,

Би *гагц хөвүүн инү* ***би*** *Боорчу нэрт буй хэмээгээд* [*bi qaqča kö’ün in-u bi, Bo’orču neretü büi ke’e’et* 90§]

Тэнд *татарын Их чэрэний охин Есүгэн хатаныг Чингис хаан* ***тэнд*** *авав* [*tende Tatar-un Yeke_Čeren-ü ökin Yisügen_qatun-i Činggis_qahan tende abba*.155§]

-Надаас *эгч Есүй нэртэй* ***надаас*** *дээр хан хүнээ зохихуй ажай зэ* [*na-dača egeči Yisüi neretei na-dača de’ere qan gü’ün-e ǰokiqui aǰi’ai ǰe*. 155§]

Дөрвөн мянгад Уругудаа ***чи*** *мэдэж аху (байх) бус уу* ***чи*** *хэмээн соёрхож зарлиг болов* [*dörben minqat Uru’ud-iyan či medeǰü ülüˆī aqu či ke’en soyurqaǰu ǰarliq bolba*. 208§] гэх мэт.

Ийнхүү дундад үеийн монгол хэлэнд байсан ялгах сэтгэлгээ яваандаа суларч, орчин цагийн монголчуудын танин мэдэхүйн чадвар нэмэгдсэнээр ерөнхийлөх хийсвэрлэх сэтгэлгээтэй болсноор хэлний түвшин бүрд илэрч байсан өмнө дурдсан онцлогууд орчин цагийн монгол хэлэнд ихэнх нь үгүй болжээ. Гэхдээ энэхүү сэтгэлгээний ул мөр орчин цагийн монгол хэлэнд хадгалагдан үлдсэн ба академич Ш. Лувсанванданы үзсэнээр дараах тохиолдолд ялгаж байна гэжээ. Үүнд: *нэгд*, хамаатуулах ёс буюу гурван биед хамаатуулах, ерөнхийлөн хамаатуулах аргаар, *хоёрт*, хэрэв уул нэр нь заахын тийн ялгалд байгаа бол уул заахын тийн ялгалын дагавраар, *гуравт*, биеийн төлөөний үгийн харьяалахын тийн ялгалын хэлбэрт тодотгол буюу заах төлөөний үг тодотгол зэрэг онцлон ялгасан утгатай янз бүрийн тодотголоор, *дөрөвт*, тухайн нэрийн утгаар буюу онцлон ялгасан утгын өргөлтөөр тус тус ялган үзүүлдэг [Лувсанвандан 2010: 179] гэжээ.

Үгийн утгын хөгжил хувьслын байдлыг ажиглан үзвэл, монгол хэлний түүхэн хөгжлийн явцад эртний хүмүүсийн танин мэдэхүйн ялгах сэтгэлгээний тусламжтайгаар үгийн утга бага багаар нэмэгдэн (салаалан) баяжиж, зарим үед мартагдан гээгдэж явсаар эдүгээ утгын багтаамж харилцан адилгүй олон мянган үгийн сан бүрэлдэн тогтжээ.

Иймээс монгол хэлний ийм үгс (олон салаа утгатай)-ийн утгын хэрэглээний онцлог нь уул үгийн аль нэг утга идэвхжээгүй үед ерөнхий, хийсвэр утгатай байдаг бол холбоо үгийн тусламжтайгаар аль нэг утга нь идэвхжихэд тодорхой, ялгасан утга илэрхийлдэг онцлогтой ажээ.

Монголын нууц товчоон дахь эртний монголчуудын танин мэдэхүйн сэтгэлгээний энэ мэт онцлогийг судалж үзвэл, эртний монголчууд анхандаа байгаль цаг уур, газар зүйн онцлогоос шалтгаалсан ертөнцийг үзэх үзэл (байгалийг шүтсэн)-тэй байсан ба шинэ мэдлэгийн үр дүн болох холбоо үг бүтээх зүйрлэлийн арга нь бодь зүйлийг бодь зүйлтэй адилтгадаг, хийсвэрлэх нь бага байв. Ингэж юмс үзэгдлийн холбоо хамаарлыг гадна нөхцөл байдалд нь дүгнэх учир юмсын хоорондын ялгааг чухалчлан үздэг байжээ. Үүний нөлөөгөөр танин мэдэхүйн үйл ажиллагаанд “ялгах сэтгэлгээ” давамгайлж байв. Энэ нь хэлний бүх түвшинд илэрдэг.

Эртний монголчуудын танин мэдэхүйн сэтгэлгээнээс улбаатай дундад зууны монголчуудын энэхүү “ялгах сэтгэлгээ” нь орчин цагт бараг үгүй болсон учир эртний монгол хэлний энэхүү онцлогийг эдүгээ орчин цагийн монгол хэлээр оновчтой илэрхийлж чадахгүй болсон байна.

Номзүй

Баянсан Ж. Соёл, хэл, үндэстний сэтгэлгээ. Улаанбаатар, 2016.

Лувсанвандан Ш. Монгол хэлэн дэх ялгах ба үл ялгахын ёс // Шадавын Лувсанвандангийн бүтээлийн чуулган VII: монгол хэлний бүтээвэр, үг, үгүүлбэрийн судлал. Улаанбаатар, 2010. Х. 179.

Мөнхсайхан С. Дундад үеийн монгол хэлний *а, е* эгшгийн авианы онцлог // Mongolica. Vol. XXVII. СПб., 2024. № 1. Х. 16–20.

Мөнхсайхан С. Дундад үеийн монгол хэлний үе төгсгөх гийгүүлэгч авианы авиа зүйн зарим онцлог // Монголын энх тайван ба түүхэн туршлага: ОУМЭ-ний XII их хурлын илтгэлүүдийн эмхэтгэл II. Улаанбаатар, 2024. Х. 145–152.

Нансалмаа Н., Долгор С. Танихуйн хэл шинжлэл. Улаанбаатар, 2014.

Төмөртогоо Д. Монгол хэлний түүхэн авиа зүйн үндэс. Улаанбаатар, 2017.

Л. Б. Бадмаева
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
Улан-Удэ, Россия
lorabadm@mail.ru

ХОРИИН БУРЯАДУУДАЙ ТҮҮХЭ БЭШЭЭШЭ ВАНДАН ЮМСУНОВАЙ ЗОХЁОХЫ АЖАЛ ЯБУУЛГА ТУХАЙ

Статья посвящена описанию творческой деятельности известного бурятского летописца Вандана Юмсунова (1823–1883), автора исторического нарратива «История происхождения народа одиннадцати хоринских родов» (1875), главы хоринского рода *сагаан*, *шуленги*, выпускника английской миссионерской школы на Худуне, писаря Хоринской степной думы. Он также является автором мемуарного сочинения, посвященного приезду князя Алексея Александровича Романова, третьего сына императора Александра II, в Забайкалье в 1873 г.; сочинения в жанре «путевые заметки» о путешествии бурятских сайтов в столичный город Санкт-Петербург в 1876 г. Им записан на монгольском письме крупный хоринский улигер «Эреэлдэй эзэн богдо хаан эрбэд соохор моритой». Кроме того, в статье представлены варианты этимологии этнонима *бэдэ* – самоназвания древних монголов, проживавших на южном берегу озера Байкал.

Ключевые слова: хори-буряты, Вандан Юмсунов, монгольское письмо, памятники письменной культуры бурят, бурятские летописи, мемуары, жанр «путевые заметки», этноним *бэдэ*.

L. B. Badmaeva
Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Ulan-Ude, Russian Federation

ABOUT THE CREATIVE ACTIVITY OF THE CHRONICLER OF THE KHORI BURYATS VANDAN YUMSUNOV

The paper is devoted to the creative activity of the famous Buryat chronicler Vandan Yumsunov (1823–1883), the author of the historical narrative “The History of the Origin of the People of the Eleven Khori Clans” (1875), the head of the Khori clan *sagaan*, *shulenga*, a graduater of the English missionary school on Hudun, and a scriber of the Khori Steppe Duma. He is also

the author of a memoir dedicated to the arrival of Prince Alexei Alexandrovich Romanov, the third son of Emperor Alexander II, in Transbaikalia in 1873; a travelogue about the journey of Buryat learders to the capital city of St. Petersburg in 1876. He recorded in Mongolian script a major Khori uliger *"Ereeldei ezen bogdo khaan erbed sookhor moritoi"*. The author proposes variants of the etymology of the ethnonym *bede* – the self-designation of the ancient Mongols, who lived on the southern shore of Lake Baikal.

Keywords: Khori-Buryats, Vandan Yumsunov, Mongolian script, monuments of the Buryat written culture, Buryat chronicles, memoirs, travelogue genre, ethnonym *bede*.

Һүүлэй үедэ буряад арадай дунда үнгэрһэн түүхээр һонирходог ябадал дэлгэрээ гээшэ. Бусад монголшуудтай дүтэ оршодог, харилсадаг байһан дээрэһээнь уламжалхада, онсолбол, буряадуудай дунда XIII зуун жэлһээ эхилжэ, монгол бэшэг дэлгэрһэн байгаа гэжэ тухайлхаар. Гэбэшье һара жэлыень тэмдэглэжэ, буряадуудай монгол худам бэшэгэй зохёолнууд XVII зуун жэлдэ хабаатай юм.

Нэн түрүүн «Мэдээжэ эрдэмтэд Н. Н. Поппе, А. И. Востриков, В. А. Казакевич, Г. Н. Румянцев, Ц. Б. Цыдендамбаев, Ц.-А. Н. Дугарнимаев, Ж. С. Сажинов, Д.-Н. Д. Доржиев, Л. Д. Шагдаров, Ш. Б. Чимитдоржиев, Ц. П. Ванчикова, Г. Н. Очирова, М. В. Аюшеева, А. Д. Жамсоев буряад арадай түүхэ, туужа болон угай бэшэгүүдые шэнжэлэлгын хэрэгтэ аргагүй ехэ нэмэри оруулһан гээшэ» гэжэ онсо тэмдэглэхэ хэрэгтэй [Бадмаева 2007: 36–37].

Тэрэ үеын уран зохёол хадаа гол түлэб шажан мүргэлэй удхатай байгаа гэжэ эли ааб даа. Зүгөөр зоной байдалда хабаатай зохёолнууд яһала олон байгаа. Зоной ажабайдалда хабаатай зохёолнуудай дунда түүхэтэ бэшэгүүд онсо һуури эзэлдэг юм. Эндэ В. Юмсуновай 1875 ондо найруулһан «Qori-yin arban nigen ečige-yin ǰon-u uγ iǰaγur-un tuγuǰi» (Хориин арбан нэгэн эсэгын зоной уг изагуурай туужа) тухай дэлгэрэнгыгээр тогтохо байнабди.

Энэ зохёолой найруулагша сагаангууд отогой гулваа (ахалагша), шүүлингэ Вандан Юмсунов болоно. Вандан Юмсунов англи яһанай Сара ба Эдвард Сталлибрассуудай 1828 ондо Худан голой эрьедэ нээһэн англи миссионернүүдэй һургуулида һураһан байна. Тодорхойлбол, XIX зуун жэлэй түрүүшын хахадта Байгалай үмэнэхи нютагуудта буряадуудай дунда христиан шажан дэлгэрүүлхэ гэһэн Лондоной миссионерскэ бүлгэмэй даабаритай Англиһаа миссионернүүд ерэһэн түүхэтэй. Эдвард Сталлибрасснаа гадна Роберт Юиль,

Вильям Сван һамгантаяа ерэһэн байна. Гэбэшье, Англиһаа ябаһан аяншан Джон Кохрен гэгшын тэмдэглэһээр, тэдээндэ хүлһэншэд болоżо ажаллаһан хэдыхэн лэ хүнһөө бэшэ нэгэшье буряадые эдэ миссионернүүд христиан шажанда оруулаагүй юм гэлсэдэг.

Тэдэ шажан номнолой талаар бирагүйдэхэдээ, монгол, ород хэлэнүүдые шудалжа, тоо бодолгын номуудые оршуулһан, толинуудые зохёоһон байгаа. Тэдэнэр Сэлэнгын, Анаагай, Худанай һургуулинуудые нээһэн түүхэтэй юм. Чарльз Баудэнай бэшэһээр тухайлхада, англи һургуулиин һурагшад яһала ехэ эрдэм мэдэсэ олодог байгаа гэбэл: тоо бодолго, хэмжүүр, түүхэ, зохёол, оршуулга, логико, библи, монгол, ород, лата, грек, англи, түбэд хэлэнүүдые шудалдаг байһан, гадна ажахы эрхилэлгээр бодото шадабари олодог байгаа [Bawden 1982: 211–250]. Эдэ һургуулинуудта буряад тайшаанарай, отогуудай удамаршадай үхибүүд, залуу ламанар һурадаг һэн ха. Эдэ һургуулинуудые дүүргэгшэдэй дундаһаа багшанар, оршуулагшад, угай түүхэ бэшээшэд ургажа гараһан түүхэтэй. Жэшээнь, Роберт Юилиин шаби байһан Ринчиннима Ванчигон хожомынь Троицкосавскын (мүнөөнэй Кяхтын) ород-монгол һургуулиин багша болоһон алдартай.

Англи миссионернүүдэй эрхим шабинарай тоодо Вандан Юмсунов ородог байгаа. Һургуулияа дүүргэжэ гарахадаа, В. Юмсунов Хориин дүүмын бэшээшээр томилогдоһон байна. Хажуугаарнь зохёол бэшэдэг байгаа гэжэ мэдээжэ. Жэшээнь, «Тэдэ агууехэ дээдэ эзэн император, одоо сагта амгаланаар айладагша хоёрдугаар Александр Николаевичай гурбадахи хүбүүн – князь Алексей Александровичай Байгалай үмэнэхи областиин нютагуудаар заларан гэгээрүүлһэн баясхаланта сагай ушарта зорюулһан дурасхаал тэмдэг» гэжэ зохёол 1873 ондо найруулан байна.

Энэ дурасхаалай тэмдэг В. Юмсунов ехэ гоёор, баян үгөөр найруулһан байна. Жэшээ болгон, нэгэ ССК али орёо синтаксическа нэгэдэл монгол бэшэгһээ мүнөө үеын буряд хэлэндэ хүрбүүлэн харая: *masi yeke bayasulčin, tede-i bayasqulang-tai uγtuqu-yin küseleng-iyer, qoγurumda-ban yeke bayar-tai ningtaldan ǰöbsilelčeǰü / öberün qoγurunda-yin sayiqan sedkil-ün duran-u ergüče-ber / sürüg mönggü quriyaǰu, tegüber-iyen kiyaγtu-yin orus / uran darqasid-nar-tur doluγan pünte čaγan mönggün tabaγ, tegün-ü dotur-a qaγas pünte tedüi altan / qayilγulan doturlaǰu eldeb-iyer kebegelen, tere tabaγ-un / köbege deger-e nayman ǰüg-tü sokimal sula altan-bar / ceyilbüri γaruγan kigsen-ü yangza-yi temdeglebesü, eyimü tabaγ ba, biden-ü noyan qori-yin kalavanui tayiša*

gübernsqui / sikritur badma vačir-un ber öberün / sang-ača nige püd čaγan mönggüber / öberün buriyad uran darqan-du / dabusun-u ayaγ-a yadayur-ban / tede yeke kinaz aliγsi / aliγsandaravisi-yin gegen-e qori-yin ǰon-u ergül kemen / ceyilbüri-tei-yi bütügelgeged, küliyeǰü bayiγsan bui: [ВЮ 1873: 1]. «Маша ехэ баясан тэдэниие баясхалантай угтахын хүсэлэнгээр, хоорондоо ехэ баяртай *нинталдан* зүбшэлэлсэжэ өөрын хоорондын һайхан сэдьхэлэй дуранай үргэсөөр һүрэг мүнгэ хуряажа, тэрээгээрээ Хяахтын ород дархашуулда долоон фүүнтэ сагаан мүнгэн табаг, тэрэнэй доторто хахад фүүнтэ тэды алта хайлуулан доторложо, элдэбээр хүбөөлэн, тэрэ табагай хүбөө дээрэ найман зүттэ сохимол сула алтаар һиилбэри гарган хэһэнэй янзые тэмдэглэбэл, иимэ табаг ба, бидэнэй ноён Хориин главна тайшаа, гүбернскэ секретарь Бадма Вачирон өөрын санһаа нэгэ пүд сагаан мүнгөөр өөрын буряад уран дарханда дабһанай аяга гадуураа: «Тэдэ Ехэ князь Алексей Александровичын гэгээндэ хориин зоной үргэл хэмээн» һиилбэритэйе бүтээлгээд, хүлеэжэ байһан байнабди».

Энэ орёо синтаксическа нэгэдэл (ССК) соо нэгэ һонин үгэ дайралдана *нинталдан* / *ниндалдан* юум гү. Контекстын удха харахада, «эбтэй эетэйгээр зүбшэн хэлэлсэхэ» гэжэ ойлгохоор байна.

Зохёолойнгоо колофондонь В. Юмсунов иигэжэ бэшэһэн байна: *egün-ü urida čaγ-ud-tu, ene kü kizaγar qola saγuγsan / bede ǰon-dur üǰegdege ügei, eyimü bayasqulang-tai ba / ǰol-tai edür čaγ-un učir-nud anu biden-ü qoyitu / čaγ-ud-un ulus-nar-tur sonirqal ba dursqal bolqu / bolusai kemen temdeglegsen anu, qori-yin čaγan otuγ-ün urida-u γoluva Vangdan Yümsüng-ü eyuni-yin 8 edüre 1873 on-a* [1873: 6]. «Энээнһээ урда сагуудта, энээхүү хизаар холо һууһан *бэдэ* зондо үзэгдээгүй иимэ баясхалантай ба золтой үдэр сагай ушарнууд бидэнэй хойто сагуудай уладта һонирхол болон дурасхаал болоһай хэмээн тэмдэглэһэн Хориин сагаан отогой урдын гулваа Вандан Юмсуно июниин 8 үдэртэ 1873 ондо».

Эндэ хориин буряадуудые *бэдэ зон* гэжэ нэрлэһэниинь ехэ һонин байна. «Хориин арбан нэгэн эсэгын зоной уг изагуурай туужа» соо баһа иигэжэ бэшээтэй байдаг: «…һүүлдэ Байгал гэдэг нуурай үмэнэ талада тогтожо, тэндэ анханһаа һууһан *бэдэ* гэдэг арадтай уулзажа, … (тэдэ) Бүртэ Шоные ноён болгон үргэмжэлһэн байгаа» [БТБ 1992: 35].

Л. Д. Шагдаров энэ угсаатанай нэрэ *бэдэ* / *бидэ* / *бида* / *пэ-дэ* хитад *бэй-ди* гэжэ үгэтэй холбоно. Энэ үгөөр хитадууд эртэ урдын үеын монголшуудые нэрлэдэг байгаа [БРС 2006: 170]. Хит. *beidi* ‘хойто шадарай газар дэбисхэр’ (северные территории) гэһэн удхатай юм. Энэ

этноним *бидэ* гэһэн буряад олоной тоогой түлөөнэй нэрэтэй холбохоор байна. Монгол-ород толидо *бэд* хадаа өөһэдээнь өөрыгөө нэрлэһэн эртэ урдын үеын монголнуудай нэрэ гэжэ тэмдэглэгдэнэ [БАМРС 2001: 312].

Үшөө В. Юмсунов «аянай тэмдэгүүдые» найруулдаг байһан юм. Жэшээнь, «11 эсэгын хориин ахалагша тайшаа, главна родоначальник Цэдэб Бадмын болон зүүн хуасай отогой гулваа шүүлингэ Цэдэндоржо Аюушын – эдэ хоёрой 1876 ондо Санкт-Петербург ниислэл хото аяншалһан тухай» гэһэн зохёол 1876 ондо бэшэһэн алдартай юм.

Гадна В. Юмсунов хори буряадуудай «Эреэлдэй эзэн богдо хаан эрбэд соохор моритой» гэһэн томо үльгэрые бэшэжэ абаһан түүхэтэй юм. Энэ үльгэр «Байгал» сэтхүүлэй 4-дэхи дугаарта 1962 ондо хэблэгдэжэ гараһан байна.

Буряадай түүхэтэ зохёолнууд монгол угай бэшэгүүдэй маягаар найруулагдаһаншье һаа, Талын дүүмэнүүдэй бодото баримтануудта үндэһэлэгдэһөөрөө сэнтэй юм. Алибаа үйлэ хэрэгүүдые зураглан бэшэхэдээ, засагай зургаануудай үгэһэн захиралтануудай һара, үдэр, дугаарлал бэшээшэд заатагүй тэмдэглэдэг байгаа гээшэ. Энэнь Вандан Юмсуновай бэшэһэн зохёолнуудыень үнэншэмэ, бодото болгоно гэжэ онсо тэмдэглэмээр.

Буряад түүхэтэ зохёолнуудай сэдэб хадаа угаа үргэн, олон һалбаритай. Энэ талаараа В. Юмсуновай угай бэшэг, шэнжэлэгшэдэй һанамжаар, эгээл томо, найруулгаараа эрхим зохёол юм. Энэ зохёол 12 бүлэгтэй. Бүлэг бүхэниинь дугаарлаһан зүйлнүүдһээ бүридэнэ.

1. «Хаанаһаа эхилжэ энэ хүрэтэр үнэржэһэн тухай» гэжэ нэрлэгдэһэн 1-дэхи бүлэг соо хори буряадуудай уг гарбалые харуулһан гол баримтануудые дурдана. Тиихэдээ түбэд болон монгол хаашуулай уг гарбалтай холбожо, Бүртэ Шонын «бэдэ» гэжэ арадтай уулзаһые, Бальжин хатан тухай домогые бэшэжэ, хориин 11 эсэгэнэрэй ород хаанай мэдэлдэ ороһон үе хүрэтэр асарна.

2. «Шажан мүргэлэй ушар» гэжэ 2-дохи бүлэгынь нэрлэгдэнхэй. Монголдо дэлгэрһэн буддын шажанай сэлэнгын, хориин нютагуудта хүрэһэн тухай, 1741 ондо Сүхэ мүрэн дээрэ Хилганатай гэжэ газарта түрүүшын һэеы дугангай бии болоһон тухай, харин 1846 ондо, Ишиджамцоев хамба ламын дуулгаһаар, Буряад орондо 34 дасан, 144 дуган, 4509 ламанар бии болонхой байһан тухай хэлэгдэнэ. Мүн шажан мүргэлэй асуудалаар зайһан Шираб-Нимбу Хобитуевай Санкт-Петербург ошоһон тухай энэ бүлэг соо В. Юмсунов бэшэнэ.

3. «Бөөгэй мүргэл» гэжэ нэрлэгдэһэн 3-дахи бүлэг соо бөөгэй ёһо гурим, шанар абалга тухай бэшээтэй.

4-дэхи бүлэгынь «Анханһаа ба хойшодонь бии болоһон захиргаанууд тухай» гэжэ нэрлэгдэнхэй. Хори буряадууд хадаа урдандаа занги, шүүлингэ, засуул, зайһан мэтын удамаршадтай байһан юм, харин 1727 онһоо хилын харуулай заабариин ёһоор, һүүлдэнь 1822 оной хаанай саазаар захиргаанай хэрэг ябуулагдадаг болоһон байна. Мүн 1745 онһоо хойшо хори буряадуудта хэрэг хүтэлбэриин сааріһанай ажалай эхилһэн тухай эндэ хэлэгдэнэ.

5. «Захирха тушаалтай нюурнууд тухай» гэжэ нэрлэгдэһэн 5-дахи бүлэг соо Шодо Болтирогойһоо эхилээд, Цыдыб Бадмаев хүрэтэр байһан тайшаанууд ба Олбори Дашиевһаа эхилээд, Түбтэр Цыбиков хүрэтэр тайшаагай туһалагшад тухай В. Юмсунов бэшэһэн байна. Мүн баһа Ринчиндоржи Дэмбилов тайшаагай 1-дэхи Николай хааниие бараалхаад, «нангин угияалда хүртэжэ», хэрээһэ зүүжэ, Николай Николаевич Дэмбилов гэжэ нэрэтэй болоод, гэртээ бусаһан тухай хэлээтэй.

6. Мүн граф Савва Рагузинскын зууршалгаар 1728 ондо алтан тугуудта хүртэжэ, хориин 11 эсэгэнэрэй хилын харуул хараха сэрэгшэдэй нэрэ зэргэтэй болоһон тухай 6-дахи зүйл соо һонирхон уншахаар.

7. Бадан Тураахинай ударидалга доро хориин 11 эсэгэнэрэй түлөөлэгшэдэй Москва хото зорижо, І-дүгээр Петр хааниие бараалхаһан тухай, Байгалһаа эхилээд, Монголой хилэ хүрэтэрхи газар хори буряадуудай эзэлжэ һууха болоһон тухай, мүн Россиһаа нүүжэ ерэһэн ородуудта 105000 десятина болохо Энгидэйн элдин үрэжэлтэ газар таһалжа үгөөд, орондонь Онон мүрэнэй эрьеэр газар абаха болоһон тухай 7-дохи зүйл соо бэшэгдэнхэй.

8. «Зан абариин ушар» гэжэ 8-дахи бүлэг нэрлэгдэнхэй. Шажанай, эрдэм номой дэлгэрһэн тухай эндэ бэшээтэй.

9. «Ажа түрэхын байдал тухай» гэжэ нэрэтэй 9-дэхи бүлэг соо хори буряадуудай үбһэ сабшажа, таряа тарижа һураһан тухай бэшэгдэһэн байна.

10-дахи бүлэгынь хадаа «Бэе махабадые хямгадаха ушар» гэжэ нэрлэгдэһэниинь һонин. Эндэ элүүрые хамгаалгын ажал ябуулга тухай хэлэгдэнэ. Онсолбол, І дүгээр Александр хаанай заабаряар, халуун үбшэ аргалха тарилгын буряад зоной дунда хэгдэһэн тухай уншанабди.

11. «Ород хаанай ороной туһада ямар алба хэдэг байһан тухай» гэжэ 11-дэхи бүлэг гаршаглагданхай. Буряадуудай дүүргэдэг байһан олон тоото уялгануудай тоодо В. Юмсунов харгы барилгын, заһабарилгын хүдэлмэрииe дурдана. Харгы хэхэ, заһабарилха хүдэлмэри угаа ехэ гаргашатай байһан ха.

12-дохи бүлэг соогоо агын буряадуудай хориин буряадуудһаа таһарһан тухай хэлэгдэнэ. Агада тусхай өөһэдын дүүмэ 1839 ондо байгуулагдаһан түүхэтэй.

Тиигээд түгэсхэлэй хуудаһанда В. Юмсунов иигэжэ бэшэнэ: «Угай энэ туужые хойто сагуудай арадта һанамжа болохо аалам гээд бодомжолжо зохёоһон болбай» [ЛХБ 1935: 171].

Совет засагай үедэ, 30-аад онуудаар Зүүн зүгэй институдай Ленинградай таһагта буряадай угай бэшэгүүдые үзэһэн, тиигээд заримынь ородоор, хуушан монголооршье хэблэһэн байна. 1935 ондо монгол бэшэгээр Түгэлтэр Тобын, Вандан Юмсуновай «Хори-буряадуудай летописүүд» хэблэгдэһэн байна. Эдээниие профессор Н. Н. Поппе хэблэлдэ бэлдэһэн түүхэтэй. Тиигээд 1940 ондо Түгэлтэр Тобын, Вандан Юмсуновай зохёоһон хори-буряадуудай түүхые профессор Н. Н. Поппе хуушан монгол хэлэнһээ ород хэлэндэ оршуулаад, «Летописи хоринских бурят» гэжэ нэрлэн гаргаһан түүхэтэй юм.

Харин мүнөө үедэ тэдэ номууд угаа хомор, олдошогүй шухаг номууд болоод байна. Буряадай түүхэ бэшэгүүд монгол угсаата буряад арадай ажабайдал, ажамидарал, түүхэ, хэлэ бэшэг, уран зохёол дэлгэрэнгыгээр харуулһан байна. Иимэ ушараар профессор Ш. Б. Чимитдоржиев 1992 ондо буряад арадайнгаа түүхэ бэшэгүүдые мүнөөнэй буряад хэлэн дээрэ «Буряадай түүхэ бэшэгүүд» гэжэ нэрлэн гаргаһан алдартай юм [БТБ 1992: 240].

Иигээд, урданай түүхын зохёолнууд, уг изагуурай туужанууд хадаа буряад арадай, илангаяа залуу үетэнэй һуралсал, хүмүүжэлгэ болбосоролдо, үндэһэтэнэй өөрын онсо мэдэрэл түрүүлхэ хэрэгтэ ехэ нүлөө үзүүлдэг гэжэ һанагдана.

Түгэсхэлдэ Ц. Б. Цыдендамбаевай бэшэһэн үгэнүүдые дурдаха хэрэгтэй байна: «Буряадуудай түүхэтэ зохёолнуудые шэнжэлэн үзэлгэ үшөөл эхин шатадаа байна гээшэ» [Цыдендамбаев 1972: 48]. Энээнһээ уламжалан, буряадуудай угай бэшэгүүдые эхэ хэлэн дээрэнь, оршуулгыень, хүрбүүлгыень дахин хэблэжэ гаргаха асуудал тобойсо ерэнэ.

Хэрэглэгдэһэн номууд

Бадмаева Л. Б. Языковое пространство бурятского летописного текста. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2012. 296 с.

Летописи хоринских бурят. Вып. 1. Хроники Тугултура Тобоева и Вандана Юмсунова. IX // Тр. Института востоковедения. Текст издал Н. Н. Поппе. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1935. 2 с.

Рукопись Вандана Юмсунова «Воспоминания … 1873 г.». Рукописный фонд ИВР РАН (СПб.). Ms E 219. 24 лл.

Цыдендамбаев Ц. Б. Бурятские исторические хроники и родословные. Улан-Удэ, 1972. 664 с.

Бадмаева Л. Б. Хориин буряадуудай түүхэ бэшээшэ Вандан Юмсунов тухай // Буряад хэлэнэй шухала асуудалнууд: Статьянуудай согсолбори. Улаан-Үдэ: Буряадай эрдэмэй түбэй хэблэл, 2007. 208 н.

Буряадай түүхэ бэшэгүүд / Сост. Ш. Б. Чимитдоржиев. Улаан-Үдэ: Буряадай номой хэблэл, 1992. 240 н.

Bawden, Charles R. English Mission Schools among the Buryats, 1822–1840 // Zentralasiatische Studien. Wiesbaden, 1982. Vol. 16. P. 211–250.

A. D. Zhamsoev
Buryat State University named after D. Banzarov
Ulan-Ude, Russia
tiirgen@gmail.com

COLLOQUIALIZATION ELEMENTS IN BURYAT TEXTS WRITTEN IN THE MONGOLIAN SCRIPT (THE CASE OF ⟨Č⟩ AND ⟨S⟩)

This paper examines traces of colloquialization in Buryad texts written in the Mongolian script from the nineteenth century. The focus is on phonetic features, particularly the developments *[s] > [h]* and *[tʃ$^{(h)}$] > [s]/[ʃ]*, which reflect the interaction between spoken Buryad and the conservative orthographic tradition of Written Mongolian. By comparing several texts of chronicles, the study identifies instances where colloquial pronunciation permeated written norms. The findings suggest that these cases were not systematic but showing the influence of spoken Buryad language.

Keywords: mongolian script, buryad, colloquialization, written language.

1. Introduction

This paper offers a preliminary survey of the influence of spoken Buryad on written texts in the Mongolian script from the 19th century. It aims to trace how phonetic and grammatical features of spoken Buryad

occasionally permeated the written norm, revealing the broader process of colloquialization – that is, the gradual convergence of written and spoken forms in the history of the Mongolic languages.

The interaction between spoken and written language is a well-attested linguistic phenomenon, and Written Mongolian texts clearly reflect this interaction from their earliest stages. From the Pre-Classical monuments to the modern publications from Inner Mongolia, traces of spoken, phonetic influence occasionally appear throughout the written tradition.

Condenced and expanded descriptions of colloquialization processes, often in the context of linguistic features, processes of Written Mongolian were provided by Bobrovnikov [1849], Grube [1904], Haenisch [1925], Vladimirtsov [1921, 1929, 1932], Kara [1972], Rinchen [1958, 1961], Tsydendambaev [1972], Dorzhiev [1993], Chiodo [2000], Kürelbaγatur [2005], Kuribayashi [2008], Kuribayashi&Sechinbat [2009], Batoeva [2005; 2012] and Huhbator [2021].

Building on the framework of colloquialization as linguistic modernization [Doerfer 1964: 83; Weiers 2014: 13], this paper focuses on the phonetic layer of Buryad texts, where the interplay between orthographic stability and phonetic innovation becomes most visible. The current paper concentrates [1] on a limited set of phonetic features distinguishing the Buryat language and written tradition of Buryads on Mongolian script:

1) – Debuccalization [2] of Middle Mongolian *[*s]* to *[h]* and its reflection in Written Mongolian Buryad (hereinafter reffered as WrMBur).

---

[1] This paper primarily relies on the readings of the Uyghur-Mongolian script, even though, strictly speaking, it provides no direct evidence of "phonetics" or "pronunciation" [Janhunen 2003: 34]. In essence, it represents an orthographic convention that ultimately reflects the Late Pre-Proto-Mongolic stage, so in many cases we use Written Mongolian as conventional proto-language for the corresponding forms in Modern Buryat. In other words, we are treating Written Mongolian – also referred to as Late Pre-Proto-Mongolic – as roughly equivalent to Middle Mongolian.

[2] **s* > *[h]*. In all positions except coda position: PMong **sayĭn/sayīn* > WrM *sayin* > MoBu *найн* [hæːŋ], PMong **dabusu*/WrM *dabusu(n)* > MoBu *дабһан* [taβăhăŋ], PMong **es-*/WrM *iskü* > EBur **EsEKE* (cf. Oir. *iskü/isikü* [Zwick, 1854]) > MoBu *эһэхэ*, WrM *iskekü* > EBur. **EseʔeKe* > MoBu. *эһээхэ,* WrM *debse* > MoBu *дэбһэн; *s* > [t^h]/[*t*]. In auslaut and coda position: ComMong *ulus* > MoBu *улаð [ʔʊlə̆t^h]*, MMong. *orus(ud)* > MoBu *ороð [ʔɔrə̆t^h]*, WrM *urusqal* > MoBu *урадхал [ʔɔrə̆tχə̆l]*, WrM *iskemel* > MBurD. *эдхэмэл.* Some cases are con-

2) Fricatization[1] of Middle Mongolian affricate *[*tʃ$^{(h)}$]* to *[ʃ]*/*[s]* > in some cases followed by further development to *[h]* [Rassadin 1982: 77–78; Skribnik 2003: 106; Svantesson 2005: 200–201] and its reflections in Written Mongolian Buryad. A more detailed discussion on this provided below.

2. Source Criticism

We deliberately exclude Clerical texts from our analysis, as they represent an archaistic and traditional layer of the written language that preserves features of Classical Written Mongolian – as already noted by Weiers [2014: 13]. Languages of Buddhist literature (*sudur-un kelen/nom-*

---

nected with *s > *t* shift in anlaut: WrM *samurqu* (to ladle and pour liquid back into the pot while boiling [Lessing 1960]) splited in MoBu *намарха [hamə̆rχə]* and MoBu *мамарха [t^{h}amə̆rχə]* (to swim).

*s > MoBu *[s]*. Phonetic preservation due to following a phonetically similar consonant in words like WrM *sečen* > **se͡tsen* > *[sɜsə̆ŋ]* instead of *[hɜsə̆ŋ]*. Also a lot of words with [s] often trace back to bookish-style readings of Written Mongolian, which eventually became entrenched in spoken usage: WrM *sedkil* > MoBu *сэдьхэл* instead of *нэдьхэл*. The written origin of *сэдьхэл* is evident from the fact that same root words have preserved their original *h*: PMong/WrM *sedekü* > MoBu *нэдэхэ*. Besides, *нэшхэл* (EBur **sesIkil* < MMong **sedkil*) well attested by dictionaries [Gantogtokh 2010]. Another examples of written origin are WrM *asaγudal* > MoBu *асуудал* instead of *ahyyдал*, PMong/WrM *alus* > MoBu *алас*, PMong/WrM *ulus* > MoBu *улас* (cognate to MoBu *улад*), WrM *sakiγusun/sakiγulsun* > MoBu *сахюусан/нахюуһан.* At the same time, **s* is preserved in some variations of non-written origin and has also been included into Modern Buryad dictionaries: WrM *urusqul* > MoBu *урасхал [ʔʊrə̆sχəˑl]*, WrM *keyiskekü* > MoBu *хиисхэхэ [xiːsxə̆xə]*;

*s > MoBu [ʃ]. Almost always before [i]: WrM *sir-a* > MoBu *шара*, WrM *sirui* > MoBu *шорой*. However, several interesting examples are attested: MoBu *шудалха* < WrM *sudulqu:* apparently, it is pointing to a proto-form **sidulqu*. Another example is WrM *abiyastai* > MoBu *абаашатай*, WrM *iskerkü* > EBur. **išikErKE* > MoBu *эшхэрхэ* cf. Oir *iškire-* [Krueger 1978: 90];

[1] **č* > *[ʃ]*. Almost always before *[i]*: WrM *činar* > MoBu *шанар*, *čičarγana* > *шасаргана*, *čiγulγan* > *шуулган*, *köbči* > *хүбшэ*, *čiqula* > *шухала*;

**č* > *[s]*. In all positions: WrM *čayan* > MoBu *сагаан,* WrM *čimügen* > MoBu *сэмгэн/сүмгэн* [Damdinov, 1968], WrM *čimarqai (<*čibarQai?>)* > MoBu *сабиргай*, WrM *čilüge(n)* > MoBu *сүлөө(н)*, WrM *qubčasun* > MoBu *хубсаһан,* WrM *ebčigün* > MoBu *үбсүүн,* WrM *čiqul* > MoBu *сухал*;

**č* > *[*t͡s]* > *[*s]* > *[h]*. ClassWrM *čuburil* > ModWrM *čubural* > MoBu *нубарил*, MMong **si'üči/* > MoBu *һүүшэ.*

un kelen[1]), being canonical and normative by nature, despite Tibetan influence [Shagdarsüren 2003: 18–19], tends to be linguistically conservative [Rinchen 1971: 376] and stable in contrast, secular, non-religious texts – such as chronicles, economic records, and personal documents, song and plays texts – show a much greater tendency toward orthographic innovations[2]. Of course, this two opposite point are not concentrated on their grounds, but has significant number of texts that line up from more speech-like to more written-like texts [Haselow 2017: 7]. The main source of our paper is texts of historical records:

1) *Bübei bevelü qaγan-u sudur orošiba* – A Buryad historical essay on early history of Khori-Buryads, keeping in National Library of Mongolia [Natsagdorj 2014: 198]. The extant text appears to be a later copy and contains numerous traces of spoken Buryad language. Hereinafter referred as to BB.

2) *Dam sonustaγsan üliger üge inu (a.k.a Balǰin qatun-u domoγ* [Damdinsürüng, 1959:537]*)* – first published by Pozdneev [1900: 47] by metal type and dated by 1840's by Tsydendambaev [1972: 52]. Has been reproduced multiple times in other editions, including *Jaγun bilig* [Damdinsuren, 1959: 537] as well as adaptation to modern Buryad in 1993 and 2024. Hereinafter referred as to BQ.

4) *Qori-yin arban nigen ečige-yin ǰon-u uγ iǰaγur-un tuγuǰi* (hereinafter referred to as VY) The chronicle written in 1875 by *Vangdan Yümčüng-ün*. Text published by N. Poppe [1935] and L. Badmaeva [2007].

5) *Ros-un gürün-ü ǰegün Sibiri-yin dotura ayči buriyad kemekü yasutan ǰon-u terigün γaruγsan ba tegün dotura-ača qori 11 ečige-yin buriyad ǰon-u tegüke* (hereinafter refferred to as SN) in 1886 by *Siirabningbova Qubitu-yin*. Text published by V. Kazakevich [1935] and L. Badmaeva and G. Ochirova [2018].

3. Colloquial reflections

3.1. MMong **s* > MoBu *[h]* > WrMBur ⟨h⟩

The data we have shows strong stability in the use of ⟨s⟩ letter, despite the fact in the 19th century the shift from **s* to *[h]* occurred. Only a few cases are attested where [h] sound of Buryad is represented in the

[1] In contrast to *qara üge* [Kara 1972: 99; Rinchen 1961] or *ам^{a}ī xellě* [Ramstedt 1908:5]. The last one more relevant to 'spoken language'.

[2] A similar point is made by Kara [1972], who notes that manuscripts from the East Baikal have numerous traces of Buryat speech.

Mongolian script by the Galik letter ⟨h⟩ or ⟨lh⟩, all of which are proper names or onomatopoetic forms. As Tsydendambaev [1972: 615] pointed out, these changes were not widespread enough to trigger a full orthographic reform and such transformations were largely neutralized by the strength of the written tradition.

VY 3:8:5-6 *hotu,* WrM *sotu*, MoBu *homo*

VY3:4:5 *kihang*, WrM *kisaγan*, MoBu *хуһаан*

VY3:5:6 *kiha*, WrM *kisa,* MoBu *хяһа*

3.2. MMong/WrM *c > MoBu [s] > WrMBur ⟨s⟩ MMong/WrM *c+i > MoBu [ʃ] > WrMBur ⟨sī⟩/⟨š⟩

At the 19th century in most Buryad dialects the Middle Mongolian sound *[*tʃ(h)]* already fricativized to *[s]* and to *[ʃ]*, which led to shifts in sound-to-letter correspondences and the emergence of letter polyphony. This, in turn, caused the well-known confusion between correct and hypercorrected forms WrMBur *čidar* < WrM *sidar*, *bayči* < *bayси, tučiyal* < *tusiyal.* The reverse process of it – colloquailized forms with ⟨s⟩ – occurs quite frequently in our data.

BB3:14 *sabčiǰu,* WrM *čabčiǰu,* MoBu *сабшажа*

BB7:6 *sinagči-ban,* WrM *činaγsi-ban,* MoBu *саашаа*

BB9:5 *busuǰu,* WrM *bučaǰu,* MoBu *бусажа*

BB5:3-6 *ši~šii*, WrM *či*, MoBu *ши*

BB8:10 *sokiy-a*, WrM *čokiy=a*, MoBu *сохиё*

BB10:5 *quurši*, WrM *quγurči*, MoBu *хуурша*

BB11:7 *saγ=a,* WrM *čaγ=a,* MoBu *сагаа(н)*

BB13:6 *üsügen,* WrM *öčüken,* MoBu *үсөөхэн*

SN1:9 *sömüreǰü,* WrM *čömüreǰü*, MoBu *сүмэржэ*

SN8:9 *esüslebe,* WrM *ečuslebe,* MoBu *эсэслэбэ*

SN4:11 *asaraγad,* WrM *ačaraγad*, MoBu *асараад*

SN10:6 *otoši,* WrM *otači*, MoBu *отошо*

SN11:4 *ǰasaγši,* WrM *ǰasaγči*, MoBu *засагша/заһагша*

SN16:11 *asiǰu,* WrM *ačiǰu,* MoBu *ашажа*

SN18:7/38:9 *asiyan,* WrM *ačiyan*, MoBu *ашаан*

SN26:5 *duγungši*, WrM *duγangči*, MoBu *дуганша*

SN64:3 *yabuγsid*, WrM *yabuγčid*, MoBu *ябагшад*

SN68:2 *tobsi,* WrM *tobči*, MoBu *тобшо*

VY70:6 *sola,* WrM *čola*, MoBu *соло*

VY9:21:11/VY9:1:4-5/VY9:12:6 *urγusu,* WrM *urγuča*, MoBu *ургаса*

VY12:5:3/VY12:1:2/VY7:17:6/VY7:16:6-9 *šidquγsan*, WrM *čid-quγsan*, MoBu *шудхаһан*

VY9:21:8 *šidaltan,* WrM *čidaltan*, MoBu *шадалтан*

VY9:25:1 *šigig*, WrM *čigig*, MoBu *шиг*

VY4:4:5 *aśaran*, WrM *ačaran*, MoBu *ачаран*

VY9:23:6/VY4:4:3/VY3:50:3/VY3:40:9/VY3:17:3/VY3:21:5/ *bišiqan*, WrM *bičiqan*, MoBu *бишыхан*

4. Conclusion

The available data do not allow us to determine unequivocally whether there is a consistent trend toward colloquialization. From other side, our observations reveal two opposing tendencies within the phonetic domain: hypercorrection and colloquialization. Colloquial elements in the corpus are irregular and inconsistent, suggesting that their occurrence is not systematic.

The use of the Galik letter *⟨h⟩* to represent the Buryad *[h]* sound appears to be a deliberate attempt at phonetic accuracy rather than an accidental deviation from orthographic norms. It is plausible that such features correlate with the genre and context of the text, which would require further quantitative verification.

At the same time, the interference of spoken Buryad and Written Mongolian becomes evident: despite the orthographic rigidity of the latter, it remained permeable to colloquial influence. This may indicate that, for Buryad scribes of that period, Written Mongolian was not perceived as a language separate from their own vernacular.

Future research should aim to test these observations against a broader historical background, incorporating additional manuscripts and other linguistic levels such as morphology and syntax.

List of abbreviations

WrMBur – Written Mongolian Buryad
WrM – Written Mongolian
MoBu – Modern Buryad
EBur – Early Buryad
PMong – Proto-Mongolian
MMong – Middle Mongolian
Oir – Oirat
ClassWrM – Classical Written Mongolian
ModWrM – Modern Written Mongolian

References

Бадмаева Л. Б. Язык бурятских летописей. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2005. 216 с.

Бадмаева Л. Б., Очирова Г. Н. Летопись Ш.-Н. Хобитуева как памятник письменной культуры бурят. Улан-Удэ: Бэлиг, 2018. 288 с.

Бадмаева Л. Б. Летопись Вандана Юмсунова – памятник письменной культуры бурят XIX в. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2007. 396 с.

Бадмаева Л. Б. Языковое пространство бурятского летописного текста. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2012. 296 с.

Бобровников А. Грамматика монгольско-калмыцкого языка. Казань: Университетская типография, 1849. 400 с.

Бямбын Р. К истории перевода в Монголии // Мастерство перевода (сборник). 1971. №VIII. С. 371–384.

Бямбын Р. Хульчи Сандак – мастер мгновенной импровизации // Из нашего культурного наследия: сб. ст. 1958. С. 37–41.

Владимирцов Б. Я. Монгольские литературные языки // Записки Института Востоковедения Академии Наук СССР. 1932. №1. С. 1–17.

Владимирцов Б. Я. Монгольский сборник рассказов из Pañcatantra. Петроград: Академическая Двенадцатая Государственная Типография, 1912. 162 с.

Владимирцов Б. Я. Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия. Введение и фонетика. Л.: Издание ЛВИ, 1929. 437 с.

Дамдинов Д. Г. Этнолингвистический очерк хамниганского говора // Труды Бурятского Института Общественных Наук БФ СО АН СССР, 1968. № 2. С. 74–116.

Доржиев Д.-Н. Д. Старобурятский язык. Улан-Удэ: БГПИ им. Доржи Банзарова, 1992. 244 с.

Казакевич В. А. Летописи хоринских бурят. Хроника Шираб-Нимбо Хобитуева // Тр. Института востоковедения. Т. 9. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1935. 125 с.

Кара Д. Книги монгольских кочевников. М.: Наука, 1972. 195 с.

Позднеев А. Монгольская хрестоматия для первоначального преподавания. СПб: Типография Императорской Академии Наук, 1900. 416 с.

Поппе Н. Н. Летописи хоринских бурят. Хроники Тугултура Тобоева и Вандана Юмсунова / Пер. Н. Н. Поппе // Тр. Института востоковедения. Т. XXXIII. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1940. 106 с.

Рамстедт Г. Й. Сравнительная фонетика монгольского письменного языка и халхаско-ургинского говора. СПб: Типография Императорской Академии Наук, 1908. 65 с.

Рассадин В. И. Очерки по исторической фонетике бурятского языка. М.: Наука, 1982. 198 с.

Цыдендамбаев Ц. Б. Бурятские исторические хроники и родословные. Улан-Удэ: БИОН СО АН СССР, 1972. 662 с.

Бямбын Р. Монгол ардын аман бичгийн хэл // ШУА. Мэдээ. 1961. № 2. С. 109–115.

Chiodo E. The Mongolian Manuscripts on Birch Bark from Xarbuxyn Balgas in the Collection of the Mongolian Academy of Sciences (I). Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 2000. 305 p.

Damdinsürüng Če. Mongγol Uran Jokiyal-un Degeǰi Jaγun Bilig Orusiba. Ulaγanbaγatur: Bügüde Nayiramdaqu Mongγol Arad Ulus-un Sinǰileküi Uqaγan ba Degedü Bolbasural-un Küriyeleng-ün Keblel, 1959. 603 p.

Doerfer G. Die Mongolische Schriftsprache // Mongolistik. Leiden/Köln: E. J. Brill, 1964. Pp. 81–94.

Grube W. Proben der Mongolischen Umgangssprache // Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes. 1904. Vol. 18. Pp. 343–378.

Haenisch E. Beiträge zur mongolischen Schrift- und Volkssprache // Mitteilungen des Seminars für Orientalische Sprachen zu Berlin. 1925. Abt. 1. C. 174–185.

Haselow A. Spontaneous Spoken English. An Integrated Approach to the Emergent Grammar of Speech. Cambridge University Press, 2017. 326 p.

Huhbator B. The Issue of Unity between Written and Spoken Mongolian: Linguistic Norms in Inner Mongolia that Continues to use ‘Pre-modern’ Script //学苑・人間社会学部紀要. 2021. No. 964. Pp. 12–27.

Janhunen J. Written Mongol // The Mongolic Languages. 2003. C. 30–54

Kuribayashi H. Characteristics of Written Mongolian in Polyglot Manchu Dictionaries of the Qing Dynasty, 18th Century // Northeast Asian Studies. 2008. Vol. 12. Pp.1–34.

Kuribayashi H., Sechinbat. Characteristics of Mongolian in ‘Chu-xue Zhi-nan’ and ‘San-he Yu-lu’ – Colloquial Features of Mongolian Texts Represented in Manchu Script // Bulletin of Japanese Association for Mongolian Studies. 2009. No. 39. Pp. 5–17.

Lessing F. D., Haltod M., Hangin J. G., Kassatkin S. Mongolian-English Dictionary. Berkeley; Los Angeles: University of California Press. 1960. 1217 p.

Skribnik E. Buryat // The Mongolic Languages. 2003. C. 102–126

Svantesson J.-O., Tsendina A., Karlsson A., Franzén V. The Phonology of Mongolian. Oxford University Press, 2005. 336 p.

Uriyangqadai Kü. Manǰu üsüg-iyer Mongγol kelen-ü teyin ilγal-i temdeglegsen bayidal-un tuqai-du // Öbür Mongγol-un yeke surγaγuli-yin erdem sinǰilegen-ü sedkül. 2005. No. 3. Pp. 1–4.

Weiers M. Philologische Überlegungen zu Sprache und Text in uighurisch-mongolischer und mandschurischer Schriftsprache // Stipes Philologiæ Asiæ Majoris (S.P.A.M.) Contributions on Philology and History of Eastern Inner Asia. 2014. No. 13. Pp. 1–33.

Цонгоол Нацагдорж Б. Бүүвэй бэйлийн судар хэмээх сурвалжийн танилцуулга // Historia Mongolarum. 2014. No. XIII. Pp. 198–253.

Шагдарсүрэн Ц. Сонгодог монгол бичгийн хэл буюу монгол сударын хэлний зарим онцлогоос // Acta Mongolica. 2003. Vol. 2(208). Pp. 17–30.

Шарайд Гантогтох Г. Буриад аялгууны толь. Улаанбаатар: Бемби Сан, 2010. 720 х.

З. А. Шагжина
Арктический государственный институт культуры и искусств
Якутск, Россия
shagza@mail.ru

ПЕРЕВОДНЫЕ ИЗДАНИЯ ПРАВОСЛАВНЫХ БОГОСЛУЖЕБНЫХ КНИГ НА БУРЯТСКОМ ЯЗЫКЕ В XIX – НАЧ. XX В.

Статья посвящена переводам и изданиям на бурятском языке богослужебных текстов, используемых Русской православной церковью в миссионерских целях среди бурят в XIX – нач. XX в. Выявлены религиозные, государственные, общественные деятели и организации, причастные к данной переводческой деятельности. Дан перечень богослужебных книг, изданных на бурятском языке, отмечены особенности переводов и сделан их краткий текстологический анализ.

Ключевые слова: миссионерская деятельность, церковная литература, перевод, миссионеры-буряты, церковные братства, переводческие комиссии.

Z. A. Shagzhina
Arctic State Institute of Culture and Arts
Yakutsk, Russian Federation

TRANSLATIONS OF ORTHODOX LITURAL BOOKS IN THE BURYAT LANGUAGE IN THE 19TH – EARLY 20TH CENTURIES

This paper examines the translations and publications into Buryat of liturgical texts used by the Russian Orthodox Church for missionary purposes among the Buryats in the 19th and early 20th centuries. Religious, government, and public figures and organizations involved in this translation effort are identified. A list of liturgical books published in Buryat provided, highlighting the translations' specific features and providing a brief textual analysis.

Keywords: missionary activity, church literature, translation, Buryat missionaries, church brotherhoods, translation commissions.

Используя в практике своей миссионерской деятельности различные методы и способы христианизации коренных народов Сибири, Русская Православная Церковь всегда обращала особое внимание и выделяла одно из важнейших направлений православного миссионерства – проповедническую деятельность, которая являлась и является по сути одним из главных идеологических орудий православной церкви. Многовековой опыт проповеднической деятельности миссионеров среди инородцев привел их к закономерному выводу о необходимости пропаганды идей новой религии на родном языке аборигенов.

Так, в январе 1733 г. Преосвященный Иннокентий II (Нерунович), епископ Иркутский и Нерчинский, обращал особое внимание Священного Синода на необходимость организации переводческого дела: «Научить знать Бога и закон Его потребно на языке того народа, которому проповедуется. Ибо трудно укоренить новое учение и веру, когда на своем языке уверено и пространно рассуждать не будут». По мнению большинства миссионеров, организация переводов и издание церковной литературы на языке «местного населения» должны были улучшить качество проповеди «русской веры» и облегчить ее усвоение инородцами [Иннокентий]. Но эта работа в связи с отсутствием подготовленных миссионерских кадров в крае, была отложена на долгие годы, и только в начале XIX в. церковь смогла приступить к ней. В 1803 г. Синод своим указом обязал архиереев епархий РПЦ, где проживали «инородцы», чтобы они «позаботились переводом Катехизиса и церковных молитв» [Прокопьев 1904: 6]. Но и это распоряжение в Иркутско-Забайкальской епархии не было исполнено, опять же ввиду отсутствия лиц, способных к переводу и проповеди на бурят-монгольском языке.

Первые попытки перевода Библии на бурятский язык связаны с Русским отделом Библейского общества, основанным в 1812 г. в Петербурге. В 1817 г. Библейское общество предприняло попытку перевода Библии на монголо-бурятский язык. Для этого был приглашен Якоб Шмидт, член Шотландской духовной миссии в Калмыкии, который для осуществления работы затребовал из Восточной Сибири «толковых» бурят, в связи с чем иркутский генерал-губернатор направил в Санкт-Петербург хоринских бурят: зайсанов Харганатского рода Бадму Мурисуна и Худайского рода Номто Одаина в сопровождении переводчика, иркутского губернского секретаря Василия Татаурова [Бурятские летописи 1995: 45]. В других источниках Бадма

Мурисун известен как Бадма Моршунаев, а Номто Одаин – как Номто Унгаев. Их почти девятилетний труд завершился в 1826 г. переводом Нового Завета, который через год был отпечатан в типографии Библейского общества тиражом в 2000 экземпляров. Из них 600 экземпляров Священный Синод отправил хоринским бурятам, 150 – селенгинским, и еще 150 – агинским [Бурятские летописи 1995: 45].

Одновременно с этим в Иркутское отделение Библейского общества, открытого в конце 1819 г., были отправлены 5 экземпляров для сличения перевода со славянским текстом Нового Завета. Епископ Иркутский Михаил Бурдуков привлек к этой работе выходца из смешанной бурятско-русской семьи, протоиерея Иркутской Прокопьевской церкви, преподавателя монгольского языка в семинарии Александра Бобровникова; выпускника местной семинарии, священника Иркутской Спасской церкви Ксенофонта Шангина; иеромонаха Израиля и иеродиакона Досифея из Селенгинского Троицкого монастыря; губернского переводчика, уроженца Забайкалья Александра Васильевича Игумнова, которым в 1924 г. был переведен на бурятский язык «Краткий Катехизис». Сличение текстов и исправление ошибок были завершены этой группой в 1829 г., и исправленные тексты были отправлены в Петербург. Значительная часть этой трудной работы была выполнена Александром Бобровниковым, который исправил три книги Евангелия – от Марка, от Матфея, от Иоанна [РГИА. Ф. 796. Оп. 445. Д. 397. Л. 66]. Работая над сличением текстов и исправлением ошибок в переводах Евангелия, Бобровников параллельно составил грамматику монгольского языка, опубликованную в 1835 г. в Петербурге, которая использовалась впоследствии в качестве учебного пособия в школах Иркутской епархии и семинарии [Наумова 1996: 167].

В 1834 г. архиепископ Иркутский, Нерчинский и Якутский Мелетий (Леонтович) обратился в Священный Синод с просьбой об открытии в некоторых храмах епархии для незнающих русского языка бурят богослужений на местном языке на основе переводов Бобровникова, однако Святейший Синод указом от 30 апреля 1834 г. за № 3371 поручил отослать тексты назад для проверки перевода служебника лицом духовным. Проверка не была проведена, и богослужение на монгольском языке не было открыто.

23 апреля 1838 г. епископом Иркутским, Нерчинским и Якутским был назначен архиепископ Нил (Николай Федорович Исакович). Он

возглавлял Иркутскую епархию до конца 1853 г. В годы его правления переводческая деятельность в епархии особенно оживляется. Архиепископ, сознавая необходимость продолжения работы над переводами священных текстов, отмечал, что ранее сделанные переводы применялись духовенством ограниченно, не по прямому назначению, а только лишь в качестве учебников в школах. Преосвященный Нил решил подготовить переводы религиозной литературы для проведения богослужений в миссионерских церквях на бурятском языке и распространить их по бурятским ведомствам. К переводческой работе он привлек новокрещенного Николая Доржеева (бывшего ламу, родом из тункинских бурят), с помощью которого изучил бурятский язык и сумел перевести Литургию, Вечерню, Утреню, все Песнопения обихода (в 1852 г.), Часослов, Воскресную службу (в 1853 г.), а позднее – 145 Воскресных Евангелий, 97 Апостольских чтений, часть Псалтыри [Наумова 1996: 167]. Нил Исакович добился того, чтобы перевод богослужебных текстов на бурятский язык был разрешен к употреблению. 30 сентября 1852 г. Святейший Синод сделал особое предписание за № 10120, согласно которому были разрешены к церковному употреблению переведенные на «монголо-бурятский язык старанием Архиепископа Иркутского Литургия, Вечерня, Утреня и все песнопения нотного обихода» [Там же].

Необходимо упомянуть, что наряду с Иркутским отделением Библейского общества в это же время среди забайкальских бурят действовали представители Лондонского миссионерского общества, с которым Русское библейское общество начало сотрудничать с 1814 г. Английские миссионеры Эдвард Сталибрас, Роберт Юилль со своими семьями и Вильям Сван с 1818 г. по 1840 г. занимались миссионерской деятельностью среди селенгинских и хоринских бурят. Ими были переведены и изданы на бурятском и монгольском языках «Библия», «Книги Бытия» (1834), «Монгольский словарь» (1836), «Монгольская грамматика» (1836). В это же время переводческой деятельностью занимался священник и благочинный, преподаватель монголо-бурятского языка в Иркутской семинарии, составитель грамматик монголо-бурятского (1878 г.) и маньчжурского языков Александр Матвеевич Орлов. Он перевел с русского на монголо-бурятский «Краткий Катехизис», «Пасхальные службы» [Орлов…].

В 1830–40-х гг. выходит ряд работ Осипа Михайловича Ковалевского, известного профессора Казанского университета, среди кото-

рых необходимо отметить перевод «Истории Ветхого и Нового Завета» (1848 г.), пользовавшегося наибольшей популярностью в бурятских приходских школах и училищах [ГАРБ. Ф. 56. Оп. 1. Д. 17. Л. 13].

Немаловажную роль в издании и распространении переводческой религиозно-богослужебной литературы сыграли и церковные братства, такие как Казанское «Братство святого Гурия», образованное в 1867 г., имевшее своей целью «просвещение инородцев приволжских и сибирских путем издания религиозных книг в переводе на инородческие языки». С целью достижения большей эффективности в деятельности при нем в 1878 г. была организована комиссия переводчиков для издания и распространения богослужебных книг на языках народов Сибири. Председателем комиссии стал директор Казанской инородческой учительской семинарии Николай Иванович Ильминский – светский миссионерский деятель, членами комиссии были избраны профессора Казанской духовной академии Гордий Семенович Саблуков, Василий Васильевич Миротворцев [Азиатская Россия 1914: 217]. Переводческой комиссией при Казанском «Братстве Святого Гурия» были переведены и изданы на наречии северобайкальских бурят «Священная история Ветхого и Нового Завета» с приложением картин, «Житие святителя Николая. Епископа Мирликийского», «Каждодневные молитвы».

Значительный вклад в дело перевода и распространения христианской религиозной литературы внесли миссионеры-буряты, которые к концу XIX в. представляли около 30 % всех миссионерских кадров Иркутской и Забайкальской епархий. Ими было переведено на родной язык свыше сорока богословских и религиозно-нравственных сочинений [Михайлов 1994: 76]. Кроме вышеупомянутого Н. Доржеева и его переводов, сделанных совместно с архиепископом Нилом, около 10 сочинений были переведены Яковом Чистохиным, 6 произведений – Николаем и Яковом Болдоновыми [Там же: 77]. Переводами священной литературы занимались Андрей Солдатов, Василий Тарбаев, Алексей Норбоев и др. Кроме переводческих работ священники-буряты написали и издали десятки статей и заметок по истории, этнографии, религии и культуре бурят, ими написано множество отчетов и записок о миссионерской деятельности РПЦ в Забайкалье и Иркутской губернии.

Нами выявлены следующие переводческие работы, относящиеся к религиозно-богословской литературе: Чистохин Яков Афанасьевич

«Учение пред принятием святого крещения», «Учение о святой христианской вере, изложенное в беседах с бурятами», «Каждодневные молитвы», «Священная история Ветхого и Нового Завета», «Объяснения праздников святой церкви», «Священные Евангелия от Матфея», «Житие святителя Николая», «Житие святителя Иннокентия»; Болдонов Яков Афанасьевич «Символ веры», «Молитвы господни и заповеди Божии», «Божественная литургия», «Краткая священная история Ветхого Завета»; Болдонов Николай Семенович «О мироздании», «Краткий Катехизис», Доржеев (Доржиев) Николай Нилович (Иосифович) «Литургия», «Вечерня», «Утреня», «Песнопения обихода», «Часослов», «Воскресная служба», «Воскресные Евангелия», «Апостольские чтения», «Часть Псалтыри»; Солдатов Андрей «Великое славословие» и Тарбаев Василий «Молитва за царя».

Также известно, что протоиерей Иркутского кафедрального собора, бурят по происхождению [Жалсараев 2003: 140], отец Афанасий Виноградов, который являлся редактором «Иркутских епархиальных ведомостей», занимался переводами священных текстов на бурятский язык. К сожалению, пока не удалось выявить, какие конкретно сочинения были переведены им.

Особое место в переводческо-миссионерской деятельности РПЦ в Иркутской губернии и Забайкалье занимал Иркутский комитет Православного миссионерского общества, созданный в 1867 г., и образованная при нем в 1892 г. переводческая комиссия. За годы деятельности данного комитета переводческой комиссией были изданы на бурятском языке с миссионерскими целями различные сочинения, например:

1. Огласительное поучение готовящимся ко святому крещению язычникам (1896);
2. Чин божественной Литургии святого Иоанна Златоустаго (с переводом на наречие северо-байкальских бурят). В Примечании указано, что перевод приближен к тункинскому наречию для службы у тункинских бурят (1896);
3. Последование о исповедании и чин «Егда случится…» (с переводом на наречие северо-байкальских бурят) (1898);
4. Первоначальный учебник русского языка для бурят (1896, 1900, 1907 гг.);
5. Правдивое слово к бурятам (1901);
6. Святое Евангелие от Матфея (1909);
7. Святое Евангелие от Марка (1909);

8. Молитвы на славянском и бурятском языках для церковно-школьного употребления (с прибавлением Чудотворцу, прошений и молитвы о даровании победы, тропарей воскресных и тропарей двунадесятых праздников) (1916);

9. Святое Евангелие от Луки (1916);

10. Некоторые церковные песнопения (перевод Забайкальской духовной миссии) (место и год издания не указаны).

Заметим, что большинство переводов богослужебной литературы на бурятском языке было сделано на западно-бурятском диалекте. Миссионеры, действовавшие в Забайкалье среди восточных бурят, вынуждены были приспосабливать эти переводы к хоринскому диалекту, что привносило дополнительные трудности в передачу содержания религиозно-богословских произведений. Активную помощь забайкальским миссионерам-бурятам в их переводах оказывал иркутский священник Василий Флоренсов. Забайкальская миссия также привлекала к переводческой работе образованных крещеных бурят – Преловского, Аюшиева, Санжиева, людей ламского вероисповедания – доктора Ямпилова и Базарова [Отчет о состоянии Забайкальской духовной миссии… 1908: 104]. При этом миссия рекомендовала печатать переводы монгольским шрифтом, ссылаясь на уже имевшийся ранее опыт. В фонде редких книг НБ РБ сохранилось несколько экземпляров подобной литературы, изданной в Синодальной типографии и Типографии Императорской академии наук г. Санкт-Петербург во второй половине XIX в.

Основная переводческая православная литература на бурятском и монгольском языках в XIX – и начале XX вв. издавалась Синодом и Православными Миссионерскими обществами в Санкт-Петербурге (Синодальная типография, типография Императорской академии наук), Казани (типолитография Казанского университета, типография М. А. Гладышевой) и Иркутске (типолитография братьев Макушиных, типолитография П. И. Макушина и В. М. Посохина). Большинство переводов, изданных Иркутской переводческой комиссией при Иркутском комитете Православного миссионерского общества, были отпечатаны в Иркутске, в типолитографии братьев Макушиных. Для переводческой литературы использовался шрифт с буквами русского алфавита и кириллицы. Сами переводы были сделаны на западно-бурятском диалекте.

Необходимо подчеркнуть, что вся богослужебная литература, изданная в XIX – начале XX вв. на бурятском языке, представляет собой

переводы со старославянского языка. К некоторым русским буквам были даны надстрочные знаки для «выражения собственно бурятских звуков, которых нет в русском языке, каковы, например, *ө*, *ү*, *h*». На наш взгляд, переводы неуклюжи, громоздки, не очень точно передают содержание книг, некоторые словосочетания и предложения лишь приблизительны по смыслу. Основные догмы христианского учения сохраняются в неизменном виде и излагаются по установленной схеме. Приспособление православных постулатов к специфике бурятского общества происходит за счет акцентирования отдельных тем или, наоборот, стремления затушевать некоторые положения христианского учения.

Таким образом, выявленные нами и рассмотренные в данной статье переводы и издания богослужебных книг на бурятском языке в XIX – начале XX вв. показывают, что миссионеры достаточно широко использовали в своей практике переводную литературу для привлечения бурятского населения в «новую» веру, пытались с ее помощью популярно изложить суть христианского вероучения на их родном языке, внедрить религиозную православную идеологию, мораль и этику в сознание бурятского населения. Нельзя отрицать и просвещенческую роль подобной литературы, с помощью которой буряты знакомились с новыми для них фактами и новой информацией, расширяя свой кругозор и знания. Несмотря на несовершенство переводов, неуклюжесть и громоздкость фраз и предложений, некоторые неточности в передаче содержания и смысла текстов, переводные издания на бурятском языке православной богослужебной литературы представляют оригинальные и весьма ценные образцы письменности бурят, отражающие определенный период в их историческом развитии.

Источники и литература

Российский государственный исторический архив (РГИА): ф. 796, оп. 445, д. 397.

Государственный архив Республики Бурятия (ГАРБ): ф. 56, оп. 1, д. 17.

Отчет о состоянии Забайкальской духовной миссии за 1907 год. Чита, 1908. 126 с.

Азиатская Россия. Т. 1. Люди и порядки за Уралом. СПб., 1914. 578 с.

Бурятские летописи. Улан-Удэ, 1995.

Жалсараев А. Д. Из истории миссионерской деятельности (православные священнослужители-буряты) / Русская Православная Церковь в Сибири: ис-

тория и современность: материалы конф., посв. 350-летию основания с. Посольское и Посольскому Спасо-Преображенскому монастырю. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2003. С. 138–141.

Иннокентий // Православная энциклопедия [Электронный ресурс]. URL: https: //www.pravenc.ru/text/468739.html (дата обращения: 10.09.2025).

Орлов, Александр Матвеевич [Электронный ресурс] // ИРКИПЕДИЯRU. Энциклопедия и новости Приангарья. URL: http://irkipedia.ru/content/orlov_aleksandr_matveevich (дата обращения: 10.09.2025).

Михайлов Т. М. На поприще православного миссионерства, просвещения и науки // Национальная интеллигенция и духовенство: история и современность: тез. и материалы докл. республ. науч.-практ. конф. Улан-Удэ, 1994. С. 75–79.

Наумова О. Е. Иркутская епархия. XVll – первая половина XIX вв. Иркутск: Изд-во Иркут. гос. техн. ун-та, 1996. 205 с.

Орлов, Александр Матвеевич [Электронный ресурс] // ИРКИПЕДИЯRU. Энциклопедия и новости Приангарья. URL: http://irkipedia.ru/content/orlov_aleksandr_matveevich (дата обращения: 10.09.2025).

Прокопьев К. П. Переводы христианских книг на инородческие языки в первой половине XIX века. Казань: Типо-лит. имп. ун-та, 1904. 40 с.

Х. Ж. Гармаева
Улан-Удэ, Россия

«ЗАМЕЧАТЕЛЬНОЕ ПЕНИЕ КУКУШКИ ИЛИ ЦАРИЦЫ ВЕСНЫ» КАК ПАМЯТНИК ПИСЬМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ БУРЯТ

В статье рассматривается малоизвестное религиозно-этическое сочинение «Замечательное пение кукушки или царицы весны», написанное в смешанном прозопоэтическом стиле, автором которого является выдающийся бурятский ученый, буддийский деятель, литератор и просветитель Р. Номтоев (1821–1907). В исследовании был использован ксилограф, хранящийся в собрании монгольского фонда Центра восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения и буддологии СО РАН (МШ-1306). Сочинение Р. Номтоева было издано в конце XIX – нач. XX вв. ксилографическим способом в Ацагатском дацане на старописьменном монгольском языке. Литератор Р. Номтоев в доступной форме представляет основополагающие буддийские этические нормы поведения людей в бурятском обществе. Сочинение «Замечательное пение кукушки или царицы весны» свидетельствует о высоком уровне письменной культуры дореволюционных бурят, которое по праву является неотъемлемой

частью истории и культуры не только бурятского народа, но и всех монголоязычных народов.

Ключевые слова: ксилограф, Р. Номтоев, Ацагатский дацан, буддизм, буряты, этика.

Kh. Zh. Garmaeva
Ulan-Ude, Russian Federation

"THE WONDERFUL SINGING OF THE CUCKOO OR THE QUEEN OF SPRING" AS A MONUMENT OF THE WRITTEN CULTURE OF THE BURYATS

The paper examines a little-known religious and ethical work "The Wonderful Singing of the Cuckoo or the Queen of Spring", written in a mixed prosopoetic style. Its author is an outstanding Buryat scientist, Buddhist figure, writer and educator R. Nomtoev (1821–1907). The study used a xylograph kept in the collection of the Mongolian fund of the Center for Oriental Manuscripts and Xylographs of the Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (МШ-1306). R. Nomtoev's work was published in the late 19th – early 20th centuries in xylographic prints in the Atsagatsky datsan in the old-written Mongolian language. The writer R. Nomtoev presents in an accessible form the fundamental Buddhist ethical norms of human behavior in Buryat society. "The Wonderful Singing of the Cuckoo or the Queen of Spring" testifies to the high level of written culture of the pre-revolutionary Buryats, which is rightfully an integral part of the history and culture of not only the Buryat people, but also of all Mongolian-speaking peoples.

Keywords: xylograph, R. Nomtoev, Atsagatsky datsan, Buddhism, Buryat people, ethics.

В настоящее время в условиях возрождения национальной культуры народов, в том числе бурят, возрос живой интерес к историческому прошлому своего народа, духовным и материальным ценностям, письменному наследию. К плеяде ярких представителей бурятского буддийского духовенства (XIX – нач. XX вв.) относится Ринчен Номтоев (1821–1907), знаток и комментатор буддийской литературы, филолог, лексикограф, литератор, переводчик, просветитель и книгоиздатель. Биография и творческое наследие выдающегося ученого Ринчена Номтоева известны достаточно хорошо. Он родился в 1821 г. в местности Эрхирик Хоринского ведомства (ныне с. Эрхирик Заигра-

евского района Республики Бурятия). Умер он в преклонном возрасте, 86 лет, прожив плодотворную, богатую событиями и фактами жизнь.

Письменное наследие Ринчена Номтоева многогранно. Это прежде всего фундаментальные лексикографические труды (тибетско-монгольский и русско-монгольский словари), филологические работы (сочинения по грамматике старописьменного монгольского языка, переводы и комментарии произведений средневековой религиозно-дидактической литературы Тибета и Монголии), авторские сочинения. Пребывая в должности настоятеля (ширетуя) Цолгинского дацана (1857–1864), Р. Номтоев составил учебное пособие под названием «Самоучитель или русская азбука» с переводом на монгольский язык, которое было издано в г. Казань тиражом 400 экземпляров.

Бурятским литератором Ринченом Номтоевым было написано на старописьменном монгольском языке религиозно-этическое сочинение, которое является малоизвестным в настоящее время, кроме узкого круга специалистов, занимающихся исследованием средневековой монгольской литературы. Произведение было издано ксилографическим способом в книгопечатне (тиб. *dpar khang*) Ацагатского дацана предположительно в конце XIX – нач. XX вв. Согласно титульному листу ксилографа сочинение озаглавлено следующими четырьмя названиями: Kögsin ǰalaγu qoyar-un kelelčegsen domuγ; Kögsin ečege eke-yin ači-yi sanaγulqu-yin üges; Küseǰü degedü nom-dur duradqaqu silüg; Köküge buyu qabur-un qatun-u sonin daγulal (Сказание о беседе старца и юноши; Слова о напоминании благодарного воздаяния старым родителям; Стихотворение о стремлении к Высокому Учению; Занимательное пение кукушки или царицы весны).

В коллекции монгольского фонда Центра восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН хранятся два идентичных экземпляра ксилографов этого сочинения (МШ-1306 и КМ-598). Объем сочинения – 35 (г) листов ксилографа среднего формата (35×9 см, 27×6,5 см). Бумага русская. Содержит 23-24 строки на каждом листе. На пагинации ксилографа указано ключевое слово, написанное на тибетском языке, – *rga* ‘постаревший, старость’. В тексте иногда встречаются межстрочные тибетские глоссы, уточняющие перевод монгольского слова или передачу иноязычных собственных имен монгольскими буквами. В колофоне сообщается один из санскритских псевдонимов Р. Номтоева *bhu su ku ba Ratna*, что в переводе означает ‘Радна, размышляющий о трех’, т.е. о сне, еде и естественной нужде.

Литератор Р. Номтоев, в совершенстве владевший несколькими восточными языками, приводил в колофонах своих сочинений множество псевдонимов на санскрите, тибетском, монгольском и маньчжурском языках. По традиции центральноазиатской книжной культуры тибетцев и монголов, образованные буддийские монахи того времени, подписывали свои произведения разными эпитетами уничижительного характера, чтобы усмирить гордыню, свое эго и низвести свое превосходство над другими людьми. Важно подчеркнуть, что Р. Номтоевым впервые было применено в бурятской литературе понятие термина псевдоним, которое он переводил как *бусу нэрэ* ‘другое или иное имя’ [Дугар-Нимаев 1985: 79].

Необходимо отметить, что в результате скрупулезной работы по выявлению и расшифровке разнообразных псевдонимов Р. Номтоева, известным литературоведом Ц.-А. Дугар-Нимаевым, были выявлены 23 псевдонима и подписей литератора Р. Номтоева. Они содержатся в колофонах его авторских сочинений, комментариях и переводах, которые были напечатаны в типографиях Ацагатского, Цолгинского и Цугольского дацанов, кроме того, в подписях разного рода документов, переведенных и составленных самим Р. Номтоевым.

В монгольских списках (тиб. *dkar chag*) ксилографических изданий Ацагатского дацана и упоминаниях исследователей об этом сочинении приводятся лишь два названия, из приведенных выше четырех оглавлений сочинения. Так, в списках (гарчаках) монгольских ксилографических изданий Ацагатского дацана содержится только первое название этого сочинения: Kögsin ǰalaγu qoyar-un kelelčegsen domuγ (Сказание о беседе старца и юноши) [Гармаева 2000: 82]. Аналогичное название «Kögsin ǰalaγu qoyar-un kelelčegsen domuγ» находится в списке, называемом «Монгольские рукописи и ксилографы, поступившие в Азиатский музей Российской Академии Наук от профессора А. Д. Руднева», который был издан Б. Я. Владимирцовым в 1918 г. [Владимирцов 1918: 1557]. В связи с этим можно отметить, что в отличие от Цугольского, Агинского и Анинского дацанов, в Ацагатском дацане не были изданы монгольские каталоги книг ксилографическим способом (тиб. *dkar chag*).

Данный неисследованный письменный памятник Р. Номтоева впервые был введен в научный оборот в 1997 г. монгольским ученым Д. Цэрэнсодномом [Цэрэнсодном 1997: 157–160]. Он назвал его «Хаврын хатны сонин дуулал» ‘Занимательное пение царицы весны’, как и

сам автор, который привел аналогичное название в колофоне своего сочинения. Такое поэтическое название сочинения указывает на то, что автор хорошо был знаком с литературой Индии, Тибета и Монголии, в которой кукушку часто сравнивали с царицей птиц. Например, Д. Н. Музраева отмечает, что по свидетельству известного тибетолога Б. И. Кузнецова, образ кукушки – священной птицы – пришел в буддизм из учения бон, ранних буддийских сочинений, где он представлен как интеллект, знание [2016: 89–90].

Не приходится сомневаться в том, что ученый Ринчен Номтоев не мог не знать о таких произведениях, как «Повесть о Лунной кукушке», написанной в 1735 г. тибетским автором, одним из известных тибетских воплощений лам линий преемственности Дагпу Дагпу-Лобсан Данби-Чжалцаном (1714–1762), которая была переведена на монгольский язык известным литератором Дай гуши Агвандампилом (1700–1780), о музыкальной пьесе «Житие Лунной кукушки», созданного монгольским поэтом, религиозным деятелем Дулдуйтын Равжаа (1803-1856) в 1851 г., «Комментарии к «Букету белых лотосов» Акья Ёндзин Гави-Лодоя[1], известного в переводе ламы Цугольского дацана Г.-Ж. Дылгырова (1816–1872) и его переводе фрагмента из этой повести в виде молитвы «Köke qoγulai-tu saran kökegen-ü ǰalbaril ǰobalang-un qarangqui-yi arilγaγči kemegdekü orusibai» ‘Молитва Лунной кукушки с голубой шеей, устраняющая тьму страданий’. В этих сочинениях изложены основные положения буддизма в сжатой популярной форме, а образ кукушки, используемый в них как мифологический и поэтичный персонаж, очевидно, побудил Р. Номтоева так назвать свое произведение.

Сочинение Р. Номтоева «Замечательное пение кукушки или царицы весны» представляет собой поучения религиозно-этического характера, которое написано в смешанном прозопоэтическом стиле. Согласно буддийской традиции автор свое произведение начинает с об-

[1] Янгчен Гавэй Лодой (1740–1827), наиболее известен под сокращенным именем Янгчен Гало. Он был выдающимся тибетским пандитом XVIII столетия, которого также звали Акья Ёндзин. Сведений о его биографии почти не сохранилось. Он был приверженцем традиции гелуг тибетского буддизма, основанной Чже Цонкапой. Во всех своих работах он опирался на выдающиеся труды Чже Цонкапы и его учеников. В 1971 г. впервые в формате книги двухтомное «Собрание сочинений Янгчена Гало» было опубликовано монгольским монахом Гуру Дэвом в Нью-Дели.

ращения к Будде Шакьямуни с призывом одарить живых существ своей безмерной милостью, и завершает его посвящением заслуги таким образом:

«Итак, на примере старца и юноши,
их беседы между собой, подобным как я, отступившим от Учения,
Напоминаю обратиться к самому лучшему добродетельному Учению.
Ввиду этого, если и накопилась [у меня] кое-какая заслуга,
Преклоняясь перед ней, посвящаю конечной цели освобождения
Матерей живых существ из океана бренного мира,
порождающего печаль из-за страдания старостью» [ЦВРК ИМБТ СО РАН. Монгольский фонд. Ксилограф МШ-1306. Л. 34 (v)].

Произведение Р. Номтоева включает в себя диалог двух людей, относящихся к разным поколениям – умудренного жизненным опытом, убеленного сединами немощного старика и уверенного в себе, самонадеянного, дерзкого юноши, похваляющегося своей удалой молодостью. Автор искусно вкладывает в уста старика такие ключевые буддийские наставления о непреложном законе взаимозависимости и шуньяте (пустотность), на которых основываются основные концепты и понятия по буддизму. Ученый обстоятельно описывает человеческие пороки такого рода, как гордыня и гнев, приводя примеры из буддийских трактатов известных индийских мыслителей и тибетских ученых лам. Например, он приводит цитату о проявлении гнева и терпения из крупнейшего произведения буддизма Махаяны «Бодхичарья-аватара» индийского мыслителя и поэта Шантидевы (VIII в.):

«Согласно «Чарья-аватаре» даяние, приобретенное
человеком в течение тысячи кальп,
и почитание Благополучно Ушедшего[1] и других,
даже любые [его] благодеяния,
одной только [вспышкой] гнева уничтожается.
Нет подобного греха, равного гневу.
Нет стойкости духа подобно терпению.
Поэтому стремясь к терпению,
Следует многообразными методами вести практику.
Таков корень Учения» [Шантидева 2000: 75].

[1] Эпитет Будды (санскр. *Сугата*, тиб. *bde shegs pa*, монг. *Сайбар Одогсан*).

Далее, в произведении Р. Номтоева мы находим следующие строфы из «Гирлянда джатак» («Джатакамала) древнеиндийского поэта Арья Шуры (ок. IV в. н.э.) о пагубном воздействии гнева:

«Даже с самого рождения, если лик [человека]
становится неприглядным из-за пламени гнева,
Хотя он и будет себя украшать прекрасными
украшениями, не будет выглядеть красивым.
Хотя и будет возлежать на хорошем ложе,
по причине страдания, вызванного гневом,
[он] будет испытывать неудобства, тревоги» [Арья Шура 1962: 184–191].

Напоминание о необходимости проявления заботы, терпения и уважительного отношения к своим престарелым родителям, а также старшим по возрасту и имеющим высокое иерархическое положение людям, занимает одно из центральных мест в его произведении. Обстоятельно описанные им страдания людей в старости усыпаны меткими метафорами, образными сравнениями и эпитетами, что подтверждает высокое мастерство писателя. К примеру, Р. Номтоев обращается к беззаботному юноше с такой речью:

«Эй, юноша, праздный с самых юных лет,
я тебе коротко расскажу о страданиях от старости.
Ревностной душой внимательно выслушай.
Особенно поразмышляй над смыслом [моих] слов.
Мои волосы побелели подобно [белой] раковине
не потому, что [я] отбелил их, тщетно смывая [с них] грязь.
Иней, выпущенный от пара дыхания Владыки смерти[1],
повсюду образовал на голове слой [седины].
Извилистые морщинки на моем челе
[это] не складки упитанного младенца.
Возможно, что это Владыка смерти Эрлик
отметил число прожитых лет на моем лбу.
Часто моргаю глазами, когда я смотрю
не потому, что попала в глаза
крошечная пылинка или дым.

[1] Владыка смерти (тиб. *gshin rje*, санкр. *Ямараджа*, монг. *Эрлиг Номун-хан*). В индуизме и буддизме имя бога смерти, владыка многочисленных адов. Божество, определяющее судьбу усопших, обитает в нижнем ярусе мира.

Мои глаза ослабли, вижу неясно,

и [я] попал в крайне стесненное положение … [ЦВРК ИМБТ СО РАН. Монгольский фонд. Ксилограф МIII-1306. Л. 3 (v)]

Когда я иду сгорбившись,

И смотрю пристально на дорогу,

не потому что я ищу выпавшую

китайскую иглу на своем пути.

А всего лишь причина в том, что

Я бесповоротно утратил ценность молодости

И прошлые воспоминания [Там же. Л. 5 (v)].

При интерпретации учения о пустотности Р. Номтоев часто ссылается на постулаты буддийского учения, изложенные в знаменитых индийских трактатах, в первую очередь, выдающегося индийского мыслителя, основателя буддийской школы мадхьямака, поэта Нагарджуны (II – начало III вв.). В частности, здесь можно перечислить следующие трактаты Нагарджуны, привлеченные литератором в его произведении, переведенных с санскрита на тибетский язык такие, как «Ратна-авали» (тиб. *rin chen phreng ba*) ‘Драгоценные строфы’[1], «Виграха-вьявартани» (тиб. *rtzog pa zlog pa* ‘Рассмотрение разногласий’), «Шуньята-саптати» (тиб. *stong nyid bdun cu pa* ‘Семьдесят строф о пустотности’), текст «Сухрил-легха» (тиб. *bshes pa'i spring yig* ‘Письмо другу’[2]) и др. Кроме того, Р. Номтоев привлекает в своей работе труды прочих авторитетных индийских мыслителей-философов, а также сочинения известных тибетских и монгольских буддийских ученых-монахов для обоснования того или иного положения. Он неоднократно цитирует отрывки из трактатов великих индийских мыслителей, среди которых «Гирлянда джатак» («Джатакамала») поэта

[1] В монголоведении тибетское сочинение «rin chen phreng ba» традиционно переводится как «Эрдэнийн Эрихэ» («Драгоценные четки»). Р. Номтоев привел аналогичное название при цитировании им отрывка из этого произведения.

[2] В двух тибетско-монгольских словарях, составленных Д. Бурнэ и Д. Энхтөрөм тибетское слово «bshes» переведено как «родственник, или люди, состоящие в родственных отношениях» // Д. Бүрнээ, Д. Энхтөр. Bod hor gyi brda yig. Төвд монгол толь. Улаанбаатар, 2001. С. 491; Д. Бүрнээ, Д. Энхтөр. Bod hor mngon brjod kyi brda yig. Төвд монгол илт өгүүлэх нэрийн толь. Улаанбаатар. 2003. С. 332. Р. Номтоев в своем произведении этому тибетскому слову дал аналогичный перевод ‘родственник’ (монг. *садан*).

Арья-Шуры (около IV в. н.э.), «Абхидхарма-коша» автора Васубандху (IV в. н.э.), «Бодхичарья-аватара» Шантидевы (VII–VIII вв.), «Чинтамани-ийн эрихэ» ‘Чётки чинтамани’ бенгальского мыслителя Атиши (982–1054)[1]. Также писатель обращается к знаменитому произведению «Лам-рим чен-мо», основоположника наиболее влиятельной из школ тибетского буддизма гелуг Чже Цонкапы (1357–1419).

Заслуживает особого внимания то, что Р. Номтоев привлекает в своей работе несколько монгольских сочинений, которые ранее были переведены с тибетского языка. Автор в своем произведении обращается к сочинению «Ečege eke-yin ači qariγulqu yosun orusiba» («Этика воздаяния отцу и матери за [их] благодеяние») тибетского автора Гунтан Данби Донме (Гунтан Ринпоче) (1762–1823), 21-го настоятеля монастыря Лавран в Тибете. Оно было издано литографическим способом на старописьменном монгольском языке в Ацагатском дацане. Колофон содержит сообщение, что сочинение с тибетского языка на монгольский переведено гелонгом по имени Чойджин (тиб. *dge long chos 'dzin*) с целью обучения детей младшего возраста монгольской грамоте. Стоит также отметить, что Р. Номтоев цитирует отрывки из монгольского сочинения «Ečege eke-yin sudur orusiba» ‘Сутра об отце и матери’. Ксилографическое издание «Сутра об отце и матери» было напечатано в типографии Агинского дацана по инициативе седьмого настоятеля Агинского дацана) Лобсан-Доржи Данжинова (в миру Жигмед-Доржи) – наставника-йонзина бурят-монгольского хубилгана Ганжарва-гэгэна (Сумаева) (1826–1901). В сочинении отсутствует информация об авторе, переводчике и дате издания ксилографа.

Р. Номтоев также включил в текст отрывки из стихотворения, называемого «Abuqu gegekü-yin dörben mör-tü silüg» ‘Четверостишие о [двух законах] – принятии и отвержении’ четвертого Чжанчжа хутухты Еше-Данби Чжалцана Балсанпо (1787–1846), в котором он оплакивал кончину своей матери. По утверждению литературоведа Д. Цэрэнсоднома, автором был использован в его сочинении также сюжет из назидательного стихотворения вышеупомянутого тибетского автора Гунтан Гончиг Данби-Донме «Хал амссан өвгөний яриа сэтгэл уйсах улаан хөтөлбөр» ‘Рассказ старика, испытавшего тяготы, [назы-

[1] Атиша Дипанкара Шриджняна (тиб. *jo bo rje*) (982–1054). С именем Атиши связано возрождение буддизма в Тибете. Атиша умер в 1054 г., проведя в Тибете 30 лет.

ваемый] Красное руководство, [рождающее] в душе грустные мысли' [Цэрэнсодном 1997: 160].

И, в конце повествования, автор вводит в текст обращение раскаявшегося юноши к своему учителю, который получил от него много назидательных учений:

«Свои пороки, приняв за изъяны, [он] так сказал.

– Глубоко добродетельный, о, мой старый учитель!

[Я] был неспокоен, преисполненный безумным счастьем,

не задумываясь ни о какой благопристойности.

Нужно, чтобы Вы меня простили за то,

что я по заблуждению возгордился.

– Если на самом деле обстоятельно подумать над тем,

что вы говорили,

Некоторые ничтожные на своих благодетельных родителей

не то, что не обращают внимания, но и не отвечают на [их] слова…

Если одряхлевшие старики окажутся выжившими из ума, буду их почитать.

Собственные родные отец и мать, если даже постоянно будут бить [меня],

[я] буду думать, что [это] благословение.

– Когда [родители] своим языком всегда с укором порицают,

пусть будет раскатом грома над моей головой

за [мои] плохие своенравные помыслы…

– Когда бедные родители меня шлепали ладонью,

[это] было сродни тому, как стегают

плеткой непокорного коня.

Когда [они] ругали и порицали [меня]

[это] было Учением о пустоте.

Жаль, что только сейчас об этом я узнал» [ЦВРК ИМБТ СО РАН. Монгольский фонд. Ксилограф MIII-1306. Л. 26 (r), 26 (v), 27 (r)].

В средневековой центральноазиатской книжной традиции среди буддийских монахов практиковалась авторская компиляция авторитетных трудов ранее известных индийских, тибетских и прочих авторов. В понятии «компиляция» в средневековье, в отличие от современного, не было негативного оттенка, напротив, компиляция считалась вполне приемлемой нормой, говорящей о том, что автор образован, начитан и владеет обширными познаниями трудов своих предшественников. Будучи высокообразованным буддийским ученым, Р. Номтоев пересмотрел их труды и преподнес в той доступной фор-

ме, в которой его сочинение хорошо воспринималось бы широкой аудиторией читателей. Автор в произведении «Занимательное пение кукушки или царицы весны» объясняет в убедительной и популярной форме нравственные принципы буддизма, в которых заложены морально-этические нормы человека своего времени, и призывает не забывать многовековые традиции и обычаи своего народа, его устои и моральные принципы.

В заключение необходимо отметить, что труд Р. Номтоева показывает высокий уровень письменной культуры у бурят на рубеже XIX – нач. XX вв., так как основным критерием цивилизованности народа является наличие у него письменности и письменных памятников.

Источники и литература

ЦВРК ИМБТ СО РАН: монгольский фонд. Kögsin jalaγu qoyar-un kelelčegsen domuγ; Kögsin ečege eke-yin ači-yi sanaγulqu-yin üges; Küsejü degedü nom-dur duradqaqu silüg; Köküge buyu qabur-un qatun-u sonin daγulal (Сказание о беседе старца и юноши; Слова о напоминании благодарного воздаяния старым родителям; Стихотворение о стремлении к Высокому Учению; Занимательное пение кукушки или царицы весны). Ксилограф МШ-1306. Издание Ацагатского дацана. 35 (r) л.

Арья Шура. Гирлянда джатак, или сказания о подвигах бодхисаттвы. М., 1962. С. 184–191.

Владимирцов Б. Я. Монгольские рукописи и ксилографы, поступившие в Азиатский Музей Российской Академии Наук от профессора А. Д. Руднева // Известия Российской Академии Наук. Петербург, 1918.

Гармаева Х. Ж. О некоторых монгольских печатных изданиях Ацагатского дацана из монгольского фонда Отдела памятников письменности Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН // Взаимоотношения народов России, Сибири и Дальнего Востока: История и современность. Национальное, социальное и экономическое развитие Байкальской Азии. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2000. С. 79–86.

Дугар-Нимаев Ц.-А. Н. Центрально-азиатский элемент в авторских подписях Р. Номтоева // Буддизм и литературно-художественное творчество народов Центральной Азии. Новосибирск, 1985. С. 79–81.

Музраева Д. Н. Кукушка как персонаж сказочного фольклора народов Центральной Азии: проблема взаимосвязи фольклорных жанров и литературных текстов // Новые исследования Тувы. 2014. № 2. С. 89–90.

Цэрэнсодном Д. Монголын бурханы шашны уран зохиол. Тэргүүн дэвтэр. Шинжлэх Ухааны Академийн Хэл зохиолын хүрээлэн. Улаанбаатар, 1997. Х. 157–160.

Шантидева. Путь Бодхисаттвы (Бодхичарья-аватара) / пер. Ю. Жиронкиной. СПб.: Уддияна, 2000. 232 с.

Ж. Ш. Санжанов
Академия бурятоведения
Улан-Батор, Монголия
elo81@mail.ru

ЗНАЧЕНИЯ СЛОВ *УЛАС*, *ЗАСАГ*, *ТҮРЭ* В БУРЯТСКОМ ЯЗЫКЕ НА МАТЕРИАЛЕ ГАЗЕТЫ «БУРЯАД-МОНГОЛОЙ ҮНЭН»

В статье рассматриваются значения слов *улас, засаг, түрэ* в бурятском языке на материале газеты *Buriyad-Mongγol-un Ünen* «Буряад-Монголой Үнэн» ‘Бурят-Монгольская правда’, издававшаяся на монгольской письменности. В номерах газеты представлены общественно-политические термины и понятия с данными словами, которые с отменой монгольской письменности перестали употребляться в бурятском языке или были заменены на советизмы и интернациолизмы. С 1990-х гг. предпринимались попытки перевода и унификации современной общественно-политической лексики, но безуспешно. Данная проблема была решена утверждением справочника общественно-политических терминов, утвержденных Министерством образования и науки Республики Бурятии в 2016 и 2022 гг. В этом справочнике часто употребляются слова *улас, засаг, түрэ* в том или ином значении. На наш взгляд, эти значения требуют уточнений. В связи с этим актуально еще раз рассмотреть значения этих слов и их употребление на материале газеты *Buriyad-Mongγol-un Ünen* «Буряад-Монголой Үнэн» на монгольской письменности.

Ключевые слова: монгольская письменность, газета *Buriyad-Mongγol-un Ünen* «Буряад- Монголой Үнэн», общественно-политическая лексика, бурятский язык.

J. Sh. Sanjanov
Academy of Buriad Studies
Ulaanbaatar, Mongolia

The paper examines the meanings of the words *ulas*, *zasag*, and *ture* in the Buryat language based on material from the newspaper Buriyad-Mongγol-un Ünen “Buryad-Mongolian Truth”. The newspaper covers a wide range of socio-political discourse, including socio-political terms and concepts that, with the abolition of the Mongolian script, fell out of use in the Buryat language or were replaced by sovietisms and international words. Since the 1990s, attempts have been made to translate and unify socio-political vocabulary, but this has led to disputes that have not resulted in a clear consensus. This problem was solved by the approval of a reference book of socio-political terms by the Min-

istry of Education and Science of the Republic of Buryatia in 2016 and 2022. This reference book often uses the words *ulas*, *jasag*, and *törü*, in one meaning or another. In our opinion, these meanings require clarification. In this regard, it is relevant to reconsider the meanings of these words based on the material of the newspaper Buriyad-Mongγol-un Ünen "Buryad-Mongol Үнэн" in Mongolian script.

Keywords: Mongolian script, Buriyad-Mongγol-un Ünen newspaper, sociopolitical vocabulary, Buryat language.

В статье рассматриваются значения слов *улас, засаг, түрэ* в бурятском языке на материале газеты *Buriyad-Mongγol-un Ünen* «Буряад-Монголой Үнэн» 'Бурят-Монгольская правда'. Данная газета являлась главным партийным и республиканским изданием, которое печаталось на монгольской письменности в 1923–1937 гг. Несмотря на формальный переход на латиницу с 1931 г., газета продолжала издаваться на монгольской письменности вплоть до 1937 г., поскольку в то время большинство бурят преимущественно владело монгольской письменностью, нежели латиницей. Это подтверждается тем интересным фактом, что в 1937 г. в ходе компании по отмене монгольской письменности доклад И. Сталина «*S. S. R. Qolbuγan-u qonstituča-yin proeγta tuqai iletgel. Soveyid sočilis respublike-nud-un qolbuγan-u qonstituča (öndüsün qauli)»* 'О проекте Конституции Союза ССР. Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических республик' [Stalin 1937] перевели и опубликовали для бурятского населения не только на латинице, но и на монгольской письменности.

В номерах газеты *Buriyad-Mongγol-un Ünen* «Буряад-Монголой Үнэн» представлен широкий спектр общественно-политического дискурса, в том числе общественно-политических терминов и понятий, которые с отменой монгольской письменности перестали употребляться в бурятском языке или были заменены на советизмы и интернациолизмы. С 1990-х гг. советизмы и интернационализмы стали историзмами, и на смену им пришли новые общественно-политические понятия и государственные институты власти, которые необходимо было правильно и точно перевести и унифицировать в бурятском языке.

Попытки перевода современной общественно-политической лексики и ее употребление предпринимались редакцией газеты «Буряад Үнэн», но по этому поводу на страницах самой газеты возникали споры, которые не приводили к определенному консенсусу. Следует от-

метить, что газета «Буряад Үнэн» появилась в результате переименования газеты *Buriyad-Mongγol-un Ünen* «Буряад-Монголой Үнэн», в связи с изменением названия республики Бурят-Монгольской АССР на Бурятскую АССР в 1958 г.

На наш взгляд, проблема перевода современной общественно-политической лексики и ее употребление было обусловлено отсутствием достаточного обоснования самого перевода, а также отсутствием нормативно-правового документа. Автором была исследована общественно-политическая лексика *Buriyad-Mongγol-un Ünen* «Буряад-Монголой Үнэн» на монгольской письменности, которая нашла описана в статьях [Санжанов 2013а: 6–10; 2013б: 246–250] и диссертационной работе [Он же 2019]. Данная лексика послужила обоснованием для перевода современной общественно-политических терминов и нашла свое отражение в нормативно-правовых документах, а именно в справочниках Министерства образования и науки Республики Бурятии, утвержденных в 2016 и 2022 гг. [Справочник… 2016; 2022].

В этих справочниках были утверждены общественно-политические термины, в которых часто употребляются слова *улас, засаг, түрэ* в том или ином значении. На наш взгляд, эти значения требуют уточнений. В связи с этим актуально еще раз рассмотреть значения этих слов на материале газеты *Buriyad-Mongγol-un Ünen* «Буряад-Монголой Үнэн» на монгольской письменности.

В газете слово п.-монг. *ulas*, х.-монг. *улс*, бур. *улас* употребляется в значении ‘суверенная страна’ как национально-территориальное образование государства. Данное слово часто употребляется в названии страны, т. е. в словосочетании, обозначающем название независимой суверенной страны или национально-территориального образования, имеющего свою государственность, например: *Orus ulas* – х.-монг. *Орос улс,* бур. *Орос улас* ‘Россия’; *Dumdatu ulas* – х.-монг. *Дундад улс,* бур. *Дундада улас* ‘Китай’; *Buriyad mongγol ulas* – х.-монг. *Буриад-Монгол улс,* бур. *Буряад-Монгол улас* ‘Бурят-Монголия’.

Кроме этого, данное слово употребляется для определении стран, например: *körünggetü ulas* х.-монг. *хөрөнгөт улс,* бур. *хүрэнгэтэ улас* ‘капиталистическая страна’, *γadaγadu ulas,* х.-монг. *гадаад улс,* бур. *гадаада улас* ‘иностранная страна’; *tusaγar ulas,* х.-монг. *тусгаар улс,* бур. *тусгаар улас* ‘суверенная страна’. Данное слово также входит в состав словосочетаний, которые можно отнести к политическим терминам и понятиям, например: п-монг. *qolbuγatu ulas*, х-монг. *холбоот*

улс, бур. *холбоото улас* ‘федеративное страна, федерация’; *bügedü nayiramdaqu ulas,* х.-монг. *бүгд найрамдах улс,* бур. *бүгэдэ найрамдаха улас* ‘республика’. Несмотря на вышеуказанные значения первоначально данное слово имело другое значение в средневековых источниках на монгольской письменности.

В «Сокровенном сказании монголов» слово п.-монг. *ulas*, х.-монг. *улс*, бур. *улас* часто употребляется со значением ‘люди’, ‘народ’ [Мөнхсайхан 2023: 16]. Но со временем в значение ‘народ’ приобрело значение ‘страна’, в которой проживает этот народ, например: *mongγol ulas* можно перевести как ‘монгольский народ, монголы’ и как страна ‘Монголия’.

При этом в бурятских диалектах до сих пор сохранилось первоначальное значение ‘люди, народ’ в виде *улад*, *уладууд* или *улас*. Следует отметить, что данное слово использовалась бурятами на письме через букву *с*: *улас*, но после отмены монгольской письменности слово *улас* стало редко использоваться, исключение составляло употребление в сложном слове *уласхоорондын* ‘международный’ [Черемисов 1973: 468].

Таким образом, буряты до отмены монгольской письменности разделяли понятие *улас ‘*страна’ и *улад* ‘народ’. С 2016 г. данное слово стало официально использоваться в значении ‘республика’, например: *Буряад улас* ‘Республика Бурятия’ [Справочник… 2016].

В газете слово п.-монг. *törü*, х.-монг. *төр*, бур. *түрэ* ‘государство’: употребляется в значении ‘государство’ как институт власти. Но первоначально данное слово употреблялось в ранних источниках на монгольской письменности в значениях ‘правило’, ‘порядок’, этика’, т.е. то, что нужно соблюдать. На первый взгляд, не совсем понятно, каким образом первоначальное значение данного слова приобрело значение ‘государство’. По мнению, монгольского исследователя С. Мөнхсайхан в «Сокровенном сказании монголов» в слово п.-монг. *törü* ‘правило, порядок, этика’ со временем стали вкладывать значение ‘организация управления народом согласно установленным правилам и этическим нормам’ [2023: 12–13].

Выскажем еще одно предположение, которое подтверждает мнение С. Мөнхсайхан и связано еще с одним значением, распространенное в бурятских диалектах. В некоторых бурятских диалектах слово *түрэ* имеет значение ‘свадьба’, которая проводится со стороны жениха. Значение ‘свадьба’ закрепилось в лексике бурят в результате

сужения семантики первоначального значения ‘правило, порядок, этика’, поскольку ‘свадьба’ является в определенной мере этическим правилом или порядком, который нужно соблюсти. Соответственно, ханы, проводя свадебную церемонию для наследника, соблюдали определенное этическое правило, выполнение которого предполагало появление будущих преемников в следующем поколениях и передачи им власти, которая превращается в институт власти – государство. Таким образом, значение слова п.-монг. *törü* ‘правило, порядок, этика’ превращается в понятие ‘государство’ как институт власти.

В газете слова *улас* ‘страна’ и *түрэ* ‘государство’ часто употребляются в виде парного слова, образуя новое понятие п.-монг. *ulas törü*, х.-монг. *улс төр*, бур. *улас түрэ* ‘политика’ как сфера общественной жизни. Данное парное слово употребляется в словосочетаниях с атрибутивным значением п.-монг. *ulas törü-yin*, х.-монг. *улс төрийн*, бур. *улас түрын* ‘политический’, например: п.-монг. *ulas törü-yin asaγudal*, х.-монг. *улс төрийн асуудал*, бур. *улас түрын асуудал* ‘политическая проблема’; п.-монг. *ulas törü-yin nam*, х.-монг. *улс төрийн нам*, бур. *улас түрын нам* ‘политическая партия’.

В газете также встречается слово п.-мо *bodulγ-a*, х.-монг. *бодлого*, бур. *бодолго* ‘политика’ с более узким значением ‘политический курс’ отдельных субъектов власти: государства, органов власти и партий, например: п.-монг. *nam-un bodulγ-a*, х.-монг. *намын бодлого*, бур. *намай бодолго* ‘политика партии’, п.-монг. *törü-yin bodulγ-a*, х.-монг. *төрийн бодлого*, бур. *түрын бодолго* ‘политика государства, государственная политика’. Таким образом, в газете четко разделяли значение словосочетания п.-монг. *ulas törü*, х.-монг. *улс төр*, бур. *улас түрэ* ‘политика’ и слова п.-монг. *bodulγ-a,* х.-монг. *бодлого*, бур. *бодолго* ‘политический курс’. Понятия ‘государство’ как институт власти и ‘политика’ как сфера деятельности государства предполагает существование абстрактного понятия ‘власть’.

В газете в качестве понятия ‘власть’ употребляется слово п.-монг. *jasaγ*, х.-монг., бур. *засаг* ‘власть’. Слово *засаг* происходит от глагола *засах*, одно из значений которого «управлять» [Мөнхсайхан 2023:14]. В средневековых источниках данное слово упротребляется в разных значениях, например, в «Сокровенном сказании монголов» оно означало ‘власть’ и ‘наказание’ [Лувсандорж 2014:106], а в словаре «Мукаддимат-ал-адаб» – ‘налог’ [Поппе 1938: 203].

В газете данное слово употребляется для определения субъектов власти, например: п-монг. *qolbuγatu ǰasaγ*, х-монг. *холбоот засаг*, бур. *холбоото засаг* ‘федеральная власть’; п-монг. *ǰöbleltü ǰasaγ,* х-монг. *зөвлөлт засаг,* бур. *зүблэлтэ засаг* ‘власть советов, советская власть’, п.-монг. *qaγan-u ǰasaγ,* х-монг. *хааны засаг,* бур. *хаанай засаг* ‘самодержавие, царская власть’.

Это слово часто употребляется для определения органов власти в виде составных слов, например: п.-монг. *ǰasaγ-un γaǰar,* х.-монг. *засгийн газар,* бур. *засагай газар* означает ‘правительство’, что дословно можно перевести ‘место власти’. В этом словосочетании слово п.-монг. *γaǰar,* х.-монг., бур. *газар* ‘место земля’ имеет значение государственного учреждения или органа. Следует отметить, что в современном монгольском языке слово *газар* продолжают употреблять в названии государственных учреждений или органов, и оно соответствует современному понятию ‘управление’, например: *ерөнхий бүртгэлийн газар* ‘главное управление по государственной регистрации’.

В справочнике общественно-политических терминов слово ‘управление’ как название государственного органа было переведено дословно как *хүтэлбэри* ‘управление’. Причина такого перевода заключается в двойственном понимании слова ‘управление’: как процесса (управленческой деятельности) и как органа (структуры, которая эту деятельность осуществляет). Поэтому для перевода ‘управление’ как государственного органа следует употреблять слово *газар.*

Слово *засаг* также встречается в виде парного слова, например: п.-монг. *ǰasaγ törü*, х.-монг. *засаг төр*, бур. *засаг түрэ*, которое имеет значение ‘государственный аппарат’ как совокупность государственных органов, например: *ǰasaγ törü-yin boduly-a* ‘политика государственных органов’. Следует отметить, что в газете данное слово употребляется также для определения абстрактных понятий в виде составных слов, образуя специальные термины и понятия, но не имеющие прямого отношения к понятию ‘власти’, например: п.-монг. *ede-yin ǰasaγ*, х.-монг. *эдийн засаг,* бур. *эдэй засаг* ‘экономика’, что дословно означает ‘власть материальных вещей’.

Таким образом, точное понимание узкого и широкого значения слов *улас*, *засаг*, *түрэ*, а также их значений в составе парных слов и словосочетаний, позволит унифицировать их перевод и употребление в бурятском языке.

Литература

Поппе Н. Н. Монгольский словарь Мукаддимат ал-Адаб. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1938. 451 с.

Санжанов Ж. Ш. Общественно-политическая лексика бурятского языка // Вестник Бурятского госуниверситета. 2013а. № 10. С. 6–10.

Санжанов Ж. Ш. Современная общественно-политическая лексика бурят Внутренней Монголии // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. М., 2013б. № 6. С. 246–250.

Санжанов Ж. Ш. Общественно-политическая лексика бурятского языка в 20-30-е гг. XX в. (на материале газеты «Buriyad-Mongγol-un ünen»): автореф. … канд. филол. наук. М., 2019. 28 с.

Справочник общественно-политических терминов бурятского языка и наименований органов власти на бурятском языке. URL: https://egov-buryatia.ru/npa_template//search/index.php (дата обращения: 15.10.2025).

Справочник общественно-политических терминов бурятского языка. URL: https://base.garant.ru/45651166/ (дата обращения: 15.10.2025).

Черемисов К. М. Бурятско-русский словарь. 44000 слов. М.: Советская энциклопедия, 1973. 804 с.

Мөнхсайхан С. Монголын нууц товчооны утга зүй, соёл, сэтгэлгээ. Улаанбаатар. 2023. 692 с.

Ж. Лувсандорж. Монголын нууц товчоон. Улаанбаатар, 2014. 134 с.

Stalin I. (Сталин И.) S. S. R. Qolbuγan-u qonstituča-yin proeγta tuqai iletgel. Soveyid sočilis respublika-nud-un qolbuγan-u qonstituča (ündüsün qauli) [О проекте Конституции Союза ССР. Конституция (основной закон) Союза Советских Социалистических республик]. Верхнеудинск: Бургосиздат, 1937. 120 с.

Т. Б. Тагарова
Иркутский государственный университет
Иркутск, Россия
boroevna@yandex.ru

ВКЛАД ПРОФЕССОРА Л. Д. ШАГДАРОВА В СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Статья посвящена характеристике монографии Л. Д. Шагдарова «Становление единых норм бурятского литературного языка в советскую эпоху» в сравнительно-историческом аспекте. Значимость данного труда только возрастает со временем ввиду актуальности исследования бурятского языка в диахронном плане. Различные разделы бурятского языка представляются в сравнении с формами старописьменного монгольского языка, демонстрируя изменения в языке. Изложение материала наглядно и доступно любому читателю, так как автор структурирует языковые

единицы и располагает в таблицах. Развитие языка показано в тесной связи с развитием народа и государства. Крупные общественно-политические события повлияли на ход строительства бурятского языка, претерпевшего ряд реформ. Три формы литературного языка пережил бурятский народ: старописьменный монгольский язык, селенгинский диалект на латинице, хоринский диалект на латинице и кириллице. И время написания и издания рассматриваемой монографии как раз связано с пиком развития бурятского языка. Таким образом, своевременность выхода данной книги не вызывает сомнений.

Ключевые слова: монголоведение, сравнительно-историческое языкознание, бурятский язык, изменения словоформ.

T. B. Tagarova
Irkutsk State University
Irkutsk, Russian Federation

PROFESSOR L. D. SHAGDAROV'S CONTRIBUTION TO COMPARATIVE HISTORICAL LINGUISTICS

The paper is devoted to the characteristics of L. D. Shagdarov's monograph "The Formation of Unified Norms of the Buryat Literary Language in the Soviet Era" in a comparative-historical aspect. The significance of this work increases over time due to the relevance of studying the Buryat language in a diachronic perspective. Various sections of the Buryat language are presented in comparison with the forms of the Old Mongolian written language, demonstrating changes in the language. The presentation of the material is clear and accessible to any reader, as the author structures the language units and presents them in tables. The development of the language is shown in close connection with the development of the people and the state. Major socio-political events have influenced the course of the construction of the Buryat language, which has undergone several reforms.

Keywords: Mongol studies, comparative historical linguistics, Buryat language, word form changes.

Как указывается ведущими учеными-лингвистами, сравнительно-историческое языкознание (также лингвистическая компаративистика) – область лингвистики, посвященная родству языков, которое понимается историко-генетически (как факт происхождения от общего праязыка) [Бурлак, Старостин 2005: 432]. Существенное влияние на становление сравнительного метода в отечественном языкознании оказал журнал «Филологические записки», выпускавшийся с 1860 г. в Воронеже под редакцией А. А. Хованского.

Известно, что при решении проблем сравнительно-исторического монголоведения исследователи обычно исходят из данных старописьменного монгольского языка. По признанию монголистов, старописьменный монгольский язык отражает самое древнее его состояние, близкое к праязыку. Таким образом, старописьменный монгольский язык, являясь эталоном для сопоставления фонетических, грамматических и лексических элементов разных монгольских языков и их говоров, диалектов, помогает реконструкции прамонгольских форм.

Возникновение сравнительно-исторического монголоведения связано с именем Г. Рамстедта. Отечественное сравнительно-историческое монголоведение представлено работами Б. Я. Владимирцова «Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия» [1929], Г. Д. Санжеева «Сравнительная грамматика монгольских языков» в 2 томах [1953, 1963], В. И. Рассадина «Очерки по исторической фонетике бурятского языка» [1982], Г. Ц. Пюрбеева «Историко-сопоставительные исследования по грамматике монгольских языков. Синтаксис словосочетания» [1993] и др. Таким образом, в сравнительно-исторической монголистике накоплен значительный материал. Несомненно, большую лепту в развитие монголоведения внес и Лубсан Доржиевич Шагдаров.

Имя Лубсана Доржиевича Шагдарова известно не только в России, но и за ее пределами: большой ученый, исследователь развития бурятского языка, основоположник стилистики бурятского языка [1974], написавший фундаментальные труды по грамматике бурятского языка [2013], и, в частности, по словообразованию, внесший неоценимый вклад в развитие сравнительно-исторического монголоведения (монография в соавторстве с Л. Б. Бадмаевой «Язык и стиль летописи Д.-Ж. Ломбоцыренова «История селенгинских монголо-бурят» [2014]) и автор учебника по старописьменному монгольскому языку (Монгол хэлэ бэшэгэй үндэһэн [Дондогой, Шагдаров 1995]) и др. Все это свидетельствует о многогранности научных интересов Лубсана Доржиевича, о широте его исследовательских направлений. Его глубокие знания монгольских языков, истории развития их, воплощение их в блестящих монографиях демонстрируют бесконечную любовь к родному языку и монгольским языкам вообще. Неоспоримо, что его труды актуальны во все времена.

Особенно для преподавателя полезен такой его труд, как «Становление единых норм бурятского литературного языка в советскую эпо-

ху» [Шагдаров 1967], посвященный развитию грамматических и лексических норм бурятского языка. Книга показывает, насколько глубоко автор исследует и описывает особенности бурятского языка, начиная со звукового строя. Этот труд, несомненно, является образцом исследования в сравнительно-историческом плане, поскольку Л. Д. Шагдаров не просто дает описание состояния бурятского языка, но постоянно сравнивает его с классическим старомонгольским языком, демонстрируя это таблицами. Так Л. Д. Шагдаров стремился проникнуть в древнюю историю монгольских языков, в том числе и бурятского языка. Им описываются процессы развития фонетического строя бурятского языка в сопоставлении с фонемами старописьменного языка, а также диалектов, большим количеством которых отличается бурятский язык. Наглядно представляются различия или сходства фонем старомонгольского и бурятского языков в таблице, где составлены алфавиты на основе старомонгольской, латинской и русской графической систем [Там же: 9]. Читателю понятен ход изменений звукового строя, поскольку даны еще примечания к таблице 1. Не обойдена вниманием и орфография, так, ее освещают 3 таблицы [Там же: 20, 22]. Автор обращается к истории развития долготы гласных. По таблицам видно, что долгота образовалась из двоеслогов, как следствие ассимиляции интервокальных согласных, находящихся в слабой позиции. Дается достаточно большое количество примеров с правописанием гласных в зависимости от позиции в слове и сочетаемости согласных звуков в слове (табл. 5, 6).

В главе, посвященной морфологии, важен вывод автора о том, что «Сущность изменений, происходивших в морфологическом строе литературного бурятского языка в основном сводится к фонетико-орфографическому переоформлению аффиксов в связи с ориентацией литературного языка на халхаско-селенгинскую и хоринскую диалектные основы, к постепенной утрате архаических или чуждых живому бурятскому языку форм и показателей, к замене их живыми формами, присущими языку большинства бурят» [Там же: 52]. В данной главе подробно описываются утвержденные в литературном языке формы множественного числа, бытующие в разговорной речи после реформы 1936 г. Отмечается, что беглый конечный *-н* выпадал при селенгинском говоре, но при хоринском восстановился и т.д.

Приводятся примеры замены падежных форм со старописьменного монгольского (далее – СПМ) на живой бурятский язык. Так, вышел

из употребления аффикс *-а* дательно-местного падежа. Под влиянием русского языка этот падеж стал употребляться как субъект: «Слёдто хабаадагшадта амар мэндэ») и т. д. Показана замена форм винительного падежа со СПМ на селенгинскую или халхаскую, затем на хоринскую.

При рассказе об изменениях падежных аффиксов автор дает толкование с семантической стороны, что является испытанным методом для лучшего усвоения обучающимися демонстрируемых явлений в языке. Например, до 1936 г. исходный падеж оформлялся по халхаскому типу: *bulagaas* / СПМ *булаг-аца*. Отмечается, что в СПМ существительные в исходном падеже употреблялись как субъекты действия: *ердем-ун курцеленг-еце ном дебтер-уд-і кеблен гаргаху тухаі* [Шагдаров 1967: 56].

Наглядно представлено в двух таблицах 7, 8 выражение категории личного притяжания [Там же: 57] на СПМ, латинице, кириллице. Объемны табл. 9 и 10 [Там же: 59–60] с примерами аффиксов безличного притяжания имен существительных на трех графиках. При этом современному читателю интересно то, что здесь представлено 7 падежей, включая соединительный и совместный. Полагаем, что аффикс совместного падежа *-луга*/*-лугэ* относится к существительному, обозначающему человека. Сознавая всю многосложность этой темы, Лубсан Доржиевич Шагдаров позволяет себе эмоциональное высказывание, вынесенное за скобки: «Если я решусь полностью изложить эту большую тему, то придется написать несколько книг» [Там же: 60].

Относительно числительных автор пишет, что они не претерпели особых изменений по сравнению с СПМ. Отмечено, что в период латиницы испеользовался аффикс *-дугар*/*-дугэр* в порядковых числительных. Выделялись разделительные числительные СПМ: *нэжээд* (СПМ *ніжігед*), *хошигад*.

Глагольные формы описываются также в сравнении с СПМ формами [Там же: 61]. Отмечается влияние диалектов на образование формы повелительного наклонения, которое в СПМ имело аффикс *-гтун*. В современном эхиритском говоре употребляется – *абагтун*, *нуугтун* и т. д. как особая форма уважительного обращения к кому-либо. Это убедительный показатель архаичности диалектов бурятского языка. Отмечается, что при функционировании латиницы использовалась форма на *-гтіі*. Подобная форма часто встречается в говоре

агинских бурят. В СПМ употребляется повелительно-желательная форма на аффикс *-тугай*: *мандутугай! Болтугай* встречается в современном бурятском языке в виде *болтогой.* В СПМ были формы на *-сугай*: *би эндэ ирэсугэй* (я приду-ка сюда), в бурятском языке *-hуу(б)*. Желательная форма 3 л. в СМП на *-гасай* > *-hай*: *гараhай* и т.д.

В таблице 11 освещены изъявительные формы глагола, т. е. временны́е [Шагдаров 1967: 62]. Имперфектный презенс на *-муи*, *-на* соответствует форме настоящего времени бурятского языка, но может передавать и будущее время. Перфектный презенс на *-луга*, *-лай* имеет значение прошедшего времени совершенного вида. Имперфектный презенс на *-джухуй*, *-zai* также имеет значение прошедшего времени, но несовершенного вида. Хотя иногда в тексте употребляется и в значении совершенного вида. Претерит на *-ба*, *-бай* означает действие или состояние недавно прошедшее или проходящее на глазах у наблюдателя: *гараба* ‘выходит/ вышел’.

В таблице 12 приводятся причастные формы будущего времени на *-ху*, возможности на *-маар*, многократные на *-даг*, однократные на *-гчи*, настоящего времени на *-га*, прошедшего времени на *-гсан*, завершенно-прошедшего времени на *-нгхай*, после реформы 1936 г. находит свое место причастие постоянное на *-ааша*. Отмечается, что существенных изменений нет, только причастие на *-нгхай* приобрело значение изъявительной формы. Деепричастия архаичные заменены на разговорные: вм. деепричастий на суффикс *-бал* шире употребляются формы на *-haa* и т. д. Данные деепричастия имеют значение условия действия или последствия действия.

Также достаточно много места занимают в рассматриваемой книге материалы по синтаксису (приводятся фрагменты текстов с комментариями). По мнению автора, после революции синтаксис не претерпел особых изменений. Длинные периоды продолжали употребляться и в публицистике, деловых бумагах, летописях, и в художественном стиле. Учебно-научному стилю монографии Л. Д. Шагдарова придает живость, образность то, что им приводится в качестве примера сравнение Г. Д. Санжеева длинной конструкции с хвостом змеи или тонкими бараньими кишками. Затем длинные конструкции постепенно вытесняются короткими предложениями.

История сложения лексических норм рассматривается в связи с общественно-политическими переменами, несущими новые понятия, новые слова в язык. При этом язык развивается, преодолевая параллельное употребление лексических единиц с одним и тем же значени-

ем русского языка и бурятского и халха-монгольского языков. Подробно рассматриваются заимствования, их источники.

Таким образом, материалы монографии Л. Д. Шагдарова представляют собой наглядный пример развития всех разделов бурятского литературного языка, изложенный предельно понятно и ясно для исследователя-лингвиста с любой базой знания. Все языковые сведения можно считать первоисточником, поскольку представляемые процессы становления бурятского языка происходили на глазах самого автора. Особенно ценны зафиксированные изменения, демонстрирующие диахронические процессы в языке, показывающие, в каком направлении развивается язык от древнего состояния до современного. В целом, по трудам Л. Д. Шагдарова можно ознакомиться со всей историей бурятского языка в связи с историей народа.

Литература

Бурлак С. А., Старостин С. А. Макрокомпаративистика // Сравнительно-историческое языкознание. М.: Издательский центр «Академия», 2005. 432 с.

Владимирцов Б. Я. Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия. Введение и фонетика. Л.: Издание Ленинградского Восточного Института имени А. С. Енукидзе, 1929. 433 с.

Дарбеева А. А. Историко-сопоставительные исследования по грамматике монгольских языков. Фонетика. М.: Наука, 1996. 171 с.

Рязанова А. Насколько угро-финн русскому родственник [Электронный ресурс]. URL: https://scientificrussia.ru/articles/naskoljko-finn-russkomu-rodstvennik (дата обращения: 29.09.2025).

Пюрбеев Г. Ц. Историко-сопоставительные исследования по грамматике монгольских языков. Синтаксис словосочетания. М.: Наука, 1993. 304 с.

Раднаев В. Э. Сравнительно-историческая монголистика: вехи развития, состояние и перспективы // Изв. РАН. Сер. Лит и яз. 2010. Т. 69. № 2. С. 43–55.

Рассадин В. И. Очерки по исторической фонетике бурятского языка. Новосибирск: Наука, 1982. 200 с.

Санжеев Г. Д. Сравнительная грамматика монгольских языков. М.: Изд-во АН СССР, 1953. 240 с.

Санжеев Г. Д. Сравнительная грамматика монгольских языков. Глагол. М.: Изд-во вост. лит. Ин-т народов Азии, 1963. 266 с.

Тагарова Т. Б. Материалы к исторической грамматике монгольских языков. Введение в историческое словообразование. Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2018. 205 с.

Шагдаров Л. Д. Становление норм бурятского литературного языка в советскую эпоху. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1967. 108 с.

Шагдаров Л. Д. Функционально-стилистическая дифференциация бурятского языка / Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1974. 345 с.

Шагдаров Л. Д. Проблемы новой академической грамматики бурятского языка: (имя существительное, имя прилагательное, наречие, послелоги, модальные слова, слова категории состояния, изобразительные слова) / Ин-т монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отд-ния Российской акад. наук. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского научного центра СО РАН, 2013. 190 с.

Шагдаров Л. Д., Бадмаева Л. Б. Язык и стиль летописи Д.-Ж. Ломбоцыренова «История селенгинских монголо-бурят» (исследование, текст, транслитерация, перевод, переложение). Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2014. 216 с.

Дондогой Д.-Н., Шагдаров Л. Д. Монгол хэлэ бэшэгэй үндэһэн. Монгол бэшэгтэ һураха ном. Улаан-Удэ: «Бэлиг» хэблэл, 1995. I хуби. 152 х. II хуби. 152 х.

Б. Д. Цырендоржиева
Бурятский государственный университет им. Доржи Банзарова
Улан-Удэ, Россия
bairma_11@mail.ru

ПРОБЛЕМЫ МОРФОЛОГИИ В НОВОЙ АКАДЕМИЧЕСКОЙ ГРАММАТИКЕ БУРЯТСКОГО ЯЗЫКА С ПОЗИЦИИ ЛИНГВИСТИКИ ТЕКСТА

В статье рассматриваются вопросы необходимости научной инвентаризации выделения частей речи в современном бурятском языке с учетом достижений современной лингвистики, монгольского и бурятского языкознания. Кроме того, в статье подводятся промежуточные итоги рассмотрения отдельных морфологических категорий с точки зрения их функционирования на уровне текста. При этом в фокусе исследования находятся специфические грамматические явления, такие как категория притяжания, грамматические показатели лица, частицы, глагольные формы, в том числе аналитические глагольные конструкции, которые создают своеобразие бурятского текста. В работе подчеркивается актуальность изучения текстообразующей функции различных грамматических явлений в бурятском языке для построения системы обучения продуктивной речевой деятельности школьников.

Ключевые слова: бурятский язык, грамматические категории, текстообразующая функция.

B. D. Tsyrendorzhieva
Buryat State University named after Dorzhi Banzarov
Ulan-Ude Russian Federation

MORPHOLOGY PROBLEMS IN THE NEW ACADEMIC GRAMMAR OF THE BURYAT LANGUAGE FROM THE POINT OF VIEW OF TEXT LINGUISTICS

The author considers the necessity for scientific analysis of parts of speech in the modern Buryat language taking into account the achievements of modern Mongolian and Buryat linguistics. Besides, the preliminary results of examining some morphological categories from the perspective of their functioning at the textual level are summarized. The study focuses on specific grammatical phenomena, such as the category of possessiveness, grammatical markers of person, particles, verb forms including analytical verb constructions, which make the Buryat text unique. The paper emphasizes the studying of the text-forming function of various grammatical phenomena in the Buryat language for developing a system for teaching productive speech activity to schoolchildren.

Keywords: the Buryat language, grammatical categories, text-forming function.

Подготовка первой «Академической грамматики бурятского языка, изданной в 1962 г., была осуществлена авторским коллективом и редакционной коллегией научных работников Бурятского комплексного научно-исследовательского института СО АН СССР, Института языкознания и Института народов Азии АН СССР, кафедры монгольской филологии Ленинградского (ныне Санкт-Петербургского) государственного университета [Грамматика бурятского языка 1962: 340]. Второй подход к составлению академической грамматики бурятского языка был реализован в 2013 г. профессором Л. Д. Шагдаровым в монографии «Проблемы новой академической грамматики бурятского языка» [2013: 192]. Необходимо сразу отметить, что автор называет разделы монографии, посвященной морфологии бурятского языка (по сути, отдельным частям речи), «материалы, подлежащие обсуждению» [Там же: 7]. В период подготовки этого издания к печати Лубсан Доржиевич обратился к нам, фактически выразил доверие написать рецензию на подготовленную им рукопись монографии. В ходе этой работы между нами произошел заочный научный диалог по отдельным вопросам рассматриваемых им разделов, который мы приводим далее.

В монографии Л. Д. Шагдарова представлены такие разделы научно-описательной грамматики «Морфологии», как «Имя существительное», «Имя прилагательное», «Наречие», «Послелоги», «Модальные слова», «Изобразительные слова», «Слова категории состояния». В качестве основного принципа выделения частей речи в бурятском языке обозначен семантический принцип [2013: 93], при этом автором убедительно обосновывается значимость этого признака. Приверженность автора семантическому принципу наблюдается при научном описании каждой рассматриваемой части речи, в том числе и при выделении и анализе слов категории состояния. В рецензии нами было отмечено, что, на наш взгляд, выделение в бурятском языке слов категории состояния как знаменательной части речи, является дискуссионным, необходимо более детальное исследование этого языкового явления. Возможно, более уместно было бы говорить о выделении в бурятском языке слов, выражающих категорию состояния и различных языковых средств, ее передающих.

В ответ на выраженную нами лингвистическую точку зрения Лубсан Доржиевич написал следующее «…Следует считать, что это замечание Б. Д. Цырендоржиевой заслуживает самого серьезного внимания. Для более широкого, компетентного обсуждения подобных вопросов подготовленные сотрудниками отдела языкознания работы по новой академической грамматике необходимо в предварительном порядке обсуждать, под специальной рубрикой “Проблемы…”. На наш взгляд, такому обсуждению должны быть подвергнуты дискуссионные проблемы, которые были без обсуждения включены в действующие вузовские учебники» [1]. Далее он перечисляет примеры включения в вузовский учебник по морфологии, подготовленный профессором Ц. Ц. Цыдыповым таких частей речи, как «предшествующие слова» *(түрүү үгэнүүд)* и подражательные слова (имея в виду звукоподражательные слова) [1988: 192]. Также Л. Д. Шагдаров приводит отдельные примеры включения в вузовские учебники под рубрикой «специальные части речи» профессором Д. Д. Доржиевым междометий *(аянгалһан үгэ)*, подражательных слов *(дууряаһан үгэ)*, образных слов *(зураглаһан үгэ)*, слов наблюдений *(ажаглаһан үгэ)* [2004: 206]. По истечении времени можно констатировать лишь одно – в академической грамматике бурятского языка необходима серьез-

[1] Здесь мы приводим цитату из ответа Л. Д. Шагдарова на рецензию.

ная научная инвентаризация выделения частей речи в современном бурятском языке с учетом достижений современной лингвистики и бурятского языкознания.

Что касается рассмотрения проблем новой академической грамматики бурятского языка с позиций лингвистики текста, можно сказать, что это направление является как никогда актуальным. Особенно в свете того, что современные дети и молодежь, владеющие, как правило, устным разговорным вариантом бурятского языка, затрудняются при восприятии и тем более при создании собственных текстов. Обучающимся необходимо знание минимальных требований к организации и использованию языковых средств при порождении текстов. В этом отношении современное бурятское языкознание нуждается в научных исследованиях по всестороннему анализу текста. Части речи, морфологические категории, разные грамматические явления, представленные в академической грамматике, могут быть пересмотрены с учетом их функционирования на уровне текста. При этом, на наш взгляд, важно опираться на современные исследования текста, учитывать достижения современных лингвистов в этом направлении, отталкиваться от языковых универсалий, которые выделяют лингвисты, занимающиеся изучением организации текста на материале разных языков. Однако не менее важным является выделение в бурятском тексте специфических (в некоторых случаях уникальных) языковых средств, которые работают на организацию текста, выполняя основные функции по его связности и цельности и вместе с тем создают языковое своеобразие бурятского текста.

Часть работы в этом направлении осуществляется нами в рамках отдельных научных статей, разделов научных монографий [Цырендоржиева 2016, 2022; Цырендоржиева, Будажапова 2021]. Так, в ходе лингвистического анализа текста выделена текстообразующая функция отдельных форм утвердительных частиц в бурятском языке, также относящихся к специфическим языковым средствам [Цырендоржиева 2016а: 182–184]. Выделены текстовые функции частиц как одного из средств ретроспекции, обобщения основного содержания микротекста, усиления значения слов, сочетаний и предложений на уровне текста. Рассмотрены особенности изменения семантики модальных частиц в зависимости от различного синтаксического контекста. В одной из работ сделана попытка рассмотреть грамматические показатели лица в бурятском языке (аффиксы притяжания, лич-

ные местоимения, лично-предикативные частицы) с точки зрения их участия в системе шифтеров средствам: была выявлена связь дейктических элементов с текстообразованием, а именно их способность регулировать распределение коммуникативной нагрузки среди участников речевого общения (я – ты – он), ориентировать читателя в содержательной линии текста [Цырендоржиева 2016б: 91–94]. Необходимо отметить, что это направление является достаточно перспективным и открывает возможности для изучения различных морфологических категорий на уровне текста.

В настоящее время начата работа по изучению функционирования глагола в бурятском тексте. Первые подступы к изучению этой обширной темы были проведены на материале конкретной семантической группы глаголов, а именно рассмотрено функционирование глаголов движения в бурятском тексте средствам [Она же 2022: 381–383]. Это небольшое по формату изучение глагола показало, что текстовые функции глагольных форм предопределяются их лексико-семантическими особенностями, грамматической формой, а также позицией в высказывании, участием в составе финитного или инфинитного сказуемого. Далее в фокусе нашего исследовательского внимания была глагольная категория залога [Она же 2024: 189–193]. Залоговые формы глагола в бурятском языке осуществляют отсылку к предыдущей информации как на уровне предложения, так и на уровне текста, т. е. залоговые морфемы могут выполнять анафорическую функцию, их антецедент может находиться внутри предложения и за пределами предложения. При этом одна из важных текстовых функций залоговых форм глагола в бурятском языке заключается в том, что они могут выступать средством морфемного выражения дейксиса, при этом выполнять текстообразующую функцию распределения указания на субъект/объект действия на уровне текста.

В настоящее время осуществляется работа по изучению текстовой функции категории вида глагола в бурятском тексте. Как показывает анализ как теоретической литературы, в первую очередь, монографии Ц. Ц. Цыдыпова, так и практического языкового материала, эта категория представляет собой одну из обширных и в то же время одну из неисследованных тем морфологии бурятского языка [1988: 192]. В частности, предварительно можно сказать, что изучение аналитических форм глагола требует детальных исследований по текстовой функции отдельных видовых форм бурятского глагола. Так, изучение

глагольных аналитических конструкций законченного вида в бурятском тексте показало, что разделительное деепричастие как основной компонент конструкции этого вида выполняет на уровне текста функцию точки отсчета относительного времени. При этом функция осуществляется независимо от синтаксической функции деепричастия в предложении (функции сказуемого или участия в составе оборота) [Цырендоржиева 2025: 74–81].

Как показывает анализ отдельных морфологических категорий на уровне текста, практически рассмотренные грамматические явления участвуют в организации бурятского текста, т.е. выполняют текстообразующую функцию. При исследовании этой важной синтаксической функции любого языкового явления необходимо как принимать во внимание семантические характеристики изучаемого явления, так и учитывать синтаксический контекст, в котором это явление находится. В завершение следует отметить, что слова о стратегическом видении будущих исследований по изучению бурятского текста, высказанные профессором Лубсаном Доржиевичем Шагдаровым были пророческими. Он говорил о том, что выявление текстообразующей функции категории личного притяжания открывает перспективы рассмотрения морфологических и других грамматических категорий на уровне текста.

Литература

Грамматика бурятского языка: Фонетика и морфология / отв. ред. Г. Д. Санжеев. М.: Изд-во восточной литературы, 1962. 340 с.

Доржиев Д.-Н. Д. Современный бурятский язык: Морфетика. Улан-Удэ: Бэлиг, 2004. 206 с.

Цыдыпов Ц. Ц. Аналитические конструкции в бурятском языке. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1972. 297 с.

Цыдыпов Ц. Ц. Морфология бурятского языка. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1988. 192 с.

Цырендоржиева Б. Д. Межфразовые связи в современном бурятском языке: (на материале категории личного притяжания): автореф. дис. … канд. филол. наук. Улан-Удэ, 2008. 22 с.

Цырендоржиева Б. Д. О функционировании частиц в бурятском тексте // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016а. № 9-2(63). С. 182–184.

Цырендоржиева Б. Д. Функционирование аффиксов личного притяжания в системе шифтеров (на материале бурятского языка) // Вестник ТГПУ. 2016б. № 11(176). С. 91–94.

Цырендоржиева Б. Д. Глаголы движения как средство организации текста в бурятском языке (на материале романа Ч. Цыдендамбаева «Доржи, сын Банзара») // Банзаровские чтения: материалы междунар. науч. конф., посв. 200-летию со дня рождения Д. Банзарова и 90-летию БГПИ БГУ (30–31 марта 2022 г., г. Улан-Удэ). Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2022. С. 381–383.

Цырендоржиева Б. Д. Текстовая функция залоговых форм глагола в бурятском языке // Актуальные проблемы монголоведных и алтаистических исследований: материалы IV междунар. науч. конф., 23–26 окт. 2024 г. Элиста: Изд-во Калм. гос. ун-та им. Б. Б. Городовикова, 2024. С. 189–193.

Цырендоржиева Б. Д. Синтаксическое наследие Ц.-Ж. Ц. Цыдыпова: аналитические конструкции в бурятском языке с позиций грамматики текста // Бурятский язык и литература в школе. 2025. № 2. С. 74–81.

Цырендоржиева Б. Д., Будажапова Л. Б. Текстовые функции модальных частиц в бурятском языке // Модально-оценочные конструкции в монгольских и тюркских языках. Элиста: Изд-во Калм. гос. ун-та им. Б. Б. Городовикова, 2021. С. 127–132.

Шагдаров Л. Д. Проблемы новой академической грамматики бурятского языка (имя существительное, имя прилагательное, наречие, послелоги, модальные слова, слова категории состояния, изобразительные слова). Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2013. 192 с.

Е. Р. Николаев
Институт гуманитарных исследований и
проблем малочисленных народов Севера СО РАН
Якутск, Россия
1953307@mail.ru

О НЕКОТОРЫХ СЕМАНТИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЯХ В ЯКУТСКО-БУРЯТСКИХ ДИАЛЕКТНЫХ ЛЕКСИЧЕСКИХ ПАРАЛЛЕЛЯХ

В статье представлена попытка описания якутско-бурятских языковых связей на материале диалектной лексики. Описываются семантические особенности лексических единиц, которые во многом относятся к устаревшей и диалектной лексике. Выявление семантики диалектных слов бурятского языка с диалектными и нормативными словами якутского языка может пролить свет о присутствии не только языковых и культурных контактов, но и прояснить некоторые семантические сдвиги – расширение, сужение значения слова. Данное языковое явление можно проследить в тематических группах, включающие обозначение пищи, предметов быта и т. д. На первый взгляд, ареал соотнесения тех или иных

значений охватывает практически все диалекты и говоры бурятского языка, которые в той или иной степени проявляются и в говорах якутского языка. Однако данный факт требует более детальной верификации.

Ключевые слова: лексика, якутский язык, бурятский язык, лексические параллели, семантика.

E. R. Nikolaev
The Institute for Humanities Research
and Indigenous Studies of the North SB RAS
Yakutsk, Russian Federation

ON SOME SEMANTIC FEATURES IN YAKUT-BURYAT DIALECT LEXICAL PARALLELS

In the article, there is a proposal to describe Yakut-Buryat language connections and material dialect vocabulary. Semantic features of lexical units are described, which are mostly related to outdated and dialectal lexicon. Revealing the semantics of dialectal words of the Buryat language with dialectal and normative words of the Yakut language can shed light on the presence of not only linguistic and cultural contacts, but also clarify some semantic shifts – expansion, narrowing of the meaning of words. This linguistic phenomenon can be traced in thematic groups, which include the designation of food, subject matter, etc. d. At first glance, the area of sootneseniya of these or other meanings covers practically all dialects and dialects of the Buryat language, which are manifested to one degree or another in the speech of the Yakut language. However, this fact requires more detailed verification.

Keywords: vocabulary, Yakut language, Buryat language, lexical parallels, semantics.

Лексический состав якутского языка считается многосоставным, в котором присутствуют лексические параллели с тунгусо-маньчжурскими языками. Кроме этих лексических параллелей, в диалектной лексике якутского языка присутствуют лексемы, которые представляют собой языковые взаимосвязи якутов с монголоязычными народами. Выявлено от 2000 до 2500 монгольских элементов в якутском языке [Рассадин 1980; Убрятова 1960]. В различных аспектах монголо-якутские лексические параллели были рассмотрены в трудах О. Н. Бётлингка [1990], Ст. Калужинского [Kałużyński 1961], В. И. Рассадина [1980], Н. К. Антонова [1971, 2019], С. Д. Егиновой [2014], Н. М. Иванова [2001] и др. Известно, что треть монгольских

параллелей (монгольский, бурятский языки) наблюдается в олекмо-вилюйской диалектной зоне – 27,1 % (из около 700 диалектных слов). В этой группе говоров выделяются нюрбинский, сунтарский говоры [Шамаева 2012: 176].

Также лексические паралелли бурятского и якутского языков изучались на материале фразеологизмов [Гоголева 2022], образных слов [Жиркова 2020], эпического текста [Турантаева, Малышева 2025], фонетических особенностей [Афанасьева 2008] и т. д. Некоторые тематические группы диалектной лексики якутского языка были проанализированы в плане представления традиционных занятий якутов [Иванов 2017]. При этом довольно обширный пласт лексики, который мог бы пролить свет в вопросах соотнесения семантических особенностей лексики бурятских диалектов и говоров якутского языка, остается недостаточно изученным. В данной статье мы вкратце остановимся на тех моментах, которые в той или иной мере представляют схождения в области материальной культуры якутов и бурят.

В рассмотренной нами литературе особо вырисовываются тематические группы «Пища», «Орудия труда», «Посуда и утварь», «Предметы быта» и др. Выделим некоторые значения слов, представляющие языковую картину тюрко-монгольской материальной культуры.

взбивать: *һө бөлөхө* (Булуса: эхирит-булагатский диалект) / *һү бөлхө* ‘сбивать молоко’ (от прежнего способа выделять масло путем пахтания молока в деревянной цилиндрической посуде особым деревянным прибором)’; во всех улусах употребляется в значении сбить сметану мутовкой [Бертагаев 1961: 46, 87]; *бүлэхэ* / *бэлэхэ* ‘сбивать’ (например, масло) [Абашеев 1965: 8]; *бүлэхэ* ‘сепарировать’ (западный диалект); *бүлхэ* – баргузинский [Раднаев 1965: 88]; *бүлүүр торхо* ‘деревянный высокий сосуд цилиндрической формы, предназначенный для сбития сметаны’ (Булуса); *бүлүүр* ‘деревянная мешалка’ (восточный диалект); *аша, бүлюүр* (западный диалект: боханский говор, эхирит-булагатский диалект); *хөнөк, һава, бэлүүр һава* ‘деревянная посуда’ (Цолга, Зангин) [Бертагаев 1961: 87–88, 141]; *бэлүүр* ‘узкая, высокая кадушка для курунги’; *бүлүүр* ‘деревянная мешалка для пахтанья масла’ [Матхеев 1968: 32]. С данным корпусом бурятских слов сопоставляется сунт. *бөлүүр*, *бүтэй бөлүүр* ‘кумысный мех’, в котором также усматривается мотивирующий признак *взбивать* (кумыс, сметану, масло), указывающий одновременно и на процесс (результат) действия, и на орудие действия (сосуд; мутовка). В якутском

языке аффикс *-ыыр* (*-иир*, *-уур*, *-үүр*) считается омертвелым (непродуктивным) аффиксом, при помощи которого образуются некоторые существительные монгольского происхождения (*чокуур* ‘кремень’, *долбуур* ‘полка’, *хотуур* ‘коса’ и т. д.) [ГСЯЛЯ 1982: 124].

плоский, широкий: *модон халвага* ‘деревянная ложка’ (Цолга, Зангин) [Бертагаев 1961: 88]; *халвак* ‘весло’ (Ныгда) [Там же: 64]; *халбага* ‘ложка’ [Хомонов 1965: 64]. В якутском языке данный признак зафиксирован в словах *халбыга* ‘маленькая ложка’ [БТСЯЯ 2016: 230], олекм. *халбыыр (холбуур)* ‘деревянный черпак, половник, деревянная поварёшка)’, которые образованы от глагола *холбуй* ‘снимать, собирать что-л. с поверхности чего-л.’ (напр., сливки с молока, накипь с бульона) [Там же: 528]. Интересно, что акающий вариант *халбый* с тем же значением более четко проясняет якутско-бурятские параллели, поскольку аканье считается фонетическим наследием монгольского происхождения [Иванов 1980].

широкий: *сарвагар hүхэ* (Цолга, Галтай), *сарвагай hүхэ* (Зангин), *тарвагай hүхэ* (Булуса) ‘плотничий топор’ [Бертагаев 1961: 54]. Якутское *сүгэ* ‘топор’ присутствует в тув. *сүгэ* ‘топор’, кидань. *сүхэ,* бур. *hүхэ* ‘тесак; топор’, монг. *сүх* ‘топор; секира’ и, возможно, семантическую близость с бурятским мы видим в диалектной лексике якутского языка: *арбаха*, у.-янск.; *арбах сүгэ*, аб., в.-кол. ‘широкий топор’ [ДСЯЯ 1976: 50].

частокол: *шэвээ* ‘скотный двор’ (Галтай); *шэбээ* ‘загон, окруженный высокой изгородью’; *шэбээ* ‘изгородь; частокол; палисадник’; зап. ‘загон для овец, овечий пригон’ [Матхеев 1968: 34]. В якутском языке: *сибиэ*, у.-май., в.-вил. ‘один из видов рыболовных заграждений’. В основе мотивирующего признака лежит внешний признак – плотность плетения, указывающий на характер плетения заграждения из тонких тальников, тем самым заграждение предназначалось и для ловли мелких рыб. Производящая основа – наречие *симэ* ‘очень часто, плотно, густо’ [БТСЯЯ 2011: 407]. Нормативный вариант – *сибиэ* также указывает на мелкие ячейки или строчки (например, о сетке, стежке, сети, посуде) [Там же: 343]. Возможно, семантика як. *сибиэ* имеет параллели с бур.-монг. *шэбээ* ‘изгородь, частокол; палисадник’, *шэбээдэhэ(н)* ‘насыпь, вал; плотина’, бур. зап. *шэбээhэн* ‘заездок (для ловли рыбы)’ [БМРС 1951: 710; БРС 2010: 632].

ящик: в диалектной лексике якутского языка присутствует слово *хопто*, нюрб., сунт. ‘деревянный ящичек’, которое имеет лекси-

ческую параллель в бурятском языке: *hоголго* ‘ящик стола’ (Цолга, Галтай); *хопто* (Булуса, Галтай); *хопто* – западный диалект [Бертагаев 1961: 89, 141]; *хобто* ‘сундук’ (зап.-бур.); *хобто* ‘небольшой ящик’ (байкало-кударинский диалект) [Будаев 1988: 34]; *хобто* ‘ящик, сундук’ [Матхеев 1968: 32]; *хобто* ‘ящик, сундук’; *хоор* II ал. ‘коробочка (картонная)’; *хоорпо* [БМРС 1951: 581, 572]; *ховд* ‘футляр; длинный узкий ящик’ [Лувсандэндэв 1957: 528]. Бурятский фонетический вариант прослеживается в диалектном пласте якутского языка. В литературном якутском языке употребляется вариант *хоппо* ‘небольшой деревянный или картонный ящик, служащий для хранения, упаковки чего-л., коробка, сундучок; большой деревянный ящик, довольно длинный, короб (напр., в таком ящике вмещается около тонны рыбы)’ [БТСЯЯ 2016: 591]. Сужение семантики «ящик» проявляется в значении ‘гроб’: вост.-бур. *хаэрсаг* ‘небольшой ящик’, юж.-бур. *хаэрцаг* (хамн. *кхаирцаг*); у кяхтинских цонголов *хаэрцаг*: 1) небольшой ящик; гроб (например, в селах Мурочи, Гуджиртуй Кяхтинского района); сел.-цонг. *хуурцах*, вост.-бур. *хуурсаг* ‘гроб’ [Будаев 1988: 34]. В якутском языке: уст. *куорчах* ‘долбленый гроб’ [БТСЯЯ 2007: 504 505], которое было в обиходе в дохристианское время. Данное слово в письменных источниках впервые было зафиксировано в якутском переводе Сокращенного Катехизиса 1812 года [Сокращенный Катихизис… 2024: 67], постепенно вытесненное русизмом (*куорчах* → *хоруоп* ‘гроб’) вследствие трансформации погребальной культуры якутов.

Таким образом, при сопоставлении якутско-бурятских параллелей обнаруживается различный характер чередования звуков (устойчивый, многовариантный) [Афанасьева 140]: долгие бурятские гласные → дифтонги (*уу*/*уо*, *ээ*/*иэ*); *[х]* → *[к]*, *рц*, *рс* → *рч*, *[б/в]* → *[п]*, *[ш]* → *[с]* и др. В семантическом плане в якутском языке сохраняются те значения, которые были на «момент» использования в якутско-бурятской культурах, и рассмотренные примеры находятся в статусе устаревшей лексики якутского языка, сохраняясь только в его говорах. Семантические поля представленных слов включают те значения, которые говорят об общих чертах якутской и бурятской материальной и духовной культур, например, погребальный обряд, предметы повседневного быта, гастрономическая культура и т. д.

Список сокращений

аб. – абыйский говор якутского языка
ал. – аларский диалект бурятского языка
бур. – бурятский язык
бур.-зап. – бурятский-западный
бур.-монг. – бурятско-монгольский язык
в.-вил. – верхневилюйский говор якутского языка
в.-кол. – верхнеколымский говор якутского языка
вост.-бур. – восточно-бурятские диалекты
зап. – западные диалекты бурятского языка
кидань. – киданьский язык
монг. – монгольский язык
сел.-цонг. – речь селенгинских цонголов
сунт. – сунтарский говор якутского языка
тув. – тувинский язык
у.-май. – усть-майский говор якутского языка
уст. – устаревшее слово
у.-янск. – усть-янский говор якутского языка
юж.-бур. – южно-бурятские диалекты
як. – якутский язык

Литература

Абашеев Д. А. Тункинский говор // Исследование бурятских говоров. Вып. 1. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1965. С. 3–34.

Антонов Н. К. Исследования по исторической лексике якутского языка: фонетические особенности именных основ. Якутск: Изд. дом СВФУ, 2019. 303 с.

Антонов Н. К. Материалы по исторической лексике якутского языка. Якутск: Якутск. кн. изд-во, 1971. 174 с.

Афанасьева Е. Н. Якутско-бурятские языковые параллели и их фонетическое преобразование // Актуальные проблемы изучения языка и литературы: языковое развитие и языковое образование Юга Сибири и сопредельных территорий: материалы III междунар. науч.-практ. конф., 23–25 окт. 2008 г., г. Абакан. Абакан: Ин-т филологии ХГУ им. Н.Ф. Катанова, 2008. С. 140–141.

Бабуев С. Д. Ареальная лексика в говоре ольхонских бурят // Развитие и взаимодействие диалектов Прибайкалья: сб. ст. Улан-Удэ: БФ СО АН СССР, 1988. С. 80–88.

Бертагаев Т. А. К исследованию лексики монгольских языков. Улан-Удэ, 1961. 158 с.

Бетлингк О. Н. О языке якутов. Новосибирск: Наука. Сибирское отделение, 1990. 644 с.

БМРС – Бурят-монгольско-русский словарь: Около 25000 слов / сост. К. М. Черемисов; под ред. Ц.Б. Цыдендамбаева. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1951. 852 с.

БТСЯЯ 2007 – Большой толковый словарь якутского языка: Т. 4 (Буква К күөлэһиҥнээ) / под общ. ред. П.А. Слепцова. 2007. 670 с.

БТСЯЯ 2014 – Большой толковый словарь якутского языка: Т. 11 (Буква Т: төтөллөөх тээтэҥнээ): (Буква Т: төтөллөөх тээтэҥнээ) / Под общей редакцией П.А. Слепцова. 2014. 525 с.

БТСЯЯ 2016 – Большой толковый словарь якутского языка: Т. 13: (Буква Х) / под общ. ред. П. А. Слепцова. 2016. 636 с.

Будаев С. Б. Лексические особенности бурятских диалектов // Развитие и взаимодействие диалектов Прибайкалья: сб. ст. Улан-Удэ: БФ СО АН СССР, 1988. С. 27–42.

Гоголева С. Н. Семантические категории фразеологических единиц в якутском и бурятском языках // Алтаистика. 2022. № 2(5). С. 27–36.

ГСЯЛЯ – Грамматика современного якутского литературного языка: в 2 т. Т. 1: Фонетика и морфология / Л. Н. Харитонов, Н. Д. Дьячковский, С. А. Иванов и др. Москва: Наука, 1982. 495 с.

Диалектологический словарь якутского языка: содержит свыше 8500 слов / сост. П. С. Афанасьев, М. С. Воронкин, М. П. Алексеев; отв. ред. П. С. Афанасьев, В. М. Наделяев. М.: Наука, 1976. 391 с.

Егинова С. Д. Образные прилагательные якутского языка (в сопоставлении с бурятским и киргизским языками). Новосибирск: Наука, 2014. 231 с.

Жиркова Е. Е. Лексико-семантические особенности образной лексики якутского и бурятского языков // Мир науки, культуры, образования. 2020. № 6 (85). С. 509–511.

Иванов Н. М. Монголизмы в топонимии Якутии. Якутск, 2001. 204 с.

Иванов С. А. Аканье и оканье в говорах якутского языка. Якутск: Якут. кн. изд-во, 1980. 182 с.

Иванов С. А. Лексические особенности говоров якутского языка. Новосибирск: Наука, 2017. 390 с.

Лувсандэндэв А. Монгольско-русский словарь: Около 22 000 слов / А. Лувсандэндэв, Н. Наван-Юндэн, Ш. Цэвэг; Под общ. ред. А. Лувсандэндэва. М.: ГИС, 1957. 715 с.

Матхеев Б. В. Очерки эхирит-булагатского говора // Исследование бурятских говоров. Вып. 2. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1968. С. 3–46.

Раднаев Э. Р. Баргузинский говор // Исследование бурятских говоров. Вып. 1. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1965. С. 71–107.

Рассадин В. И. Монголо-бурятские заимствования в сибирских тюркских языках. М.: Наука, 1980. 116 с.

Сокращенный Катихизис, для обучения юношества Православному закону Христианскому, переведенный на якутский язык, с приложением на переди таблицы для складов и чтения гражданской печати / Н. И. Данилова, Е. Р. Николаев, П. П. Петров; эппиэттээх эрэдээктэр Н. Н. Ефремов. Дьокуускай: Чопчу, 2024. 96 с.

Турантаева Н. В., Малышева Н. В. О некоторых монголизмах в диалектной лексике якутского языка (на материале языка олонхо) // Эпосоведение. 2025. № 2(38). С. 117–136.

Убрятова Е. И. Якутский язык в его отношении к другим тюркским языкам, а также к языкам монгольским и тунгусо-маньчжурским. М.: Изд-во вост. лит., 1960. С. 258–263.

Хомонов М. П. Боханский говор // Исследование бурятских говоров. Вып. 1. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1965. С. 35–70.

Шагдаров Л. Д. О некоторых языковых особенностях тугнуйских и агинских бурят и степени их отражения в литературном языке // Исследование бурятских говоров. Вып. 2. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1968. С. 154–163.

Шамаева А. Е. Монгольские параллели диалектной лексики якутского языка: дис. ... канд. филол. наук. Якутск, 2012. 270 с.

Kałużyński St. Mongolische Elemente in der jakutischen Sprache. Warszava: Panstwowe wydawnistwo, 1961. 170 p.

Р. Г. Жамсаранова
Забайкальский университет
Чита, Россия
rebeca_zab@mail.ru

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ БУРЯТСКОЙ ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

В статье описывается свод бурятской географической терминологии в аспекте сопоставительного языкознания. Выявлены ономастически релевантные апеллятивные единицы лексики бурятского языка как лексика, наблюдаемая в аспекте сопоставления – *нуур* ‘озеро’, *балшаг* ‘грязь; тина; лужа’ (зап.); *бамбалзуур* ‘зыбкий, топкий; тряский’, *бамбалзуур намаг* ‘зыбкое болото’; ‘трясина’, *тоором* ‘озерко; островок земли, покрытый солончаками’, *шэбэр* ‘низкое место с чащей, густым непроходимым лесом; болото (в лесу)’. Сопоставительный аспект изучения географической лексики позволяет описать не только наличие лексико-семантических параллелей в бурятском, монгольском и некоторых самодийских языках, но и предопределить природу местной географической терминологии монгольских языков как субстратную. Предположительно ряд бурятской географической терминологии имеет конвергентно-трансферентную природу, обусловленную неким диахронным урало-алтайским языковым союзом на исследуемой территории.

Ключевые слова: бурятская географическая терминология, сравнительный аспект, топономастическая лексика, трансференция, интерференция, синхронный коррелят.

R. G. Zhamsaranova
Transbaikal State University
Chita, Russian Federation

COMPARATIVE ASPECT OF BURYAT GEOGRAPHICAL TERMINOLOGY

The paper describes some Buryat geographical terms from the perspective of comparative linguistics. Onomastically relevant appellative units of the Buryat language vocabulary have been identified as vocabulary observed in the aspect of comparison – *nuur* 'lake', *balshag* 'mud; puddle' (west.); *bambalzuur* 'shaky, swampy; shaking', *bambalzuur namag* 'shaky swamp'; 'quagmire', *toorom* 'lake; island of the earth, covered with salt marshes', *shabar* 'a low place with a thicket, dense impenetrable forest; a swamp (in the forest)'. The comparative aspect of the study of geographical vocabulary allows us to describe not only the presence of lexical-semantic parallels in Buryat, Mongolian, and some Samoyedic languages, but also to determine the nature of the local geographical terminology of Mongolian languages as substrate. It is assumed that a number of Buryat geographical terminology has a convergent-transfer nature, which is due to a certain diachronic Ural-Altaic linguistic union in the studied territory.

Keywords: Buryat geographical terminology, comparative aspect, toponomastic vocabulary, transference, interference, synchronic correlate.

Описание топонимического субстрата Восточного Забайкалья позволило определить лексические корреляты, которые, полагаем, стали топоосновой ряда субстратных топонимов. Во-первых, это географическая терминология, распространенная в лимнологии. Как мы писали ранее, селькупское *н'ар*/*н'арръ'* 'озеро' имеет лексико-семантический аналог в бурятском и монгольском языках как термин *нүүр* 'озеро'. Переход самодийского гласного *-а-* в бурят-монгольское *-үү-* объяснимо, вероятно, языковыми моментами контактирования давнего по времени периода. Заметим, что в старописьменном монгольском языке лексема 'озеро' обозначалась словом *nayur* [см.: Рассадин 1982: 50]. Эта лексема по времени своей фиксации отражает возможный период языковых контактов, языковым отражением которого стали термины самодийского *н'ар* (*н'арръ'*) и монгольского *нуур* 'озеро'.

Добавим, что в нганасанском языке как одном из северно-самодийских языков функционален термин *неруа* '1. болотистая

местность, болото; 2. лужа'; также *неруа хотi* 'болотистая, мокрая ложбина', которые могут представлять с одним из южно-самодийских языков, селькупскими терминами *няр* (об., вас., тым.) *~нярры ~няррӭ* (кет.) '1.болото 2. тундра' (сельк.) проблему синхронических коррелятов.

Топонимы разных классов, как-то Норинск, Норты, Нарья, Нарин, Нурино и пр. (Усть-Нарин, с. (Мгт.); Зун-Нурта, ур. (к В от ст. Мирная). (Олв.); Усатуй-Нур, ур. (к З от с. Будулан). (Агн.); Устье-Нуртуй, ур. (к ЮЗ от с.Урдо-Ага). (Агн.); Будунэ-Нур, ур. (к С от с. Гунэй). (Агн.); Нура, п. (к ЮВ от с. Зугалай). (Мгт.); Нуринск, с. (к ЮВ от Могойтуя много безымянных ручьев, болотистых мест, озерков (особенно по руслу Онона). (Мгт.); Нуру, п. (к Ю от с. Хара-Шибирь). (Мгт.); Зун-Нарин, п. (к В от пос. Новоорловский). (Агн.) и др., представляют собой топонимы явно субстратного языкового начала, а именно – самодийского языкового происхождения. При этом некоторые из этих географических имен собственных (далее – ГИС) обнаруживают в своем лексическом «облике» моменты семантического переосмысления, иллюстрирующие явление межъязыковой омонимии. Так, например, топонимы Нарин-Узкая, Нарин, Наринзор «совпадают» семантически с бурятским атрибутивом *нарин* 'узкий'. Поэтому и появляются кальки типа Нарин-Узкая, хотя семантика подобного рода названия никак не соотносится с таким объектом как, например, озеро. Во-вторых, представленные примеры трансференции и интерференции на микротопонимическом материале отдельного региона обнаруживают перспективность определения изосем (сходное семантическое развитие), изолекс и изофонов. Подобного рода изыскания в области ареальной лингвистики в качестве одного из возможных подходов сравнительно-исторического языкознания способны выявить как связанные, так и конвергентные изоглоссы.

Отмеченное исследователями наличие развитой системы тельмографической терминологии в селькупском языке, обозначающей 'болото' (*н'орым*); *н'ар (н'арръ')*; *кал'джъ* 'топкое, кочковатое место с древесной растительностью', *понджъ* 'болотистое русло' [Беккер 1970] способствовало этимологизации следующих субстратных топонимов Забайкалья: р. Нарымка – пр. р. Ингода, с. Верх. Нарым (Чтн.), р. Верх. Нарымка – пр. р. Ингода, р. Бол. Нарымка – пр. пр. р. Ингода, р. Сред. Нарымка – пр. пр. р. Ингода, с. Ниж. Нарым (Крснч.),

п. Нарака (Шлк.), р. Нарака – пр. р. Шилка, оз. Нарья (Хлк.), оз. Нарасытуй (Агн.), оз. Наран-Булак (Он.), р. Нарык – л. пр. р. Нацигун, п. Дальняя Нарин, п. Ближняя Нарин (Шлк.), п. Норина (Нрч.), р. Норичи – л. пр. р. Шаргальджин, р. Норты – пр. р. Хилок, р. Галгатай – пр.р. Унда, с. Калдага (Газ.-З.), р. Гулженга, с. Гулженга (Он.); озера Панчинские (Тнг.), р. Пинжак – л. пр. р. Джапиджак, с. Пинжак (Мгч.), р. Джапиджак – пр. пр. р. Бол. Чичатка и пр.

В топонимии Восточного Забайкалья на территориях с низменным рельефом встречаются географические названия с основой *балдж-* / *бальдж-*: р. Бол. Бальза – л. пр. р. Дарасукан, р. Бальджа – л.пр.р. Онон, д. Бальджа, д. Бальзир (нежил.), зим. Бальджираевка (Крн.), оз. Бальзино, с. Бальзино (Длд.), оз. Бальзой, д. Бальзой (Улт.), р. Болчикта (басс. р. Ингода) и пр., которые имеют распространение на пограничных с Монголией территориях, в частности Кыринском районе, в низменных местах между Чикоконским и Онон-Бальджинским хребтами.

Народно-этимологический анализ топонимических названий опосредованный, как правило, фонетико-лексическим сходством, приводит к появлению множества легенд и преданий. Этим фактом объяснимо возникновение легенд, связывающих происхождение этих названий от имени собственного бурятской княжны Балжан-хатун (Бальжин-хатун), история жизни которой связана с периодом скитаний хори-бурят [см.: Бурятские летописи 1995]. Однако на деле данные топонимы как раздел топономастической лексики обнаруживают семантическую параллель с бурятским термином *балшаг* ‘грязь; тина; лужа’ (зап.); *бамбалзуур* ‘зыбкий, топкий; тряский’, *бамбалзуур намаг* ‘зыбкое болото’; ‘трясина’, с монгольским *балчиг* ‘болото, трясина’.

Любопытные лексико-семантические параллели обнаружились при сопоставлении селькупского *пыля* ‘ручей’; *пальця*/*пальтя* ‘вязкая грязь’; *порульдо*/*порольдя* ‘озеро (с истоком); заводь’, а также селькупского *пожа~пожэ* ‘чистое болото’ с монгольским *балчиг* ‘болото, трясина’; монгольским *бамбалзуур* ‘трясина, зыбкое болото’; бурятским *балшаг* (зап.) ‘грязь’; ‘тина’; ‘лужа’; *балшагар* (зап.) ‘грязный, тинистый’; бурятским *бамбалзуур* ‘зыбкий, топкий, тряский’; *бамбалзуур намаг* ‘зыбкое болото’; ‘трясина’.

Напрашивается лексико-семантическая параллель тунгусо-маньчжурских терминов *булум* ‘трясина; болото’ и бурятского *булаг*

‘ключ, источник, родник; топкое место (барг.)’, обычно употребляющееся как *булагта газар* ‘местность, где есть ключ’, с самодийским термином, означающим небольшой водный поток, как, например, селькупское *пыля* ‘ручей’, от которого и образован гидроним р. Биля, пр. пр. р. Блудная (басс. р. Хилок). При этом не исключено, что последний термин, возможно, имеет видовое происхождение от древнетюркского *bel* ‘I поясница; II холм’; *beltir* ‘скрещение дорог, перекресток; место слияния рек’. В монгольских языках термин *бэлшэр* имеет значение ‘место слияния рек; перекресток’. В тюркоязычной орографии термин *бел-*/*бил-* означает ‘седловина; широкий и низкий перевал в горах; сглаженная невысокая возвышенность’ [Молчанова 1982]. На этом положении как сопоставлении бурятский гидронимический термин *булаг* ‘ключ, источник, родник; топкое место (барг.)’ имеет естественное начало, по-видимому, в древнетюркском языке, тем более что тюрко-монгольские лексико-семантические корреляции общеизвестны. То же самое можно сказать и в отношении сопоставления *булаг* ‘ключ, источник, родник; топкое место (барг.)’ и селькупского *пыля* ‘ручей’.

Наибольшим числом топонимов, в основе которых может находиться селькупский гидронимический термин, отмечается ряд административных районов края, на территории которых проживают хорибуряты, а также пограничные с Монголией районы. Топонимы р. Биля – пр. пр. р. Хилок, г. Левая Биля (Срт.), п. Бильбичан (Клг.), ур. Луг Булуя (Нрч.-Звд.), п. Булуй (Он.), п. Болемсуйчик (Он.), р. Булач, п. Бултурик, с. Бушулей, р. Поперечный Булач, р. Продольный Булач (Чрнш.); п. Бульдак, п. Булатка, р. и п. Покая, п. Прямая Покая (Газ.-Звд.) и пр.

Топонимы ключ Борольдзи, ур. Булдуруна, ур. Буролотый, ур. Булдуруна, г. Булдуруна, оз. Былыктуй, оз. Болтуй, оз. Балыктуй, г. Дуга-Булдуруна, оз. Мал. Болугунда, ур. Потема, г. Полевой (Он.); р. Бол. Бальза – л.пр. Дарасукан, д. Бальзой, оз. Бальзино, с. Бальзино, оз. Бальзинское (из него вытекает р. Тура), р. Бальджиканка – пр. пр. р. Кумыл, д. Бальзир, д. Бальджа (Крн.), р. Бальджа, р. Бальзир – пр. пр. р. Бальджа, р. Ниж. Бальзир – пр. пр. р. Бальджа, р. Былыра – л. пр. р. Кыра, п. Больджик (Бл.) и пр. обнаруживают явное лексическое сходство с самодийским *пальця*/*пальтя* ‘вязкая грязь’ или с селькупским термином *порульдо*/*порольдя* ‘озеро (с истоком), заводь’.

Следует также отметить, что при соотнесении определенного топонима с каким-либо языком возникает опасность ошибки, так как топоосновы этих топонимов обнаруживают явное влияние взаимодействия языков конвергентного характера, обусловленного к тому же развитием семантического значения субстратного термина в термине «принимающего» языка. Поэтому основа лимнонима Бальзино может быть связана как с самодийским *пальця*/*пальтя* ‘вязкая грязь’, так и с монгольским *балчиг* ‘болото, трясина’.

В русскоязычной адаптации топонимов некоторые из них «приобрели» следующий лексический вид: руч. Половой – л. пр. р. Аргунь (Нрч.-Звд.), п. Половинка (Газ.-Звд.; Шлп.; Срт.), п. Бардейка (Шлк.), п. Пожарная (Клг.), п. Больничная (Клг.), руч. Прав. Башули – пр. р. Лев. Башули, р. Боши (Срт.), руч. Полевой (Улт.) и пр.

В местах с компактным проживанием бурятского населения субстратные топонимы имеют следующий лексический «вид»: р. Бульдурутуй, ур. Холойн-Боролжа (Агн.), р. Баральжета – пр. пр. р. Хилок, р. Булан-Тала – пр. пр. р. Гуйлон (басс. р. Хилок), р. Баральжета – пр. пр. р. Хилок, р. Барьян-Жалга – л. пр. р. Блудная (Хлк.); кл. Борольдзи, ур. Булдуруна (Он.); и пр., в которых реконструкция первичного вида, к примеру, [Порольдя] приобрела вид как Баральжета близкий по звучанию к бурятскому апеллятиву *бороложо* ‘кустарник, кусты’.

От монгольского термина *бамбалзуур* ‘трясина, зыбкое болото’ на территориях, пограничных с Монголией, имеются следующие топонимы: р. Бамбар – пр. пр. р. Урда-Нурта, руч. Бомбатуй – л. пр. р. Цаган-Челутай (Агн.); ур. Бумба (Мгт.); р. Бумбагарян – пр. пр. р. Киркун, р. Бабанда – л.пр.р. Агуца, г. Бумбатуй (Крн.); п. Бомпо, п. Бомпэ, Бумбайские озера (Он.); п. Бунбуенок, п. Бунбуя (Клг.); руч. Бол. Бамбуя – пр. пр. р. Уров, п. Верх. Бамбуя, руч. Мал. Бамбуя – пр. пр. р. Уров (Нрч.-Звд.) и пр.

Горько-соленые озерки, которыми изобилует Восточное Забайкалье, в хоринском диалекте бурятского языка называются *тооро́м* ‘озерко; островок земли, покрытый солончаками’. Однако в монгольском языке не существует термина, подобного термину *тооро́м*, что позволяет предположить о субстратном происхождении термина бурятского *тооро́м*. По-видимому, исходной семемой бурятского термина *тооро́м* может быть ‘озеро’, которое в селькупском языке передается посредством термина *то-*/*тор-*. Не исключено, что природа

бурятского терминированного *тоором* связана с селькупским термином *то*/*тор* ‘озеро’, которое со временем стало употребительным для обозначения понятия горько-соленого озерка.

Лексико-семантическая связь бурятского *тоором* и селькупского *то*-/*тор*- обусловлена, вероятно, явлением языковой трансференции, объясняющей процесс перехода местного географического термина из одного языка в другой. Очевидно, что термин *то*-/*тор*- ‘озеро’ селькупского языка и является топонимической основой лимнонимов Барун-Торей и Зун-Торей (букв. ‘Западный Торей’ и ‘Восточный Торей’) в озерной системе уникального биосферного заповедника «Даурский» на территории Ононского района, а также довольно многочисленного ряда региональных топонимов на *тор*-/*тур*-.

Первый разряд таковых представляет собой довольно частотный квантитативный ряд с основой *то*-/*тор*-, образующей следующие топонимы: р. Тара, р. Тараканица, р. Бол. Тараха, р. Мал. Тараха, оз. Тарханова, р. Бол. Тора, р. Мал. Тора, р. Торочан, оз. Барун-Торей, оз. Зун-Торей, р. Тура, с. Бол. Тура, с. Мал. Тура, р. Туров, п. Туроканда, п. Туруктаиха, п. Туракино, оз. Тополькoвое, р. Тыргывкен, оз. Дурбачи и т.д. В основе всех этих топонимов разного класса находится самодийский «озерный» термин *то*/*ту* ‘озеро’, который аналогичен терминам других уральских языков: *tò* (венг.); *tō* (манс. тавд.); *tō* (ненец.) [см.: Матвеев 2002: 190]. Причем следует отметить, что среди приведенного иллюстративного топонимического ряда часть прямо этимологизируется как из селькупского, так и из ненецкого языка от терминированных основ сельк. *то*/*ту* ‘озеро’ и ненец. *tō*.

С определенной осторожностью можно соотнести топоосновы на самодийские лимнологические термины сельк. *то*/*ту* ‘озеро’, ненец. *tō* с озерным топоформантом *-тор* (*-дор*) < *tor*~*tūr* < *tūrз* ‘озеро’ (праманс.) [Honti 1982: 139; Смирнов 1996: 59]. Как отмечают исследователи «появление *-ō*-/*-о*- на месте прамансийского *ū* является характерной южно-мансийской чертой. Зафиксированная форма *-тур* может быть вызвана воздействием соседних западно-мансийских говоров» [Там же]. В отношении же региональной топонимии выделение топоосновы *тур*- в ряде субстратных топонимов обусловлено наличием северно-самодийского языкового субстрата.

Следующий ряд топономастической лексики Восточного Забайкалья связан с северно-самодийскими лимнологическими терминами.

Нганасанское терминированное *туркy* ‘озеро’ явилось топоосновой для следующих топонимов: р. Турга, с. Турга, с. Турген, п. Туркакича, п. Туруктаиха, р. Тургутуй – пр. р. Ингода (Крм.), оз. Турга (Чтн.), р. Туркакича, Тыргывкен, оз. Дурбачи, с. Дурбачи (исчез. Брз.) и пр. Попутно отметим, что наличие топонимов разных разрядов, включая и гидронимы, и ойконимы, и оронимы, обусловлено общепринятой в региональной топонимике спецификой «перехода» именования одного географического объекта на другой. Таким образом, первичное гидронимное или лимнонимное название становится именем собственным и пади, и поселения.

Определенный интерес вызывают географические реалии северных рек бассейна Чары. Реки Большая Тора, Малая Тора, Торочан берут свое начало с Кодарского хребта, стекают из расположенных на хребте маленьких озерков. В этом случае можно говорить о типичном примере лексико-семантического сдвига – перехода семантики одного географического объекта на другой (озеро → река) – случай, достаточно распространенный в топонимике.

Ряд названий, относящихся предположительно к субстратным самодийского языкового происхождения, обнаруживает в своей основе наличие термина селькупского языка лимнологического характера *тьвэр~чвор* ‘озеро с истоком’: Шеварца, р. – л. пр. р. Горбица, Шивырна, р. – л. пр. р. Цагашкина, Нижний Шиверчей, п. (Шлк.), Верхний Шиверчей, п. (Шлк.), Шовырна, п. (Срт.), Шовырна, п. – (Шлк.), Шавары, руч. – л. пр. р. Ингода и пр. Причем следует заметить, что распространенность гидронимических названий типа *Шивыр*, *Шивертуй* по всей территории Забайкалья может свидетельствовать о трансферентно-интерферентном характере образования данных названий. Если иметь в виду, что в бурятской топонимии, имеющей ареальную обусловленность, встречаются названия как, например, р. Шивыртуй, где бурятская топооснова *шивыр-* + *-туй* трактуется буквально как ‘место / река с низменной, сырой местностью’, обнаруживая постепенный переход исходного селькупского термина в язык-«приемник», то топонимы типа Шивыр или Шибирь, распространенные как внутри, так и вне территории компактного проживания бурят, иллюстрируют наличие самодийского субстрата.

Это явление очевидно на примере микротопонимических названий, обнаруживающих наличие явлений конвергентного характера,

опосредовавшего процесс уже трансферентного характера, объясняющего во многом наличие синхронических коррелятов бур. *шэбэр* ‘низкое место с чащей, густым непроходимым лесом; болото (в лесу)’ с селькупским *чвор~чьвор~чьвэр~тьвэр* ‘большое озеро с истоком; место, покрытое кустарником и затапливаемое водой; узкое длинное озеро; старое русло реки, старица; протока в пойме реки’. На основании этого наблюдения топонимы типа Зун-Шэбэртуй, оз. (Брз.), Шевертуй, п. (Он.), Шивырсутуй, п. (Он.), Ехэ-Шэбэр, р. – пр. пр. р. Кыра, Шэбэртуй Балыринский, р. – л. пр. р. Былыра (Крн.), Шэбэртуй, д. (Крн.), Шивырты, п. (Акш.), Убур-Шивыр, п. (Акш.), Арин-Шивыр, п. (Акш.), Большие Шиварчи, п. (Шлк.), Малые Шиварчи, п. (Шлк.), Шивертей, п., кур. Шиванда (Шлк.), Олон-Шивыр (Хлк.) и пр. с равным успехом можно отнести как к суперстратным, так и к субстратным. Более вероятно последнее предположение в отношении топонимов с термином *шивыр* в своей основе и распространенных в Шилкинском, Сретенском районах, которые имеют право быть отнесенными к субстратным. В районах с бурятским населением встречаются топонимы с характерным бурятским аффиксом *-туй*, что, впрочем, также не исключает и версии об их субстратном происхождении.

Таким образом, сопоставительный аспект географической терминологии как основы топономастической лексики в целом позволяет и исследователям других наук ставить вопрос о наличии и самоедоязычного компонента в том числе. Приведем слова выдающегося филолога Ц. Б. Цыдендамбаева: «Следовательно, хоринцы хорошо помнили, что название “бурят” закрепилось за ними лишь с XVII века. Отсюда становится понятным, почему устная традиция не могла отнести хоринцев непосредственно к бурятам, а предпочла связать их узами братства. Это по-народному мудро в том отношении, что, в конечном счете, дело ведь не столько в названии, сколько в прохождении в идентичных условиях исторического процесса обурячивания теми компонентами, которые потом составили бурятскую народность» [Цыдендамбаев 1972: 292].

Полагаем, в этой связи будут более понятными слова хоринского летописца Т. Тобоева: «Они откочевали на реки Итанца и Кудара, а оттуда перекочевали и расселились по берегам Байкала и острову Ольхону. Вследствие того, что поблизости существует издревле находившийся на северной и южной стороне Байкала народ, по имени бу-

ряты, они стали, в подражание им, называться русским наименованием буряты одиннадцати родов хоринских» [Бурятские летописи 1995: 7]. Следовательно, современные ономастические результаты Восточного Забайкалья позволяют вполне оправданно и доказательно предполагать о наличии и самодийского компонента в этногенезе бурят.

Список сокращений

Агн. – Агинский район
Алкс.-Звд. – Александрово-Заводский район
Акш. – Акшинский район
Бл. – Балейский район
Брз. – Борзинский район
бур. – бурятский
вас. – васюганский диалект селькупского языка
венг. – венгерский язык
Газ.-Звд. – Газимуро-Заводской район
Длд. – Дульдургинский район
кет. – кетский диалект селькупского языка
Клр. – Каларский район
Клг. – Калганский район
Крм. – Карымский район
Крснк. – Краснокаменский район
Крснч. – Красночикойский район
Крн. – Кыринский район
Мгт. – Могойтуйский район
Мгч. – Могочинский район
ненец. – ненецкий
Нрч. – Нерчинский район
об. – обский диалект селькупского языка
Олв. – Оловяннинский район
Он. – Ононский район
П.-Збк. – Петровск-Забайкальский район
праманс. – прамансийский язык
Прг. – Приаргунский район
сельк. – селькупский
Срт. – Сретенский район
тавд. манс. – тавдийский диалект языка манси
Тнг. – Тунгокоченский район
Тнг.-Олкм. – Тунгиро-Олекминский район
Улт. – Улетовский район
Чтн. – Читинский район
Чрнш. – Чернышевский район
Хлк. – Хилокский район
Шлк. – Шилкинский район
Шлп. – Шелопугинский район

Литература

Беккер Э. Г. О некоторых селькупских географических терминах // Вопросы географии. М.: Мысль, 1970. С. 71–88

Буряад-ород словарь = Бурятско-русский словарь / сост. К. М. Черемисов. М.: Сов. энцикл., 1973. 804 с.

Бурятские летописи / сост. Ш. Б. Чимитдоржиев, Ц. П. Ванчикова. Улан-Удэ, 1995. 198 с.

Древнетюркский словарь / под ред. В.М. Наделяева [и др.]. Л.: Наука, 1969. 676 с.

Матвеев А. К. Субстратные лимнонимы Русского Севера и происхождение названия озера в финских языках // Финно-угорское наследие в русском языке. Екатеринбург, 2002. С.190–194.

Молчанова О. Т. Структурные типы тюркских топонимов Горного Алтая. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1982. 256 с.

Монгол-орос толь = Монгольско-русский словарь / под общ. ред. Лувсандэндэва. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1957. 715 с.

Ненецко-русский словарь / сост. Н. М. Терещенко. М.: Сов. энцикл., 1965. 942 с.

Рассадин В. И. Очерки по исторической фонетике бурятского языка. М.: Наука, 1982. 199 с.

Селькупско-русский диалектный словарь / под ред. В. В. Быконя. Томск: Изд-во ТГПУ, 2005. 348 с.

Словарь нганасанско-русский и русско-нганасанский / сост. Т. Ю. Жданова, Н. Т. Костеркина, А. Ч. Момде. СПб: Просвещение, 2001. 125 с.

Смирнов О. В. Субстратная мансийская топонимия в горной части Среднего Урала: сб. науч. тр. // Ономастика и диалектная лексика. Екатеринбург, 1996. С. 51–73.

Цыдендамбаев Ц. Б. Бурятские исторические хроники и родословные (историко-лингвистическое исследование). Улан-Удэ, 1972. 662 с.

Honti L. Geschichte des obugrischen vokalismus der ersten Silbe. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1982. 227 p.

Е. В. Сундуева
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
г. Улан-Удэ, Россия
sundueva@mail.ru

ЛЕКСИЧЕСКАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ УДИВЛЕНИЯ В МОНГОЛЬСКИХ ЯЗЫКАХ

Статья посвящена рассмотрению семантики эмотивов, называющих такую базовую эмоцию, как удивление в монгольских языках. Целью данной работы является установление возможных мотивов номинации в эмотивах удивления. Выявлено, что большая часть глаголов, называющих удивление, восходит к изобразительным словам, а именно к образным словам, отображающим внешний вид удивленного человека, его глаз, рта, а также к звукоподражаниям, сопутствующим экспликации эмоции. Это говорит о том, что номинация удивления происходила не на основе внутренних ощущений удивляющегося человека, а на основе зрительного восприятия данного человека со стороны, т. е. третьего лица.

Ключевые слова: монгольские языки, глагол, существительное, эмоция, семантика, основа, номинация, восприятие.

E. V. Sundueva
Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Ulan-Ude, Russian Federation

LEXICAL REALIZATION OF SURPRISE IN MONGOLIAN LANGUAGES

The paper is devoted to the semantics of emotives referring to such a basic emotion as surprise in the Mongolian languages. The purpose of this work is to reveal possible motives for the nomination in the emotives of surprise. It has been revealed that most of the verbs naming surprise go back to figurative words, namely to words reflecting the appearance of a surprised person, his eyes, mouth, as well as to onomatopoeias accompanying the explication of emotion. This suggests that the nomination of surprise occurred not on the basis of the inner feelings of the surprised person, but on the basis of the visual perception of this person from the outside, i.e. a third person.

Keywords: Mongolian languages, verb, noun, emotion, semantics, stem, nomination, perception.

Данная работа посвящена выявлению мотивов номинации в глаголах, обозначающих удивление в монгольских языках. Удивление как эмоция, испытываемая субъектом в связи с несовпадением его ожиданий и объективной реальности, относится к нейтральным эмоциям, поскольку оно может оно может быть и приятным, и неприятным, положительным или отрицательным.

П.-монг. *γayiqaqu* имеет значение ‘удивляться, быть изумлену’ [Kowalewski 1849: 976], монг. *гайхах* ‘удивляться, изумляться, поражаться’. У бурятского глагола *гайхаха*, помимо ‘удивляться, изумляться’, есть второе, также эмотивное значение ‘стесняться, совеститься’. В толковании калм. *һәәхх* отсутствует эмотивная сема, указано лишь ‘смотреть, глядеть’, хотя в адъективной форме она присутствует: *һәәхм* ‘удивительный, изумительный, чудесный’. Приведенные в словаре О. М. Ковалевского формы *γai γui* ‘шум, крик *спорящих*’, *γai čui* ‘крик, шум, гам’ [Ibid.: 975], а также монг. *гай гүй* ‘гвалт, шум’ позволяют предположить, что глагол *γayiqu qu* мог иметь звуко-

подражательное происхождение, о чем также свидетельствует значение монг. *гайхах* ‘ахать от удивления, восхищения’. Состояние изумления часто сопровождается резким выдохом, который и мог выражаться с помощью звукокомплекса *уayi*. Хотя возможен и продолжительный вдох, отраженный в бур. *хоолзуур тамаха* ‘ахать от удивления’. Глагол *уayiqaqu* заимствован в тюркские языки [Рассадин 1980: 30, 35], при этом в тувинском языке семантика гла-гола *кайга-* содержит взаимодействие созерцания и удивления: *кайгаар* ‘удивляться; смотреть пристально, в упор’ [Чертыкова 2018: 111]. В «Этимологическом словаре монгольских языков» в качестве возможной параллели дается маньчжурский глагол *уayiqa-* ‘разглашать, прославлять, распускать слух’ [ЭСМЯ II: 24], который также может восходить к звукоподражанию.

Вызывает интерес глагол бур. *тагнаха*, который используется в паре с глаголами *гайхаха* ‘удивляться’, а также *магтаха* ‘восхвалять’ и *агнаха* ‘охотиться’: *Таниһан нюур хараһандаа гайхан тагнан ябажа, Должон дары хойноһоонь гудамжада гараба* (Ц. Дон) [Бурятский корпус] ‘Удивляясь увиденному знакомому лицу, Должон тут же вышла на улицу’ [перевод наш. – *Е. С.*]. В случае с *агнаха* ‘охотиться’ можно предположить, что компонент *тагнаха* присоединяется в результате рифмованного повтора, но при этом семантически подходит и его основное значение ‘разведывать, разузнавать’. Что же касается первых двух глаголов, то выбор компонента *тагнаха* выглядит не случайным и при этом далеким от ‘разведки’. Как отмечает Л. Д. Бадмаева, компонент *тагнаха* в парном слове *гайхаха тагнаха* имеет несколько значений, среди которых, значение ‘разузнавать’ свидетельствует непосредственно о ментальном / мыслительном действии [2025: 3]. Можно предположить и заимствованный характер лексемы из тюркских языков *таŋла-* ‘удивляться, поражаться’ [Древнетюркский словарь 1969: 533].

Семантическая связь между удивлением и восхвалением, возможно, кроется в том, что корень глагола **tang* (*tangnaqu* → *тагнаха*) также дал п.-монг. *tangnai, tanglai* ‘нёбо во рту’ [Kowalewski 1849: 1563], монг. *тагнай*, бур. *тангалай*, калм. *таңна* ‘твердое небо’. Глагол *тагнаха* мог иметь значение ‘щелкать, цокать языком *от удивления или при восхвалении*’, как в монг. *тамшаах*, бур. *тамшааха*, калм. *тамшах* ‘щелкать языком от удовольствия’. Звукоподражательное значение корня находим в п.-монг. *tang tang* ‘эхо, отголосок’

[Kowalewski 1849: 1563]. Схожий мотив наблюдается в монг. *шагших* ‘дивиться, удивляться, поражаться’ от ‘щелкать языком, чмокать губами *от удивления*’.

В отдельную группу следует выделить образные глаголы, образованные путем зрительного восприятия световых явлений, а именно глаз удивленного человека, поскольку одними из основных признаков эмоции удивления являются широко раскрытые глаза, а также расширение или сужение зрачков. Корень **mel* и его варианты дали бур. *мэлигэр*, *мэльгэн* ‘гладкий, лоснящийся’, бур. *мэлмэгэр* ‘блестящий – *о водной глади*’, монг. *мэлвэлз-* ‘сверкать, блестеть’ и др. Монг. *мэлрэх* ‘столбенеть, окаменевать от удивления’, *нүд мэлрэв* ‘глаза вышли из орбит’ также образован от корня **mel*, который передает крайнюю степень удивления в монг. *мэл гайхаж цэл хөхрөх* ‘смотреть большими глазами, сделать круглые глаза, разинуть рот от удивления, диву даваться’, досл. ‘удивляясь с широко раскрытыми глазами, позеленеть’. Здесь *мэл* и *цэл* выполняют усилительную функцию. Следует отметить, что в целом синий / зеленый цвет (монг. *хөх*, бур. *хүхэ*) соотносится с крайней степенью проявления какой-либо эмоции, чувства, состояния, сопровождаемой побледнением, изменением цвета лица человека. Например, бур. *хүхэ модон болохо* ‘покатываться со смеху’, *хүхэ ханяадан* ‘сильный кашель’, *хүхэ хүлеэлгэн* ‘томительное ожидание’ и др. Корень **melm* дал существительное монг. *мэлмий*, бур. *мэлмы* ‘глаз’.

Бур. *гэлыхэ* ‘удивляться; разочаровываться’, монг. *гөлрөх* ‘обомлеть; поразиться, остолбенеть’ также восходят к «световым» корням. Очевидна образная природа в бур. *гэльбэр-гальбар хараха* ‘потупившись, виновато смотреть’. Глагол бур. *гэлмэхэ* употребляется только в паре с *гайхаха*: *Хүн зон гансата абяагүй боложо, юун болобо гээшэб гэжэ гайхаһан гэлмэһэн нюдөөр бүгэдөөрөө гулваагай зүг тээшэ харашана* (Х. Намсараев) ‘Люди внезапно замолчали и посмотрели в сторону главы удивленными глазами, пытаясь понять, что же произошло’. Следует отметить, что в звукоизобразительных словах гласные *[е], [ö]* передают меньшую интенсивность проявления признака по сравнению с *[а]*.

Однако гласный *[а]* представлен в калм. *алң* ‘удивление, изумление’, *алңтрх* ‘удивляться’. Б. Х. Тодаева приводит парные слова *алаң-җилең*, *алаң-делең* ‘удивление, изумление’ с чередованием, характерным для изобразительной лексики, а также пример из эпоса

«Хаан теңгери», из которого можно предположить, что удивление читается в глазах: *амани аңһаалдажи, нүдени гилеелдәәд алаң-жилен болва* ‘раскрыли рты, заблестели глазами, изумились’ [Тодаева 2001: 25]. Также к данной группе следует отнести калм. *ормах* ‘озираться; удивляться’ (*ормһр* ‘удивленный; выпученный – *о глазах*’). В халхамонгольском языке *ормойх* ‘поднять глаза’ не имеет эмотивного значения.

Т. Р. Душенкова приводит удмуртский глагол *пальмыны* ‘удивиться, изумиться’, который так же восходит к «световому» глаголу *пальмыны* ‘ослепляться *ярким светом*, слепнуть *от яркого света*’. Автор предполагает, что номинация обусловлена зрительным восприятием не глаз, а тем, что приятно удивленный человек расплывается в улыбке, подтверждая однокоренными словами *пальпотон* ‘улыбка’; *пальпотыны* ‘улыбаться’. В другом удмуртском глаголе *долэктыны* ‘уставиться *на кого-л.*; остолбенеть’ прозрачна связь с образным значением глагола ‘отшлифоваться, отполироваться до блеска’ [2015: 89].

В разговорной речи в значении ‘удивляться, поражаться’ употребляется образный глагол монг. *ангайх* ‘разевать рот’, что обусловлено такой реакцией человека, как опущение нижней челюсти. Относительно описания эмоционального состояния третьих лиц О. Е. Филимонова выделяет две пропозиции: эмоциональная реакция и ее причина. При этом важную роль играет внешняя репрезентация эмоционального состояния [2007: 72]. Неэгореференциальное (описывающее эмоциональное состояние третьего лица) описание эмоции «представляется более субъективным и представляет интерес с точки зрения выявления языковых моделей» [Куралева, Павленко, Вьюнова 2023].

Затруднительно выделение мотива номинации в калм. *өврх* ‘изумляться, удивляться’, в языке ойратов Синьцзяна зафиксированы варианты *өверехе* и *өвәәрхе* ‘дивиться, удивляться’, а также парное существительное *өверһен-живерхен* ‘изумление, удивление’ с примером из эпоса «Джангар»: *йамар гүүнәәсе ишме унһан һардаг болва, йамар аавааса ишме көвүүн төрдег болва гэжи өверһен-живерһен* болжи *хәләәжи…* ‘удивленно рассматривали их [хозяина и коня], говоря: – от какой кобылицы может родиться такой жеребенок, от какого отца может родиться такой сын’ [Тодаева 2001: 266, 267], второй компонент которого позволяет предположить образную семантику первого.

К производным глаголам удивления относится п.-монг. *ǰiglekü* ‘показывать удивление при виде чего-л.’ [Kowalewski 1849: 2358], образованный от *ǰig* ‘странность, особенность, достопамятность’ [Ibid.: 2351], в современных языках уже другие значения: монг. *жиглэх* ‘прикидываться непонимающим; вести себя нагло’, бур. *жэглэхэ* ‘притворяться, симулировать’. Монг. *хачирхах* ‘дивиться, удивляться’ образован с помощью аффикса *-рха* от прилагательного *хачин* ‘странный, удивительный’. В баргузинском говоре бурятского языка *һонирхохо* ‘интересоваться’ может выступать в значении ‘удивляться’: *Тэрээни эндэ хараад ехээр һонирхаан гээшэмши* ‘Увидев его здесь, вот уж я удивилась’.

Таким образом, большая часть глаголов, называющих удивление, восходит к изобразительным словам, а именно к образным словам, отображающим внешний вид удивленного человека, его глаз, рта, а также к звукоподражаниям, сопутствующим экспликации эмоции. Это говорит о том, что номинация удивления происходила не на основе внутренних ощущений удивляющегося человека, а на основе зрительного восприятия данного человека со стороны, т. е. третьего лица. Вероятно, это связано с кратковременностью данной эмоции, порою через долю секунды сменяющейся страхом, радостью или замешательством. Выявление мотивов номинации эмоций в целом позволяет пролить свет на особенности восприятия мира монгольскими народами.

Литература

Бадмаева Л. Д. Основные структурно-семантические особенности средств выражения удивления в бурятском [Электронный ресурс] // Российский лингвистический бюллетень. 2025. № 6(66). URL: https://rulb.org/archive/6-66-2025-may/10.60797/RULB.2025.66.23 (дата обращения: 06.10.2025).

Бурятский корпус [Электронный ресурс]. URL: https://buryat.web-corpora.net/buryat_corpus/search (дата обращения: 05.10.2025).

Древнетюркский словарь / авт.-сост. Т. А. Боровкова, Л. В. Дмитриева, А. А. Зырин и др. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1969. 676 с.

Душенкова Т. Р. Понятие *паймон* ‘удивление’ в удмуртском языке // Проблемы марийской и сравнительной филологии. Йошкар-Ола: Марийский гос. ун-т, 2015. С. 87–92.

Куралева Т. В., Павленко Е. А., Вьюнова Е. К. Лингвистическая репрезентация эмоционального состояния «удивление» (на материале американского варианта английского языка) [Электронный ресурс] // Litera. 2023. № 9. URL: https:// nbpublish.com/library_read_article.php?id=38886

Рассадин В. И. Монголо-бурятские заимствования в сибирских тюркских языках. М.: Наука, 1980. 114 с.

Санжеев Г. Д., Орловская М. Н., Шевернина З. В. Этимологический словарь монгольских языков: в 3 т. Т. II. G–P. М.: ИВ РАН, 2016. 232 с.

Тодаева Б. Х. Словарь языка ойратов Синьцзяна (По версиям песен «Джангара» и полевым записям автора). Элиста: Калм. кн. изд-во, 2001. 493 с.

Филимонова О. Е. Эмоциология текста. Анализ репрезентации эмоций в английском тексте. СПб.: ООО «Книжный дом», 2007. 448 с.

Чертыкова М. Д. Хакасский глагол *хайха-* ‘удивляться’ и его семантические параллели в тюркских языках Южной Сибири и в монгольском языке // Сохранение и развитие языков и культур коренных народов Сибири: материалы II Всероссийской науч.-практ. конф., Абакан, 24–25 мая 2018 г. Абакан: Хакасский гос. ун-т им. Н. Ф. Катанова, 2018. С. 108–114.

Санжеев Г. Д., Орловская М. Н., Шевернина З. В. Этимологический словарь монгольских языков. Т. 2. G–P. М.: ИВ РАН, 2016. 229 с.

Kowalewski J. E. Dictionnaire mongol-russe-français. Kasan: Imprimerie de l’Université, 1849. V. I–III. 2690 p.

Ю. Д. Абаева
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
Улан-Удэ, Россия
julaba@yandex.ru

СИНТАКСИС И ИНТОНАЦИЯ ЭМОТИВНЫХ ВЫСКАЗЫВАНИЙ БУРЯТСКОГО ЯЗЫКА

В статье рассмотрено использование синтаксических фигур в эмоциональной бурятской речи во взаимодействии с интонацией. Материал исследования получен методом сплошной выборки из аудиопостановок на бурятском языке, озвученных профессиональными артистами. Было выявлено употребление следующих фигур речи: различные виды повтора, эллипсис, инверсия, парцелляция, риторический вопрос, вопросо-ответная конструкция в монологической речи. Анализ просодических характеристик этих высказываний показал, что интонация вступает во взаимодействие с синтаксическими средствами и усиливает эмотивный компонент высказывания. Так, для повтора характерно сходное мелодическое оформление повторяющихся компонентов (фраз, слов, отмеченных повторяющимся аффиксом или примыкающим к нему служебным словом), либо увеличение интонационных параметров на повторяющемся компоненте для интенсификации эмоционального воздействия на собеседника. Инверсия, которая часто выражается в изменении тема-

рематической организации фразы, влечет за собой модификации мелодического контура: первая часть высказывания оформляется более ярким интонационным рисунком, является носителем маркера коммуникативной направленности высказывания, что является характерным для ремы, вторая же часть высказывания (тема), произносится практически безакцентно.

Ключевые слова: синтаксические фигуры речи, интонация, эмотивные высказывания, бурятский язык.

Yu. D. Abaeva
Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Ulan-Ude, Russian Federation

STRUCTURE AND INTONATION OF EMOTIVE PHRASE IN THE BURYAT LANGUAGE

This article is devoted to the usage of syntactic figures in emotional Buryat speech in interaction with intonation. The research material was obtained from performances in the Buryat language, voiced by professional artists. The use of the following figures of speech were revealed: various types of repetition, ellipsis, inversion, parcellation, rhetorical questions, and question-and-answer constructions in monologue speech. An analysis of the prosodic characteristics of these utterances revealed that intonation interacts with syntactic means and enhances the emotive component of the utterance. Thus, repetition is characterized by a similar intonation of repeating components (phrases, words marked by a repeating affix or an adjacent function word), or an increase in intonation parameters on the repeating component to intensify the emotional impact on the interlocutor. Inversion, which often manifests itself in a change in the theme-rhematic organization of a phrase, causes a change in the melodic pattern. The phrase accent and the marker of the communicative type of the utterance, characteristics of the rheme, are transferred to the first part of the utterance, while the final part of the utterance, the theme, is pronounced practically in unaccented manner.

Keywords: syntactic figures of speech, intonation, emotive statements, Buryat language.

Язык является многоуровневой сложноструктурированной системой, все элементы которой функционируют во взаимосвязи и взаимодействии. Для формирования той или иной коммуникативной задачи используется комплекс языковых средств, что обуславливает необхо-

димость включения в анализ эмотивных высказываний не только интонации как одного из основных способов передачи эмоций, но также анализ других уровней языка. Цель исследования – выявить основные синтаксические фигуры, свойственные эмоциональной разговорной речи, и их взаимодействие с интонацией. Это позволит, на наш взгляд, более глубоко постичь вербализацию эмоций в устной бурятской речи, а также выявить роль интонации.

Стилистические приемы придания большей выразительности речи исследуются в большинстве работ, касающихся выражения эмоций [Нушикян 1986; Пиотровская 2024; Уафа 2023 и др.]. Фигуры речи для выражения эмоций в бурятском языке исследовались в работе Н. Б. Даржаевой [2021; 2022]

Материал исследования был получен методом сплошной выборки эмоциональных высказываний из аудиопостановок на бурятском языке опубликованных на сайте www.soyol.ru. Источником послужили произведения бурятских авторов, озвученные профессиональными дикторами, а также аудиоспектакль Баярмы Жалсановой «Я уеду в Тибет», отражающий реалии современной жизни, насыщенный эмоциональными диалогами. Дикторы – профессиональные актеры бурятского драматического театра, передают живую речь максимально приближенно к естественному звучанию. Кроме того, были использованы примеры из наблюдений за повседневной разговорной речью носителей языка.

В результате выборки был получен корпус эмоционально насыщенных высказываний, оформленных разговорной интонацией, состоящий из 230 фраз. Первоначально аудиофайлы были подвергнуты слуховому аудиторскому анализу на естественность звучания, затем их акустические характеристики были исследованы при помощи программ Praat[1] и Speech Analyzer[2].

Под влиянием эмоций в речи происходят определенные изменения, такие как нарушения грамматической структуры, повторения, риторические вопросы и др. Такие стилистические приемы, передающие повышенные эмоции говорящего, усиливающие воздействие на адресата, принято называть фигурами речи. Они представляют собой «стилистически значимые построения синтаксических единиц (изме-

[1] https://praat.org/

[2] https://software.sil.org/ru/speech-analyzer/

нение количественного состава конструкции или изменение расположения ее частей), которые используются для усиления выразительности (экспрессивности) речи» [Рябкова 2020: 180]. Их можно классифицировать как фигуры убавления (эллипсис, асидентон и др.), фигуры добавления (повтор и др.), фигуры расположения (инверсия, параллелизм, парцелляция и др.). В исследуемом материале нами были выявлены следующие фигуры, характерные для эмоциональной разговорной речи, в их взаимодействии с интонацией:

Повтор. В эмоциональной речи часто встречается повторение какого-либо члена предложения, словосочетания, части высказывания в пределах одной речевой единицы. Синтаксические повторы устанавливают связь между повторяющимися единицами и тем самым выражают эмоции говорящего, демонстрируют неизменность, постоянство овладевшего говорящим чувства помогают убедить слушающих, оказать эмоциональное воздействие. Нами выявлены следующие виды повторов:

целой фразы: *Айнагүш? Зай, яахаб даа! Айжал бай! Айжал бай!* ‘Боишься? Ну что поделаешь? Бойся, бойся!’;

одного слова: *Би оло дахин бодожо үзөөб! Ходо л бодожо байнаб!* ‘Я много раз думал! Все время думаю!’;

отдельных слов или структурных особенностей реплики собеседника.

– Тархи соошни ямар бодолнууд бэ оройдоош ойлгоногүйб!

– Миниий тархи соо балай һайн юумэн үгүй!

– Харин би тэрээндэ юу үзүүлэхэ һэн биб? Гансаараа!

– Юундэ гансаараа?! Би байна ха юм биб!

‘– Что за мысли у тебя в голове, никак не пойму. – Особо ничего хорошего в голове моей нет! – Что бы я ему дала? Одна! – Почему одна? Я же есть!’

Опорная реплика несет ядро информации, которая получает свое развитие, обобщение, усиление, эмоциональную реакцию в реплике-повторе.

Синтаксическое повторение может быть представлено анафорическими и эпифорическими конструкциями и наполнено параллелизмом: *Үгы, намда иигэжэ туһалаха хэрэггүй! Ямаршье больница хэрэггүй! Ямаршье марафонууд хэрэггүй! Ши өөрөө тэрэ больница орожо үзөө гүш? Убшэнтэнше хараа гүш?* ‘Нет, мне такая помощь не нужна! Никакие марафоны не нужны! Ты сам в этой больнице была? Сама больных видела?’.

Повторены могут быть и служебные слова и отдельные части слова: *Хайшаашье ошохогүйб! Ямаршье хүгшэдэй хамтын байра! Намда юуншье, хэншье хэрэггүй!* ‘Никуда не поеду! Никаких домов престарелых! Мне никто не нужен и ничего не нужно!’. Здесь активное употребление уступительной частицы *шье* создает определенный ритмический рисунок фразы, выделяет важные в смысловом отношении слова, и тем самым подчеркивает категоричность принятого решения.

Нерчинскэдэ байхадам, звониихэ, бэшэг бэшэхэ, яаха дэ-э! ‘Когда я жила в Нерчинске, он звонил, писал, чего только не делал’. Повтор глагольных форм с аффиксом *-ха* использован как стилистический прием для выражения частотности и длительности действия. Эти слова также выделены интонационно. Контекст данного высказывания в том, что женщина рассказывает, как настойчиво ее будущий муж добивался ее внимания.

Повтор выражается не только в лексике и синтаксисе, но и в интонационном оформлении повторяющихся компонентов. Так, для параллельных конструкций характерно сходное интонационное оформление. Слова же, выделенные повтором морфологических компонентов и примыкающих к ним частиц, получают акцентное выделение, что усиливает воздействие на собеседника.

При сходном интонационном оформлении, один из повторяющихся элементов может быть оформлен более ярко интонационно. Например, в фразе *Айжал бай! Айжал ба-ай!* Второй компонент произносится с затягиванием гласного, что еще более усиливает эмоциональное воздействие на собеседника, передает ощущение неотвратимости, невозможности избежать это чувство.

Эллипсис. В эмоциональной речи пропуск каких-либо элементов высказывания используется для придания динамичности. Опущенные компоненты высказывания могут быть легко восстановлены из контекста. Такой прием придает лаконичность и яркость, выделяет главный эмоциональный посыл.

Опущение подлежащего: *(Ши)Үһэеэ тайраагши?!* ‘Волосы подстригла?!’

(Эжыниинь) Зөөлэн сэдьхэлтэй хүн байгаа даа! ‘Добрый был человек!’

Опущение сказуемого: *Һабарай түрүүшын бороо (ороно)…* ‘Первый весенний дождь (идет)…’

Би шинии эжыеш һананаб, Николаша. Шамайешь һургуулиин байхадаш (һананаб) ‘Я мать твою помню, Николаша. И тебя школьником (помню)’.

Инверсия. Говорящий ставит на первое место тот элемент, который кажется ему наиболее важным. Инвертированный порядок слов позволяет говорящему вынести на первый план основной посыл сообщения, тем самым усилить эмоциональное воздействие на адресата. В структуре бурятского и, шире, монгольского предложения, где предикат занимает финальную позицию, вынесение его в начало высказывания позволяет сделать основной акцент на действии, как можно скорее побудить адресата к его выполнению: *Угы теэд, хаагыш тэрэ үүдээ!* ‘Ну закрой же ты эту дверь!’, *Орхигты энэ үхибүү!* ‘Оставьте этого ребенка!’, *Хэндэ мүнөө хэрэгтэйб минии ажа амидарал?* ‘Кому теперь нужна моя жизнь?’ Вынесение предикативной части риторического вопроса в начальную позицию акцентирует никому ненужность, неприкаянность говорящего.

Хумхаараагши, трубка абахаүй?! ‘С ума сошла, трубку не брать?’ В данном высказывании говорящий меняет местами компоненты бессоюзного сложного предложения. Компонент, вынесенный в начало, призван передать крайнюю степень возмущения говорящего, второй же компонент как менее эмоционально насыщенный служит объяснением причины отрицательной эмоциональной реакции говорящего.

Инверсия оказывает значительное влияние на интонационный контур фразы. При таком расположении компонентов высказывания на первый план выходит рема, несущая основной интонационный акцент. Ее интонация характеризуется высоким регистром произнесения, увеличенным диапазоном изменения тона, резкими изменениями его высоты, убыстренным или наоборот замедленным темпом, повышенными динамическими показателями. Направление движения тона зависит от коммуникативной направленности рематической части высказывания: обычно восходящий тон в вопросе и просьбе, нисходящий в повествовании и приказе. Тема же, располагающаяся в заключительной части высказывания, оказывается лишенной явного интонационного оформления, произносится практически безакцентно, имеет сглаженный мелодический рисунок.

Парцелляция. Деление связанного текста на несколько пунктуационно и интонационно обособленных отрезков образует эмотивные предложения, усиливает смысловые и эмоциональные оттенки компонентов высказывания.

Энэ миний хүбүүн. Хилын саана, Америкада байдаг. Хоёр хүүгэдтэй! Американ һамгатай. Хуу юумэниинь һайн! ‘Это мой сын. Живет за границей, в Америке. Двое детей! Жена американка. Все у него хорошо!’ В данном случае такой прием передает особую гордость матери за сына.

Вопросо-ответные конструкции в монологической речи. Характерны для аффективной речи, реализуемой в состоянии эмоционального напряжения. Это один из способов синтаксического расчленения текста и повышения его экспрессивности. Первая часть такой конструкции, вопросительная, представляет собой развернутую тему, а вторая, ответная, является ремой. Такие высказывания характеризуются функциональной избыточностью, так как в нейтральной речи они могут быть реализованы в пределах одного высказывания. Интонационно они оформляются как самостоятельные высказывания: первая часть восходящим тоном, а вторая, как носитель основной информации – нисходящим тоном с различными эмотивными модуляциями.

Тэндэтнай юун хубилааб? Юушье хубилаагүй! ‘Что там у вас изменилось? Ничего не изменилось!’ *Хохор болоо хадаа юушье харанагүй гэжэ һананабта? Харана-аб!* ‘Раз я ослепла, думаете ничего не вижу? Ви-ижу!’

Риторический вопрос. Это высказывания, формально имеющие структуру вопроса, однако не выражающие вопросительного значения. Его еще называют утверждением или отрицанием в форме вопроса. Такие не требующие ответа собеседника высказывания обычно несут в себе эмоциональный заряд [Нушикян 1986: 36]. Например: *Юун боложо байнаб?!* Коммуникативная цель данного высказывания не в том, чтобы узнать, что происходит, а в том, чтобы выразить недовольство происходящим и остановить нежелательное поведение.

Яатараа шууянабша?! Здесь также не имеется цели выяснить степень производимого шума, а указать на то, что поведение собеседника выходит за рамки приличия. *Хайшаа аһалданаш!* ‘Куда лезешь?!’ Высказывание хотя и имеет структуру специального вопроса с вопросительным словом *хайшаа* ‘куда’, однако его коммуникативная задача состоит не в том, чтобы выяснить направление действия, а в желании эмоционально остановить оппонента.

Интонация таких высказываний имеет рисунок сходный с интонацией вопроса, однако по ряду параметров отличается от нее: увеличенным тональным диапазоном, ускоренным или наоборот замедленным темпом, появлением добавочного акцента.

К это же группе можно отнести *риторическое восклицание.* Например: *Ямар гоёб!* ‘Как красиво!’, *Ямар хашартайб!* ‘Как надоело!’ Хотя высказывания структурно идентичны, а также имеют сходное строение с вопросительным высказыванием, интонационно они отличаются как от вопроса, так и друг от друга. Их интонация находится в прямой зависимости от смысла высказывания. Первое высказывание, выражающее положительные эмоции, имеет плавновосходящий тональный рисунок на первом слове, второе же слово произносится с небольшим понижением или ровным тоном. Темп высказывания средний, со стремлением к затягиванию звуков. Второе высказывание, выражающее отрицательные эмоции, характеризуется более резкими изменениями как восходящей, так и нисходящей ветви, с ускоренным темпом произнесения.

Таким образом, для разговорной эмоциональной бурятской речи характерно активное употребление синтаксических фигур речи, которые во взаимодействии с особой эмотивной интонацией, выражают повышенную эмоциональность говорящего. Как видим, в данном случае не действует «принцип замены», выдвинутый А. М. Пешковским [Пешковский 1959]. При наличии эмотивных средств синтаксического уровня, интонация не становится избыточным компонентом, а напротив, вступая во взаимодействие с фигурами речи, усиливает эмотивную окраску высказывания.

Литература

Даржаева Н. Б. Синтаксические средства выражения эмоций в бурятском языке // Культура Центральной Азии: письменные источники. 2021. № 14. С. 89–97.

Даржаева Н. Б. Средства выражения и усиления эмоциональности в бурятском языке // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2022. № 1(35). С. 9–18.

Нушикян Э. А. Типология интонации эмоциональной речи. Киев – Одесса: Вища школа, 1986. 160 с.

Пешковский А. М. Интонация и грамматика. Избранные труды. М.: Госучпедгиз, 1959. С. 177–191.

Пиотровская Л. А. Интонация в речевой деятельности. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2024. 168 с.

Рябкова Н. И. Основы культуры русской речи: учеб. пособие. М.; Берлин: Директ-Медиа, 2020. 311 с.

Уафа Л. Э. Репрезентация эмотивности в современном англо- и русскоязычном политическом дискурсе: вербальные и невербальные способы: автореф. дис. … канд. филол. н. Краснодар, 2023. 27 с.

Равжир Сарангэрэл
Монгол Улсын Боловсролын Их Сургууль
Улаанбаатар, Монгол Улс
sarangerel.r@msue.edu.mn

МОНГОЛ ХЭЛНИЙ НУТГИЙН АЯЛГУУНЫ ҮГИЙН САНГ ХЭЛНИЙ ХАРИЛЦАН НӨЛӨӨЛЛИЙН ҮҮДНЭЭС АВЧ ҮЗЭХ НЬ
(торгууд аман аялгууны жишээн дээр)

Аливаа хэл аялгуу хэрэглэгч улс гүрэн, үндэстэн ястны нийгэм, улс төр, газар нутгийн олон хүчин зүйлийн нөлөөгөөр хэлний харилцан нөлөөлөлд орж байдаг. Хэлний харилцан нөлөөллийн улмаас гадаад хэлний үг тухайн хэлний үгийн санд бичгийн болон ярианы хэлбэрээр орж ирдэг. Тус илтгэлд монгол хэлний нутгийн аялгууны үгийн санг нийгэм хэл шинжлэлийн үүднээс судалж, хэлний харилцан нөлөөллийн улмаас нутгийн аялгууны зарим үг хэллэгийн гарал ирэлийг тодруулан, зарим үгсийн газар нутгийн тархац ба авианы хувьслыг судалж, нутгийн аялгууны үгсийг нийгэм угсаатны зүйн үүднээс авч үзэн тухайн аялгуугаар яригч хүмүүсийн хэлний зохицол, аялгууны хувьсах шинж, хөгжил-хувьслын хэлний ба хэлний бус шалтгаан, газар нутаг, нийгэм эдийн засгийн байдал, аялгууны хувьсал ба эрлийзжсэн (завсрын) аман аялгуу үүссэн байдлыг тодруулах үүднээс торгууд аман аялгууны жишээнд тулгуурлан тайлбарлана.

Түлхүүр үг: монгол хэл, нутгийн аялгуу, үгийн сан, хэлний харилцан нөлөөлөл, торгууд аман аялгуу.

Ravjir Sarangerel
Mongolian National University of Education
Ulaanbaatar, Mongolia

THE VOCABULARY OF LOCAL TRAVELLING IN THE MONGOLIA LANGUAGE DRAWN FROM THE PATH OF LINGUISTIC RELATIONSHIP
(on example of the Torguud dialect)

Languages and dialects undergo language contact shaped by various social, political, and geographical factors within the societies and ethnic groups that use them. As a result of such language contact, foreign words enter a given

language's vocabulary in both written and spoken forms. This paper examines the vocabulary of Mongolian dialects from a sociolinguistic perspective, tracing the origins of certain dialectal words and expressions in the context of language contact. It further investigates the geographical distribution and phonetic variation of selected words. In addition, by considering dialectal vocabulary from a socio-ethnographic standpoint, the study elucidates linguistic accommodation among speakers, the variable features of dialects, and the linguistic and non-linguistic causes of dialectal change and evolution. Finally, with reference to the Torguud subdialect, it discusses how regional, socio-economic conditions have influenced dialectal transformation and the emergence of hybrid (intermediate) subdialect forms.

Keywords: Mongolian language, dialects, vocabulary, language contact, torguud dialect.

Монгол угсаатны хэл аялгууг халх, ойрад, буриад, өвөрлөгч гэсэн үндсэн дөрвөн хэл аялгуунд хуваан авч үздэг бөгөөд монгол хэлний утга зохиолын суурь аялгуу нь халх аялгуу юм.

Халх аман аялгуу нь бусад монгол хэл аялгуунуудад хадгалагдан үлдсэн гол онцлог шинжүүдийг туулан өнгөрч, олон талаараа монгол хэлний хөгжлийн хамгийн сүүлчийн баримжаа болж байгаагаараа нэн онцлогтой юм. Нөгөө талаар халхын аман аялгуу нь монголын орчин үеийн үндэсний утга зохиолын хэлний суурь аялгуу нь болж байгаа учир тэр нь орчин үеийн бичгийн хэлний дуудлагын хэм хэмжээ, зөв бичих хэм хэмжээ, хэлний зүйг боловсронгуй болгож, үгийн сангийн цар хүрээг өргөжүүлэн тэлэхэд үндсэн гол материал нь болж байгаа билээ. Монгол үндэсний утга зохиолын хэл бүрэлдэн төлөвших үйл явцад халх аялгууны үүрэг, нөлөө эрс нэмэгдэж ойрад, буриад аялгууны олонх салбар аялгууг эзэлж байгаа дөрвөд, захчин, өөлд, торгууд, ага, хамниган, хори зэрэг салбар аман аялгуу нь төв аялгуундаа шилжин жигдэрч байна. Халх аялгуу монголын үндэсний бичиг зохиолын хэлний суурь аялгуу учраас хамгийн үлгэр жишээ нийтлэг аялгуу болсон бөгөөд бусад аман аялгуу, салбар аман аялгуу нь түүхэн аялгууны хэлбэртэй болж байна. Халх аялгуу нь монгол хэлний эрт эдүгээгийн бичгийн дурсгалуудтай нийлж хэлний хөгжлийн явц, түүхийг тусган харуулахаас гадна хэл шинжлэлийн шийдвэрлэгдээгүй асуудлыг тодруулахад зохих үүрэг гүйцэтгэдэг. Цаашилбал орчин цагийн монгол хэлний үгийн санг баяжуулах, хэлний зүй тогтол, хөгжлийн үе шатыг тодорхойлоход чухал нөлөөтэй.

Монгол хэл, монголын судлал болон монгол хэлний нутгийн аялгууг судлахад монголч эрдэмтэн Я. Шмидт, О. Ковалевский, А. Бобровников, Г. И. Рамстедт, А. Д. Руднеев, Б. Я. Владимирцов, С. А. Козин, Г. Д. Санжеев, Т. А. Бертагаев, В. М. Наделяев нар чухал хувь нэмэр оруулсан. Халх аялгууны материалыг цуглуулж, судалгааны эргэлтэд оруулах ажил XX зууны эхэн үеэс эхэлсэн бөгөөд 1908 онд эрдэмтэн Ц. Ж. Жамцарано, А. Д. Руднеев нар халх ардын аман зохиолыг, 1926 онд Б. Б. Бимбаев халх ардын туулийг, 1932 онд Н. Н. Поппе умард халхын үлгэр, дуу, ерөөл, 1940 онд Л. А. Амстердамская дорнод халхын ардын үлгэр зэргийг авиа зүйн галигаар нийтлүүлсэн байна. Мөн Алексей Бобровников 1849 онд "Монгол халимаг хэл зүй" гэдэг том бүтээл бичиж монгол хэлний авиа зүй болон хэл зүйн үзэгдлийг системтэй харьцуулан авч үзжээ. Эл бүтээлд халимаг хэл аялгууны ярианы үг хэллэгийг монгол бичгийн хэлний дурсгалуудтай харьцуулан судалж монгол хэл судлалын сонгодог зохиол бичсэн юм. А. Бобровниковын энэ бүтээл нь монгол хэлний нутгийн аялгууг түүхэн үүднээс харьцуулан судлах эхлэлийг тавьсан байна.

Г. И. Рамстедтийн дараа академич Б. Я. Владимирцов монгол оронд олон удаа удаан хугацаагаар ирж, эрдэм шинжилгээний судалгаа хийж байсан учраас баруун монгол, ялангуяа ойрад аялгуунд багтах дөрвөд, баяд, өөлд, захчин, торгуудын салбар аман аялгууны талаар тодорхой бүтээл туурвисан байдаг. Үүнээс гадна халх аялгууг мөн түүхэн үүднээс харьцуулан судлах аргаар улам гүнзгийрүүлэн судалжээ. Тэрбээр дээр дурдсан "Монгол бичгийн хэл ба халх аялгууны харьцуулсан хэл зүй" гэдэг бүтээлдээ зөвхөн хүрээний аялгуу төдийгүй халхын бусад салбар аман аялгууг хамруулан судалж тэдгээрийг монгол бичгийн хэлтэй түүхэн үүднээс харьцуулан үзээд, улмаар тухайн аялгууны өргөлттэй, өргөлтгүй үеийн богино эгшгийн бүтэц, хувьсал, урт хос эгшгийн гарал хөгжил, гийгүүлэгч авианы онцлогийг нарийвчлан гаргасан байдаг.

Б. Я. Владимирцов 1920-иод оны эхээр *"Халх ба ойрадын аль алиных нь аялгуунаас ялгаатай, завсрын буюу шилжилтийн шинжтэй гурав дахь аман аялгуу нь хотгойд, ховдын мянгадын аялгуу юм. Хотгойд аялгуу нь халх, ойрадын аялгуу хутгалдсаны үр дүнд бий болсон холимог аялгуу юм. Ингэж хутгалдах нь нэлээд эрт үед болсон бололтой"* [1929: 48] гэж тэмдэглэжээ. Мөн түүнчлэн монголч эрдэмтэн Н. Поппегийн "Строй халха-монгольского языка" (Халх

монгол хэлний байгуулал) (1936), “Грамматика халха-монгольского языка” (Халх монгол хэлний хэл зүй) (1951), В. М. Наделяев “Состав фонем в звуковой систем современного монгольского языка” (Орчин цагийн монгол хэлний авианы систем дэх авиалбарын бүрэлдэхүүн) (1957), Г. Д. Санжеев “Сравнительная грамматика монгольских языков” (Монгол хэлнүүдийн харьцуулсан хэл зүй) (1953) томоохон бүтээлүүд халх аялгуунд суурилсан бөгөөд авиалбарын бүрэлдэхүүнийг тодорхойлох анхны судалгаа гэж зүй ёсоор үзэж болно. Эдгээр эрдэмтдээс гадна Ж. Стрит, М. Халтод, Ж. Боссон, Унгарын монголч эрдэмтэн Д. Кара, А. Рона-Таш нарыг дурдахгүй өнгөрч болохгүй.

1925–1926 онд Ховд аймгийн зарим сум, Төв аймаг, Улаанбаатар хот орчим, мөн Завхан, Увс, Хэнтий, Сүхбаатар аймгийн зарим сумуудад аялгуу судлалын ажлыг явуулж байсан боловч үр дүн багатай байжээ. Харин 1950-аад оноос халхын аман аялгууг нарийвчлан судлах ажил эрчимжиж нутгийн аялгуу судлалын ажил эхэлснээр барахгүй халх аялгууны судлалаар нэлээд ажил хийгдэж эхэлсэн бөгөөд Д. Эрдэмбилэг “Хувьсгалын жилүүдэд монгол хэлний хөгжсөн тухай зарим асуудал”, Н. Шарав-Иш “Монгол үндэстний хэл ба зарим аялгууны тухай” хэмээх өгүүлэл бичиж 1956 онд хэвлүүлж байжээ.

Олон удаагийн судалгааны үр дүнд халх аялгууны авиа зүй, хэл зүйн үндсэн онцлогийн талаар манай эрдэмтдээс Ш. Лувсанвандан, Э. Вандуй, Ж. Цолоо нарын бие даасан бүтээлүүд бий. Мөн тухайн аялгууны авиалбарын бүрэлдэхүүн, авиалбар судлалын тогтолцооны талаар Ш. Лувсанвандан, Т. Пагва, Э. Вандуй, С. Мөөмөө, Ж. Цолоо нар тусгайлан судалжээ. Ш. Барайшир “Халхын аялгууны зарим хэсгийг судалсан тухай тэмдэглэл”, Э. Вандуй “Зарим нутгийн аялгууны үгсийн бүрэлдэхүүн”, А. Лувсандэндэв “Дарьганга аялгууны авиа зүйг судалсан туршлага” зэрэг өгүүллүүдээ 1957 онд бичсэн байна. Мөн академич Ш. Лувсанвандан “Монгол хэл аялгууны учир” (1959), халх аялгууг удаа дараа судалсан судалгааны дүнгээр эрдэмтэн Э. Вандуй “Халх аялгуу” (1970), Ж. Цолоо мөн бүтээлийн хоёр хэсэг болох баруун халхын аман аялгуу гэсэн ганц сэдэвт зохиол хэвлүүлсэн байна. Монгол хэлний нутгийн аялгууны гол судалгааг Ш. Лувсанвандан, Б. Ринчен, Х. Лувсанбалдан, Ц. Шагдарсүрэн, Л. Мишиг, А. Лувсандэндэв, Э. Вандуй, Г. Гантогтох, Д. Төмөртогоо, Ж. Төмөрцэрэн, Ш. Барайшир, М. Шинэхүү, С. Мөөмөө, Б. Амаржаргал, Д. Бадамдорж, О. Самбуудорж, Ж. Санжаа, Г. Батзаяа, Д. Батдорж, Э. Баярчимэг нар хийжээ.

Энэ мэтчилэн арвин судлагдахуун бүхий монгол хэлний нутгийн аялгууны гол судалгааг гадаад дотоодын олон эрдэмтэн 200 аад жил судалж монгол, орос, хятад улс тархан суурьшсан монгол хэл аялгуутныг бүртгэн тогтоох, ангилан бүлэглэх, түүнчлэн нутгийн аялгуу, аман аялгуу, салбар аман аялгуу тус бүрийн мөн чанарыг тогтоох, нийтлэг ба онцлог талыг харьцуулан судлах судалгааг харьцангуй бүрэн хийсэн гэж судлаачид дүгнэдэг. Харин түүхэн цуваа цагийн үүднээс авч үдвэл 1980 оны дунд үе хүртэл нутгийн аялгуу судлалын хээрийн шинжилгээг хийж баримт хэрэглэгдэхүүн цуглуулах, эрдэм шинжилгээний эргэлтэд оруулах ажил нэлээн тогтвортой байсан боловч 1990 оноос хойш тасалдаж эхэлсэн. Тиймээс монгол хэлний нутгийн аялгууны хам цагийн судалгааны баримт хэрэглэгдэхүүн цуглуулах, соёл хэрэглээний талыг тодруулах, нөгөө талаас хэл аялгууны харилцан нөлөөллийн улмаас завсар дундын аман аялгуу үүсэж бэсрэг аман аялгуу тогтнож буйг баримтаар тогтоох шаардлага байна.

Торгууд аман аялгууг судалсан цөөн судлаачид авиа зүйн хувьслыг цуваа цагийн үүднээс МБХ-тэй харьцуулан тайлбарласан учраас орчин үеийн ярианы хэлэнд тулгуурласан авианы шинж, хувьсал өөрчлөлт, үгийн сангийн онцлогийг тайлбарласан судалгаа дутмаг байгаа тул МУБИС-ийн НХУС-ийн МСХ-ийн санаачилсан төслийн багийн хамтарсан “Торгууд-2024” хээрийн судалгааны үр дүнд үндэслэн авиа зүйн онцлогийг авч үзэхэд дараах байдалтай байна.

Эгшиг авианы зохицлын чиг ялгаатай (*эр эм, чанга, хөндий, уруулын хэлний) (о-а, о-э, э-а, ө-а, и-а)* Жишээ нь: *одаа, боочхаад, болаад, хойнаа, шохаа, оршгуа, мэдхаш, оёдаг, оруулахнаар, мэдахгуу, кэлахгуу, оёхнаа, өгнаа, чилхаар, өлайрган.*

Халх аялгуунд хос эгшигтэй зарим үгс уртаар дуудагдах, халх аялгуунд уртаар дуудагддаг үгс богино хэлэгдэх нь элбэг байна. Жишээ нь: *шагай-шагаа, дээл-дэвэл, хуруу-хурган, нуруу- нурган.*

Монгол бичгийн хэлний *k* авиа хэвээр хадгалагдсан шинжтэй. Жишээ нь: *түүх-түйк, хэдэн- кэдэн, хүүхэд-күйкэд.*

Хэлэхүйн хурдаас шалтгаалан ярианы урсгалд дахь авиа хэмнэх, хураагдах үзэгдэл ихтэй. Жишээ нь: *болхош, болныш, гоолх, бакарх, байхам.*

Дараалан орсон үгийн хоёр дахь үгийн эхний авиа, үе сулран нийлж нэг үг болж хэлэгдэнэ. Жишээ нь: *болжайхим гуа, ёвдийм.*

Зарим үгийн эгшгийг хэт урагшлуулж, уйтаншуулж өгүүлдэг бол зарим үгийн эгшгийг хэт хөөмийшүүлж хэлдэг онцлог байна. Жишээ нь: *ерэнкай, гэмтаагуа, мэдэхкуу, хөдөлгокуу* гэх мэт.

Төслийн хүрээнд цуглуулсан баримтаас авиа зүйн өөрчлөлтийг ажиглан үзэхэд торгууд аман аялгууны дуудлага халх аялгуунд уусаж, бэсрэг шинжтэй, ялгарахгүй болжээ гэж дүгнэхэд болохоор байна.

Үгийн сангийн ажиглалт. Тус өгүүлэлд үгийн сангийн судалгааг хийхдээ ойрад аялгууны толь бичигт суурилан торгууд аман аялгууны ялгаатай үгсийг ялгах, харьцуулах; судалгааны баримтаас өвөрмөц үг хэллэгийг түүж, хэрэглээг тодлох; торгуудын хэл соёлын талаар өмнөх ном, сурах бичгээс өвөрмөц онцлог үгсийг түүж, утгыг харьцуулах зэргээр үгийн сангийн өөрчлөлт хувьслыг тайлбарлан, зарим үгсийг хэлний харилцан нөлөөллийн үүднээс авч үзэв.

1. Ойрад аялгууны толь бичигт суурилан торгууд аман аялгууны ялгаатай үгсийг ялгах, харьцуулах. Ж. Цолоогийн 1989 оны ойрад аялгууны толиос торгууд аман аялгууны ялгаатай үгсийг түүхэд нийт 61 өвөрмөц үг байсан нь ойрад болоод нийт монгол хэлний үгийн санд төдийлөн тохиолддоггүй үгс байв. Жишээ нь:

Balxăŋ – (х. 78), балхга балхга хөдлөх

Basă I – (х. 82), хашаа, загон

Bašmăg – (х. 83), шаахай, ботинки

Bazăk – (х. 84), шийдэмгий, зоригтой

Bāw II – (х. 85), ах

boγzal – (х. 104), зомгол

bölŏn – (х. 119), зорилго

buxŭša – (х. 124), гурван хөлтэй хээрийн бухаш тогоо

džatăk – (х. 200), дөрвөн талт хурган малгай

džaw – (х. 201), ханыг нь толгойгоор нь уулзуулж барьсан гэр, овоохой

židūz – (х. 204), нарийн оосор, хэц уяа

džigdžĭg – (х. 205), жижиг

džigtāxxăn – (х. 206), базаахгүй, дөлгөөн биш, тун базаахгүй

žigĭn – (х. 222), гичий, өлөгчин нохой

terzĕ – (х. 814) цонх

taktă V – (х. 802) гүүр, гарц

Эдгээр өвөрмөц үгсийн ирэл гарлыг тодлох үүднээс торгууд аялгуу дахь ‘цонх’ гэх утгыг илэрхийлэх *terzĕ* гэх үгийн гарлыг түрэг төрлийн хэлнээс хайж үзэхэд “Pencere Tu. – Päncärä Az. – Täẓŗä Bash, –

Tereze Kaz. – Tereze Kir. – Deräzä Uz. – Täräzä Tat. – Pencire Türk. – Pänсerä Uig" [Karşilaştirmali, Türk Lehçeleri Sözlüğü I, 698–699]. Мөн торгууд аялгуу дахь 'гүүр, гарц' гэх утгыг илэрхийлэх *taktă* гэх үгийн гарлыг түрэг төрлийн хэлнээс хайж үзэхэд 'банз, самбар, тавцан, хавтан' гэх утгатай "Tahta Tu. – Taḫta Az. – Takta Bash, – Taktay Kaz. – Taktay Kir. – Taḫtä Uz. – Takta Tat. – tağta Türk. – Taḫtay Uig" (Karşilaştirmali, Türk Lehçeleri Sözlüğü I, 838–839) үгс авиа утгын талаас нэлээд ойр, зээлсэн байх магадлалтай гэж үзлээ.

2. Торгууд-2024 судалгааны баримтаас өвөрмөц үг хэллэгийг түүж, хэрэглээг тодлох. Өмнөх судалгааны бүтээл болон толь бичигт түгээмэл бус зөвхөн "Торгууд-2024" судалгааны баримтаас УЗХ болон ойрад аялгууны нийтлэг бус үг хэллэгийг ялган хэлбэр утга хэрэглээг харьцуулж үзэхэд утга зохиолын хэлтэй ижил үг үүсгэх, шууд ба шууд бус утгыг илэрхийлэх онцлогтой байна. Жишээ нь: *жил*, *сэмрэх*, *дан*, *мөчөр* гэх үгс УЗХ-ний үгстэй ижил үгийг үүсгэж байна.

Жил – хорол/зэндмэнэ тоглоом (МУБИС, Торгууд-2024, Чулуудайн Баяраа, 2024:08.06)

Зэрцээ – шагай шүүрэх гинжин сум (МУБИС, Торгууд-2024, Чулуудайн Баяраа, 2024:08.06)

Яндраа – шагайн доошоо харж буухыг хэлнэ. Эр онх (МУБИС, Торгууд-2024, Чулуудайн Баяраа, 2024:08.06)

Алагжаа – олон өнгийн цаастай чихэр (МУБИС, Торгууд-2024, Чулуудайн Баяраа, 2024:08.06)

Жон хураах – цай хураах (МУБИС, Торгууд-2024, Ч. Батмэнд 2024:08.03)

Цэрвэх – шагай харвах (МУБИС, Торгууд-2024, Мэндээн Цэнд-Аюуш, 2024:08.07)

Сэлвэг – хавтгай боов (МУБИС, Торгууд-2024, Мэндээн Цэнд-Аюуш, 2024:08.07), (МУБИС, Торгууд-2024, Муудайн Бороо, 2024:08.04)

Савал – модон аяга гэдэг (МУБИС, Торгууд -2024, Ц. Барзул, 2024:08.02)

Хужгар – цагаан тарианы гурил (МУБИС, Торгууд-2024, Ч.Батаа 2024:08.05)

Нааг – хамгийн зөөлөн өвс (МУБИС, Торгууд -2024, Батзул, 2024:08.09)

Угаадал – шинэ хүүхэд угаах үйлийн нэр (МУБИС, Торгууд-2024, Муудайн Бороо, 2024:08.04)

Чүйгэн – данх (МУБИС, Торгууд-2024, Муудайн Бороо, 2024:08.04)

Туйпун – Торгуудын нэгэн төрлийн малгай (МУБИС, Торгууд-2024, Муудайн Бороо, 2024:08.04)

Зэгд – нэгэн төрлийн мод (МУБИС, Торгууд-2024, Муудайн Бороо, 2024:08.04)

Жидэм – хэц (МУБИС, Торгууд-2024, Банзай Ханджав, 2024:08.02)

Хохаан – Нэгэн зүйлийн бүдүүн ширхэгтэй даавуу (МУБИС, Торгууд-2024, Цастын Харнүдэн, 2024:08.04)

Дан – тавиур маягийн (МУБИС, Торгууд-2024, Пүрэвийн Нацагдорж, 2024:08.04)

Хааз – морины тавиа (МУБИС, Торгууд-2024, Батзул, 2024:08.09)

Мөчөр – намрын хонины ноос (МУБИС, Торгууд-2024, Муудайн Бороо, 2024:08.0*4*)

Тигжээс – шог дуу (МУБИС, Торгууд-2024, Х. Дома, 2024:08.0*3*)

Шүүшиг – "цагаан мод" тоглоомын цохидог жижиг модыг ингэж хэлнэ. Хатуу хар модоор хийдэг. (МУБИС, Торгууд-2024, Балжинням, 2024:08.02)

Бардаг – Царван / шарилж (МУБИС, Торгууд-2024, Нямаа, 2024:08.05)

Тэвлэг – хүүхдийн сэвлэг үргээгээд үлдээх үсийг хэлнэ (МУБИС, Торгууд -2024, Мэндээн Цэнд-Аюуш, 2024:08.07)

Тэвк – хатавч гэдэг (МУБИС, Торгууд-2024, Ц. Барзул, 2024:08.02)

Сагсай – шар будаагаар хийсэн хоол гэдэг (МУБИС, Торгууд-2024, Ц. Барзул, 2024:08.0*2*)

Данжиг тавих – шагайгаар тоглох нэгэн төрлийн тоглоом (МУБИС, Торгууд-2024, Бадаа Даваасүрэн, 2024:08.0*6*)

Зөөлөн бараа – торго, дурдан (МУБИС, Торгууд-2024, Дашдаваагийн Орломсүрэн, 2024:08.05)

Бог болох – хог болох (МУБИС, Торгууд-2024, Балжинням, 2024:08.02)

Тэнэж ядах – самуурах, зөнөх (МУБИС, Торгууд-2024, Цастын Харнүдэн, 2024:08.04)

Гээдэрсэн мал – алдсан мал (МУБИС, Торгууд-2024, Муудайн Бороо, 2024:08.04, 5978)

Мөн түүнчлэн нэг зүйлийн нэрлэлт УЗХ болон бусад аялгуунд салаалсан байдлыг нутгийн аялгууны үгсээс харж болно. Жишээ нь: Халх аялгуунд *мануухайг* торгууд захчин аман аялгуунд *айван, айвал, айгуул, айвуул* гэх мэт нэрлэж байгаа бол жижиг илүү гэрийг заах

жолом, хавчаахай, шовоохой, урц (МУБИС, Торгууд-2024, Нямаа, 2024:08.05) гэх мэт олон янзаар нэрлэж байна.

Жолом гэх үгийн ирэл гарлыг судалж үзэхэд К. К. Юдахины тольд *"жолум (или жолум үй) джуламейка (небольшая юрта без кереге, которая обычно ставится для конских и овечьих пастухов)"* [КРС 1985: 259] гэх мэт хэлбэр утгаараа яг тохирч байгаа юм.

Монгол хэлний эсгийн гэх үгийг "эсгээ > эшгээ > эшкээ > ишгай" гэх мэтээр дуудаж байгаа нь К. К. Юдахины толь бичигт *эшик* гэрийн хаалгыг орлох хөшиг, эсгий, дэвсгэр [КРС 1985: 471] гэх мэт хэлбэр утгаараа мөн л тохирч байна. Иймд торгууд угсаатны өвөрмөц үг хэллэгийн гарал нь торгуудын нүүдэллэн явах суух үеийн газар орон, амьдарч үлдсэн орон улс, хил залгаа орших угсаатны хэл аялгууны харилцан нөлөөлөлтэй холбоотой байна гэж дүгнэж болно.

3. Торгуудын хэл соёлын талаар өмнөх ном, сурах бичгээс өвөрмөц онцлог үгсийг түүж, утгыг харьцуулах. Монгол хэлний үгийн сангийн үүднээс авч үзэхэд "зам" гэх үглэвэр нь "тогооч" гэх хуучирсан утгатай гэж толь бичиг, үгийн сангийн бүтээлүүдэд дурдсан байдаг. Гэтэл торгууд аман аялгуунд энэ утга хадгалагдаж байдгийг дараах аман баримтын мэдээнээс харж болно. Жишээ нь: *Эцэст нь бор өргөө – ноёны хоол зоог бэлтгэх гэр. Тэдний хоол ундыг бэлтгэдэг хүнийг "зам" гэдэг байсан. Зам хүний ташаан дээр нь түлхүүр нь шажигнаад сүртэй нь аргагүй явдаг сан* (Э. Ерөөлт Вангийн торгууд, 1987 оны торгууд аман аялгууны эх хэрэглэгдэхүүн) [2014: 219].

Түүнчлэн МНТ-д тохиолддог үгс өнөөг хүртэл хэрэглээтэй байгаа нь дараах баримтуудаас харагдаж байна.

Зүлд

зүлд – 2 эрүү хэлтэй, улаан хоолой, мөгөөрстэй зүрх, уушиг, өвчүүтэй нь алсан хүн авчраад өлгөнө, иднэ. Цагаадайн Уламбаяр, 1987 (Д. Тангад, 2014: 154)

зүлд – Эрүү, хэл, өвчүү, уушги, зүрхийг зүлд гэдэг. Баатарын Гэцэл Ховог сайрын торгууд (Д.Тангад, 2014:175)

Зүлд – Ан агнасан хүн авах хэсгийг хэлнэ. Өвчүү, эрүү гэх мэт (МУБИС, Торгууд-2024, Мэндээн Цэнд-Аюуш, 2024:08.07)

Шорлог

Šorălyă – шорлого (Ж. Цолоо 1988: 785)

Шорлог – ангийн хувь хишиг, Ангийн тухай яриандаа – Тэд дотроосоо ***шорлог*** *хуваагч нь тусгай хүн байсан (Хээрийн судалгаа, 1987)* (Д.Тангад 2014: 156)

Том ан аваад ирсэн хүн чинь таван айл, гурван айлуудад ***шорлог*** *махнаасаа өгч байсан гэж ээж аав ярьдаг байсан* (МУБИС, Торгууд - 2024, Ц. Барзул, 2024:08.02)

“Торгууд-2024” судалгааны эх хэрэглэгдэхүүнээс аж ахуй, соёлтой холбоотой ойрадын бусад аялгуунд түгээмэл хэрэглэгддэггүй 30 орчим үгийг ялган, утга хэрэглээг тодолж, ойрад аялгууны толь бичгээс торгууд аман аялгууны бусад аялгуунд түгээмэл бус 61 үгийг түүж, тэдгээр үг хэллэгийн хэлбэр, утгыг түрэг төрөл хэлнээс тодруулахад зарим үг хэллэгийг тэдгээр төрөл хэлнээс зээлсэн, нүүдэллэн явахад энд тэнд үлдсэн торгуудын үг хэллэг яльгүй авианы өөрчлөлт хувиралд орсон байх гэх мэт хэлний харилцан нөлөөллийн үр дүн ажиглагдаж байна. Тиймээс торгууд угсаатны өвөрмөц үг хэллэгийн ирэл гарал нь торгуудын нүүдэллэн явах суух үеийн газар орон, амьдарч үлдсэн орон улс, хил залгаа орших угсаатны хэл аялгууны харилцан нөлөөлөлтэй холбоотой байна гэж дүгнэлээ.

Түүвэрлэсэн үгийн сангийн үгсээс тодруулан үзэхэд хуучин үг хэллэгийн хэрэглээ, УЗХ-ний үгтэй тухайн аман аялгууны үг ижил үг үүсгэх байдал, түүнчлэн МНТ-д тохиолддог үгс өнөөг хүртэл аман хэрэглээтэй байгаа нь онцлог байна. Тиймээс аман аялгуунуудын үгийн сангийн болон авианы ялгаатай байдал бүдгэрч байгаа энэ цаг үед угсаатны бүлгүүдийн судалгааг хийх, аман аялгуу, үгийн сан, аман зохиолын ялгаатай байдлыг хичээл сургалтад нь тусгах, өөрийн түүх соёлын асуудлыг хамгаалах, хүндэтгэх асуудлыг залуу үедээ өвлүүлэх, тэдний сэтгэлгээний онцлогийг судлах зэрэг асуудал чухал байсаар байна. Нөгөө талаас аман ярианы олон хувилбар хэлний харилцан нөлөөллийн гэрч болж байна. Энэ нь тухайн угсаатан түүхэн хөгжлийн явцдаа ямар хэл аялгуутантай холбоотой байж, ямар эд зүйл, ахуйн зүйлийг хаанаас авсныг тодорхойлох боломжтой байна.

Номзүй ба эх хэрэглэгдэхүүн

Батзаяа Г., Уртнасан Д. Монгол хэлний нутгийн аялгууны авиа зүйн харьцуулсан судалгаа. Улаанбаатар, 2023.

Владимирцов Б. Я. Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия. Л., 1929.

Ганболд Д. Ойрад монголын угсаатны зүйн хээрийн судалгааны эх хэрэглэгдэхүүн I, Улаанбаатар, 2017.

Ганболд Д. Ойрад монголын угсаатны зүйн хээрийн судалгааны эх хэрэглэгдэхүүн I, Улаанбаатар, 2017.

КРС – Киргизско-русский словарь. В двух книгах. Около 40 000 слов / Сост. К. К. Юдахин. Ф.: Главная редакция Киргизской Советской Энциклопедии, 1985. Кн. 1. А–К.

Лхагвасүрэн Х., Жадамба Ж., Цэцэгмаа Т. Торгууд монголын өв соёл. Улаанбаатар, 2015.

Лувсанбалдан Х. Сурвалж бичиг, нутгийн аялгуу судлал. Улаанбаатар, 2015.

Лувсанбалдан Х. Торгууд аман аялгууны тухай. Хэл зохиол. Т. XI. 1970.

Лувсанвандан Ш. Монгол хэл, аялгууны учир. Улаанбаатар, 1959.

Мөөмөө С., Мөнх-Амгалан Ю. Орчин цагийн монгол хэл, аялгуу. Улаанбаатар, 1984.

Өнөрбаян Ц. Орчин цагийн монгол хэлний нутгийн аялгуу. Улаанбаатар, 2020.

Санжаа Ж., Надмид Ж. Монгол хэлний авиа зүй ба авиалбар зүй. Улаанбаатар: УХГ., 2008.

Сэцэн. Монгол хэлний нутгийн аялгууны шинжлэлийн товчоон. Хөх хот. 1998.

Сэцэн. Алтайн нурууны монголчуудын аман түүх. Улаанбаатар, 2021.

Тангад Д. Монголын угсаатны зүйн хээрийн судалгаа I. Улаанбаатар, 2014.

Тангад Д. Монголын угсаатны зүйн хээрийн судалгаа II. Улаанбаатар, 2014.

Торгууд-2024 МУБИС-ийн МСХ-ийн төслийн баримт, аман түүх.

Уртнасан Д., Батдорж Ц., Батхишиг С. Авиа зүй. Монгол хэл судлал. VIII боть. Улаанбаатар, 2022.

Цолоо Ж. БНМАУ-ын нутгийн аялгуу, II боть, Улаанбаатар, 1988.

Цолоо Ж. Захчин, торгууд аялгууны онцлогоос. ШУА-ХЗХ. Хэл зохиол судлал. 2-р боть, 1964. 93-117-р х.

Haugen E. The analysis of linguistic borrowing. Language, 26, 210–231 [Электронный ресурс]. URL: https://doi.org/10.2307/410058 (date of assessment 2025.09.05).

Deroy L. L'emprunt linguistique, Paris: Les Belles Lettres, XII. 1956. 425 p.

Thomason S. G., & Kaufman T. Language Contact, Creolization, and Genetic Linguistics. University of California Press, 1988.

Hoffer B. L. Language Borrowing and the Indices of Adaptability. Intercultural Press, 2005.

Лувсанцэрэн Цэрэнчимэд
Монгол Улсын Боловсролын Их Сургууль
Улаанбаатар, Монгол Улс
tserenchimed@msue.edu.mn

БУРИАД ГЭСЭРИЙН ТУУЖ ДАХЬ ГЭР, СУУЦТАЙ ХОЛБООТОЙ ЗАРИМ ДҮРСЛЭЛИЙН СОЁЛ, БЭЛГЭДЭЛ

Гэсэрийн тууж (морин үлгэр)-ийн буриад хувилбар шүлэглэсэн хэлбэртэй тул тэгш хэмт найруулгатай, уран дүрслэлээр баялаг, үлгэрийн зохиомж түлхүү байдгийг судлаачид тэмдэглэжээ. Монгол баатарлаг туульсын жишгээр Буриад Гэсэрийн тууж хүн ба хүн бус, сав ба шим ертөнцийн юм, үзэгдлийн олон янзын өгүүлэмж, уран дүрслэлээс бүтсэн. Буриад Гэсэрийн туужийн өгүүүлэмж, дүр дүрслэл, үгийн сангийн онцлогийг дагнан судалж тайлбарласан судалгаа Монгол Улсад төдийлөн олон биш. Тиймээс тус бичил судалгаанд монгол угсаатны амьдралын хэв маягийг тодорхойлдог, эдийн соёлын чухал бүрэлдэхүүн гэр сууцтай холбоотой дүрслэлийн зарим онцлогийг тодруулах үүднээс тус бичил судалгааг хийв. Судалгааны хэрэглэгдэхүүнээр ОХУ-ын Буриад улсад бүх нийтийн уншлагад зориулж хэвлэсэн (1959; 1995; 2007) гурван хувилбарыг ашигласан болно.

Түлхүүр үг: Гэсэрийн тууж, буриад хувилбар, гэр сууц, уран дүрслэл, бэлгэдэл.

Luvsantseren Tserenchimed
Mongolian State University of Education
Ulaanbaatar, Mongolia

CULTURE AND SYMDOLICS OF SOME IMAGES RELATED TO DWELLING IN THE BURYAT EPIC OF GESER

Since the Buryat version of the Epic of Geser (horse-tale) is rendered in verse form, scholars have noted that it possesses symmetrical composition, rich figurative expression, and a more elaborate fairy-tale structure. Like Mongolian heroic epics, the Buryat Epic of Geser is likewise composed of diverse unterrance and figurative expression depicting both human and non-human beings, as well as phenomena of the material and supernatural worlds. In Mongolia, there are relatively few studies that exclusively analyze and interpret the narrative structure, imagery, figurative expression, and lexical features of the Buryat Epic of Geser. Therefore, this study was conducted to highlight

certain characteristics of the figurative expression related to the *ger* (mongolian traditional house), which constitutes an essential component of material culture and reflects the lifestyle of the Mongolian people. For the research material, three versions published in the Republic of Buryatia, Russian Federation, for public readership (1959; 1995; 2007) were used.

Keywords: Epic of Geser, Buryat version, *ger*, figurative expression, symbolism.

Монгол Гэсэрийн тууж Монгол Улс, ОХУ-ын Буриад, Тува, Халимаг, БНХАУ-ын Өвөр Монгол гэх мэт монгол угсаатан оршин суудаг өргөн уудам нутагт ам болон бичгээр тархан дэлгэрсэн. Үүнтэй холбоотой: “Төв Азийн домог зүй, туульсын гол баатар Гэсэр хаан арван хорын үндсийг таслагч ачит мэргэн богд цолыг авсан, монгол үндэстний домог туульсын нэг гол баатар, шүтээн дүр юм. Гэсэрийн туулийн гол эх орон нь Амдо нутаг, бөөгийн Гэсэрийн гол эх орон нь Байгал нуурын чанадын буриадууд болно” [Дулам 2025: 293]. Гэсэрийн туужийн хэл, уран зохиолын судалгаа бүтээлд: “Монголчуудын дунд тархсанаар монгол Гэсэрийн туужийн олон хувилбар, тухайлбал: Буриад Гэсэр, Бээжин барын Гэсэр, Заяын Гэсэр, дээд монголчуудын дунд хэлэлцдэг Гэсэрийн тууж, Хуурын үлгэрч Пажайн Гэсэр, Лин Гэсэр, Лүн Фү Сэ хийдээс олдсон Гэсэр, Номё хатны Гэсэр, Ойрад Гэсэрийн тууж, Ордос Гэсэрийн тууж, Тува Гэсэр, Халимаг Гэсэр зэрэг хувилбар бий болжээ” [Батхишиг, Дашдэжид 2023: 3] гэх зэрэг тайлбар тэмдэглэлийг дурдаж болох юм.

Гэсэрийн туужийн буриад хувилбарыг бүртгэн судалгаа шинжилгээний эргэлтэд оруулах, олон нийтэд түгээн дэлгэрүүлэхэд Ж. Цэвээн (1903–1910)-ий хийсэн ажил хөдөлмөр, хувь нэмэр чухал байртай юм. Түүнчлэн, Гэсэрийн хувилбар үлгэрүүдийг цуглуулан тэмдэглэж, эмхэтгэн найруулсан болон орос хэлээр орчуулсан хийгээд Гэсэрийн туужийн бусад судалгаанд зарим онцлог зүйлийг дурдсан нь цөөнгүй бий. Тухайлбал: Н. Поппе (1941), Ц. Дамдинсүрэн (1957), Намжил Балдано (1959), А. Уланов (1960), С. Липкин (1968), С. П. Балдаев (1917–1963) хэвлэлд бэлтгэсэн М. И. Тулохонов, Д. Д. Гомбоин (1995), Б. Дугаров зэрэг судлаач эрдэмтдийн гол ажлыг дурдаж болох юм. “Академич Ц. Дамдинсүрэн Гэсэрийн туужаар дагнасан судалгааг олон жил хийж, монгол, төвөд, буриад Гэсэрийн олон хувилбарыг харьцуулан судалж, төвөд, монгол, буриад Гэсэр нь тус тусдаа өвөрмөц шинжтэй, тухайн ард түмний аж байдлын онцлогийг үзүүлсэн зохиолууд болно” гэснийг тэмдэглэжээ [Бат-

хишиг, Дашдэжид 2023: 4]. Тус бүтээлд “Монгол Гэсэрийн туужид холбогдох ном бүтээл, судалгааг “Эх сурвалж”, “Орчуулга, судалгаа (монгол хэлээр, монгол бичгээр, орос хэлээр, европын хэлээр, англи хэлээр, хятад, солонгос, япон хэлээр)” гэж дэлгэрэнгүй бүртгэн жагсаажээ [Ibid.]. Эдгээр судалгааны ажлыг үзэхэд хувилбаруудыг эх бичиг, түүх, соёл, домог зүй, бэлгэдлийн талаар авч үзсэн; тодорхой бүлэг, аль нэг өгүүлэмж, дүрийг уран зохиол шинжлэлийн талаас харьцуулсан судалгаа зонхилох байртай гэж тоймлож болно.

Гэсэрийн туужийг угсаатны хэл-соёлын талаас, тэдгээрийн холбоо хамааралд нь авч үзэх судалгааны орон зай талбар байна. Цаашилбал, буриад Гэсэрийн туужийн хувилбарууд дахь үг, хэллэг, дүрслэлийн онцлогийг дагнан авч үзсэн судалгаа цөөн байдгийг тэмдэглэх хэрэгтэй. Академич Ц. Дамдинсүрэн: “Буриад Гэсэрийн олон хувилбараас унги, эхирид хувилбарууд буриад үлгэрийн яруу сайхан хэлээр зохиогдсон... буриад хувилбар бүхлээрээ шүлэглэсэн, ...бөө-гийн домог үлгэрийн элементүүд орсон, буриад туульс ялангуяа, эхирид хувилбар нь голдуу буриадын аман зохиолын мотив дээр үндэслэгдсэн юм...” гэх зэргээр тайлбарласан [Дамдинсүрэн 2017: 243, 245] байдаг.

Монгол баатарлаг туульсын өгүүлэмжид байдаг нийтлэг дүрслэл бол гол баатар, тэдгээрийн гэр сууц, өргөө, орд харш юм. Эрдэмтэн Ж. Цолоо: “Монгол туулийн баатрын орон гэр, оромж ба түүний нэр томьёо, бэлгэдэл”-ийн тухай судалгаандаа монгол туулийн баатрын оромж, гэр орны өгүүлэмжийг дэлгэрэнгүй өгүүлснийг хүснэгтэд үзүүлье.

Хүснэгт 1

Монгол туулийн баатрын гэр,
оромжийн хэлбэр хэмжээ ба бэлгэдэл

№	Хэлбэр, хэмжээ	№	Өргөө гэрийн сүлд	№	Гэрийн эд хэрэглэлд холбоотой зан үйл
1	Агуй, хонгил сууц	1	Өргөө гэрийн харуул, онгон, сахиул	1	Гал шүтэх ёсон
2	Өргөө, гэр сууц	2	Онгон шүтээний байршил	2	Босго тахих ёслол
3	Байшин сууц			3	Тооно(хараач) хүндлэхүй

4	Давхар сууц	3	Баатруудын сууцын хээ, сүг, дүрс	4	Багана хүндлэхүй
5	Баатар, албатуудын гэрийн хэмжээг хана, унины тоогоор голдуу			5	Сүм, дуган, харшийг бэлгэдэх

Дээр дурдсан өгүүлэмж, дүрслэл тус бүрийг баатарлаг туулийн баялаг жишээ баримтаар тайлбарласан байна. Бид тус судалгааны монгол баатарлаг туулийн оромж гэр орны хэлбэр, хэмжээ, төрлийн тухай өгүүлсэн хэсгийг үлгэр болгож, буриад Гэсэрийн тууж дахь гэр сууцтай холбоотой зарим дүрслэлийн жишээг авч үзье.

Гэсэрийн туужийн буриад хувилбарт баатрууд, хатад, тэнгэр нарын гэр сууцыг янз бүрээр дүрслэн харуулсан нь байна. Гэсэр дайн тулаанаас буцаж ирээд, гурван сайхан хатандаа орон гэр төвхнүүлж буй өгүүлэмжтэй хэсгээс хэд хэдэн зүйлийг харж болох юм. Жишээ нь:

Ойн олон модые — *Ойн олон модыг*
Отолон тайран гулидхаба — *Огтлон тайран цуглуулав*
Тайгын олон модыг — *Тайгын олон модыг*
Тайран зулан татуулба — *Тайран зулж татуулав*
Тэнгэриин хүхэндэ тулама — *Тэнгэрийн хөхөнд тулмаар*
Тэбхэр үргөөг бодхобо, — *Дөрвөлжин өргөө босгов*
Огторгойн энгэртэ тулама — *Огторгуйн энгэрт тулам*
Ордон үргөөг бариба. — *Ордон өргөөг барив...*

гэсэн хэсэгт Гэсэр баатар ордон өргөөгөө хэрхэн барьж босгосон хийгээд түүний гадаад байдлыг дүрслэн харуулсан байна. Ойгоос бэлтгэсэн модоор “огторгуйн энгэр, тэнгэрийн хөх”- хэмээн дээд тэнгэр, огторгуйг хүншүүлсэн дүрслэлээр сүрлэг өндөр ордон, харш босгосныг өгүүлжээ. Дараагийн хэсэгт:

Гурбан һайхан хатандаа — *Гурван сайхан хатандаа*
Ами аминдань бариба — *Тус тусад нь барив*
Үлгэн үнсэг дайдаһаа — *Дөрвөн зүг, найман зовхисоос*
Ургамалдал бодхообо — *Ургасан мэт босгов*
Үндэр дүүлим тэнгэриһээ — *Өндөр дүүлэм тэнгэрээс*
Дуһалмалдал бодхообо — *Дуссан мэт босгов*
Газаа бэеынь сардаба — *Гадна талыг нь өнгөлөв*
Сагаан мүнгөөр сардаба — *Цагаан мөнгөөр гоёв*

Сahанhаа сагаахан харагдаба	*Цаснаас цагаахан харагдав*
Досоо бэеынь сардаба	*Дотор талыг нь өнгөлөв*
Алтан мүнгөөр сардаба	*Алт мөнгөөр гоёв*
Алтанhаа арюухан харагдаба	*Алтнаас ариухан харагдав*
Доодо бэеэрэнь болобол	*Доод талаар нь болбол*
Долоон мянган шагаабаритай	*Долоон мянган гэгээвчтэй*
Долоон үнсэг дайдые	*Долоон зовхис газрыг*
Шагаабарилһан шагаабаритай	*Харсан гэгээвчтэй*
Дээдэ бэеэрнь болбол	*Дээд талаар нь болбол*
Дэмы олон шагаабаритай,	*Дэмий олон гэгээвчтэй*
Юһэн гүрэм тэнгэриие	*Есөн гүрэм тэнгэрийг*
Шагаабарилһан шагаабаритай.	*Харсан гэгээвчтэй...*

гэсэн хэсэгт хатдадаа зориулж барьсан ордон өргөөний гоё сайхан, гайхамшигтай тансаг болоод тал бүрдээ хэдэн мянган гэгээвчтэй хэмээн дүрсэлжээ. Энэ нь туужийн гол баатар сонор сэрэмжтэй байх, дайн тулаан, аливаа гай тотгороос сэргийлэх үүднээс ордон гэрээ олон мянган гэгээвч (цонх)-тэй барьж босгодог хэмээн өгүүлсний жишээ юм:

Хабһа мүнгэн ханатай,	*Хавирга мөнгөн ханатай*
Хашарһа мүнгэн үһэйтэй,	*Цагаан мөнгөн цавагтай*
Наян найман таһалгатай,	*Наян найман тасалгаатай*
Найман гэрэл үүдэтэй,	*Найман гэрэлт үүдтэй*
Шудхамал мүнгэн нюргатай,	*Цутгамал мөнгөн нуруутай*
Хүлэр мүнгэн оёортой,	*Цул мөнгөн ёроолтой (шал)*
Эржэн хангай үүдэтэй,	*Эржгэр зузаан хаалгатай*
Боржон хангай бохоготой,	*Боржгор зузаан босготой*
Эсхэмэл мүнгэн эрхинтэй	*Сийлбэрт мөнгөн тавцантай*
Эримэл мүнгэн барюултай	*Ирт мөнгөн бариултай*
Тохой мүнгэн тотоготой,	*Тохой мөнгөн тотготой*
Толо мүнгэн тоонотой,	*Туяат мөнгөн тоонотой*
Унагата гүүдэй урилдама	*Унагатай гүүнүүд уралдмаар*
Дабхарай мүнгэн гэшхүүртэй.	*Давхраат мөнгөн гишгүүртэй...*

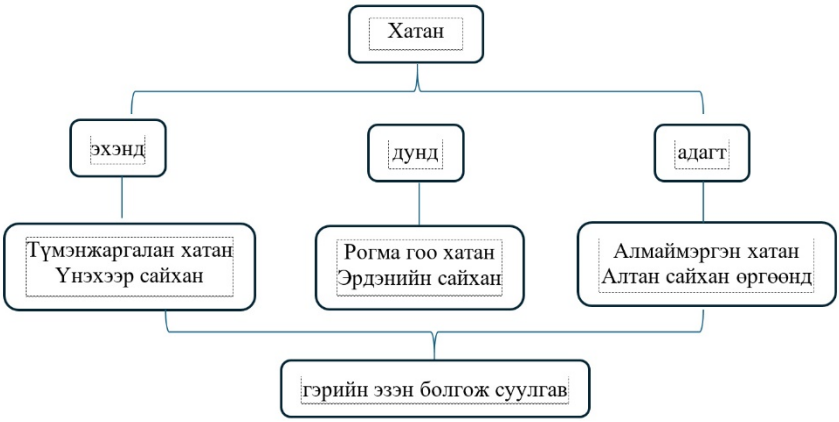
гэрийг цул мөнгөөр бүтээсэн, дээдэс язгууртны ордон өргөөний агуу том, баян тансгийг дүрслэн харуулжээ. Энэ хэсэгт нутгийн аялгууны хашарһа, үһэй (үһээ), хүлэр, хабһа зэргийг шууд үгчилж болохгүй, зарим нэгийг шилжсэн утгаар буулган харгуулав. Дараагийн хэсэгт барьж байгуулсан ордон өргөөндөө гурван хатнаа суулгасан тухай

өгүүлнэ. Эндээс их, дунд, бага хатны эрэмбэ дараа, амьдран суух газар орны байдлыг харж болно. Жишээ нь:

4. Түмэн Жаргалан хатаяа *Эрдэни һайхан үргөөгтэнь*
Хатан голой эхиндэ *Эзэн болгон буулгаба.*
Аалилуулан һуулгажа, *Алма мэргэн хатаяа*
Үзэлэй һайхан үргөөгтэнь *Хатан голой адагта*
Эзэн болгон буулгаба *Аалилуулан һуулгажа,*
Урмай Гоохон хатаяа *Алтан һайхан үргөөгтэнь*
Хатан голой тэг дунда *Эзэн болгон һуулгаба...*
Аалилуулан һуулгажа, [Балдано 1959 (2007): 2-р бүлэг]

Загвар

Гэсэр богд хатдаа гэр өргөөндөө суулгасан нь



Энэ мэтчилэн буриад хувилбарт Гэсэр баатар хатдадаа ордон өргөө барьж байгуулан, түүнийг алт мөнгөөр гоёж, үнэт эрдэнийн сууцыг барьж байгуулсан тухай дүрслэл тохиолдож байна. Энэ нь угтаа монгол баатарлаг туулиудад түгээмэл тохиолддог тэнгэрт тулсан өндөр сүрлэг, аливаа аюул ослоос сэргийлэх үүднээс дөрвөн зүг, найман зовхисыг харах гэгээвчтэй, ихэс дээдсийн сууц гэсэн утгаараа үнэт эрдэнээр өвч гоёсон гэх зэрэг дүрслэл мөн адил байна. Харин шагаавар буюу гэгээвч, дөрвөлжин өргөөг босгосон гэх мэт зарим цөөн дүрслэлээр бага зэрэг ялгаатай байж болох юм. Гэхдээ энэ төрлийн буюу байшин сууцны дүрслэл халимаг (*Урумчид хэвлэсэн Жангарт чандманийн 88 тэрц буюу цонхтой, 7000 баганатай*

байшингийн дүрслэл байдаг аж.)-т тэмдэглэсэн Жангарт "*жишүү наян зургаан өнцөгтэй, зүүвэр шар цоохор байшин гэнэ*" гэх мэт дүрслэлийг тэмдэглээд, "туулийн баатрууд балар эртний үеийн хүний сууц болон агуй хонгил, өвсөн гэрээс эхлээд сүн далай сүмбэр уул зэрэг домгийн орон, газар дэлхийг анх үүсгэсэн ариун дархан газар, анчин нүүдэлчин ардын гэр төрлийн сууц... өргөө гэр, орд харш, суварга, хээнцэр ганган байгууламжид амьдрач байсан хэмээн дэс дараалан өгүүлдэг" гэж тайлбарлажээ [Цолоо 2012: 227].

Буриад Гэсэрийн өөр нэг хувилбарт гардаг баатруудын гэр өргөөний дүрслэлд өнгийг эрхэмлэж, орчин нөхцөлийн талаар таатай, таагүй мэдрэмж төрүүлсэн өгүүлэмжүүд тохиолдож байна. Эдгээрийг дараах жишээнээс харж болно.

Хүснэгт 2

Гэсэрийн дайснуудын гэр ордны зарим дүрслэл

Гал Дүрмэ хаанай	
Боро шулуун ордомшин	*Бор чулуун ордны*
Газаагуурин хүрээлһэн	*Гадуур нь хүрээлсэн*
Боро шулуун хана байба ла	*Бор чулуун хана байв л*
Дүрбэн үүдэн дээрээ	*Дөрвөн хаалган дээрээ*
Эреэн бүргэдүүд һуужа,	*Эрээн бүргэд сууж*
Үдэршье гэтэн байбад,	*Өдөр ч гэтэн байна*
һүнишье шэртэн һуубад...	*Шөнө ч ширтэн сууна...*
Лобсоголдой хар мангадхайн	
...Түмэр хара ордом	*Төмөр хар ордон*
Тэбжээжэ байба ла	*Тэвхийж байв л*
Огторгодо тулама	*Огторгуйд тулмаар*
Олон дабхар ордом	*Олон давхар ордон*
Ондойжо байба ла...	*Ондойж байв л*
Эреэн бүргэд магнуул	*Эрээн бүргэд магнуул*
Ийшэ тийшээ хаража..	*Ийш тийшээ харж...*

Дурдсан жишээн дэх Галдүрэм хаан, Ловсголдой хар мангасын гэр өргөөг "бор, хар" өнгөтэй, "чулуу, төмөр"-өөр барьснаар дүрсэлсэн нь бат бөх хэдий ч аюултай, хүнд мэдрэмжийг, бүргэд тэргүүтэй баавгай, чөтгөр шулам гэх мэт харуул манаатай байгаа нь хатуу чанга, таагүй байдлыг илэрхийлж байна.

Хүснэгт 3

Гэсэрийн баатруудын гэр ордны зарим дүрслэл

Буйдан Улаан баатарай	
Нэгэ хүтэлын гарахадан	*Нэг хөтлийг давахад нь*
Тэнгэридэ тулама	*Тэнгэрт тулмаар*
Түмэн дабхар ордом	*Түмэн давхар ордон*
Тэбхэр сагаан оройгоорон	*Тэгш цагаан оройгоороо*
Хүбэн сагаан үүлые	*Хөвөн цагаан үүлийг*
Хахара сохин орхижо,	*Хага татан орхиж*
Олон сагаан шагаабараараа	*Олон цагаан гэгээвчээрээ*
Одоной толыен буляажа,	*Одны гэрлийг булааж*
Түмэн сагаан шагаабараараа	*Түмэн цагаан гэгээвчээрээ*
Тэнгэриин толыен буляажа	*Тэнгэрийн гэрлийг булааж*
Сагаанһаа сагаан юума	*Цагаанаас цагаан юм*
Үхөөрхэнһөө үхөөрхэн юума...	*Хөөрхнөөс хөөрхөн юм...*
Улгуй Улаан баатарай	
...Ара һайхан ханан	*Ар сайхан хана нь*
Алтаар сардуулһан	*Алтаар өнгөлүүлсэн*
Үбэр һайхан ханан	*Өвөр сайхан хана нь*
Мүнгөөр сардуулһан	*Мөнгөөр өнгөлүүлсэн*
Хура бороооной тогтохоорон	*Хур бороо тогтоохоор*
Харша мүнгөөр дарайнсалан	*Харш мөнгөөр хучиж авсан*
абаһан…	*Дооройос нь өвд харахад*
Дорохоон өөдэ харахада	*Долоон мянган гэгээвчтэй*
Долоон минган шагаабартай	*Дээрээс нь доошоо харахад*
Дээрэһээн доошо харахада	*Дэмий олон гэгээвчтэй*
Дэмээ олон шагаабартай	*Гэгээвч бүрд оньстой*
Шагаабар бүреэ шэжэмтэй	*Их оньсыг татахад*
Ехэ шэжэмын татахада	*Өндөр дүүлэм тэнгэр*
Үндэр дүүлим тэнгэри	*Хязгаараараа донсолж*
Хизаараараа доһолжо,	*Өргөн уудам дэлхий*
Үлгэн үнсэг дэлхэй	*Хөрсөөрөө донсолж байв...*
Хүрэһөөрөө доһолжо байба...	

[Абай Гэсэр богд хаан 1997: 2-р бүлэг].

Энд үзүүлсэн жишээнд баатар эрсийн гэр, ордон өргөөг дүрслэхдээ одны гэрэл, тэнгэрийн гэрлийг давж гарсан, алт мөнгөөр өнгөлсөн, олон мянган гэгээвчтэй гайхалтай сайхан ордонтой хэмээн гэрэл гэгээ, үнэт эрдэнийн гялбаатай хэмээн эерэг үнэлэмж, үнэ цэнтэй байдлыг илэрхийлсэн (Хүснэгт 2-т үзүүлсэн жишээ)-тэй харшуулсан дүрслэл болно.

Оросын эрдэмтэн С. М. Толстая: “уламжлалт оюуны соёлыг иж бүрэн шинжлэх ухааны үндэстэй судлах эхний хөшүүрэг нь угсаатны зүй хийгээд түүнд хэл шинжлэлийн талаас хандсан судалгаанаас улбаатай. Үүний үндсэнд нийгэм соёлын хүн судлалын судалгааны чиглэл тогтсон бөгөөд судлах гол объект нь уламжлалт соёл (шашин шүтлэг, ёс заншил, домог зүй, зан үйлийн тогтолцоо, ардын аман уламжлал) бүхэлдээ юм. Нөгөө талаар, хэл шинжлэлд тулгуурлан хөгжсөн угсаа хэл шинжлэл нь мөн адил уламжлалт оюуны соёлыг бүрэн судлах зорилготой ч соёлын хүн судлалын арга зүйгээс ялгаатай нь хэлний өгөгдөлд төвлөрч судалдаг онцлогтой юм. Академич Н. И. Толстойн санаачилсан Москвагийн угсаа хэл шинжлэлийн дэг уламжлалт оюуны соёлыг судлах иж бүрэн чиглэл боловсруулсан бөгөөд угсаатны аман зохиол, шашин шүтлэг, зан үйл зэрэгт тулгуурласан байдаг” [Толстой 2013]. Энэ мэт онол, арга зүйд үндэслэн, буриад Гэсэрийн хувилбарууд дахь гэр сууцны дүрслэлийг нэг бүрчлэн бүртгэх, улмаар бусад баатарлагийн тууль дахь дүрслэлтэй харьцуулан үзвэл монгол угсаатны эдийн болоод оюуны соёлын үнэт зүйл, угсаатны архетипийн онцлогийг хэл-соёлын холбоонд нь авч үзэх бүрэн боломжтой байна.

Тус бичил судалгааны дүнд буриад Гэсэрийн хувилбарт баатрын өргөө гэр, ордон харшийг дүрсэлсэн байдал нь бусад монгол баатарлаг туулийн адил нийтлэг өгүүлэмжтэй байгааг цөөн жишээгээр тодруулав. Буриад Гэсэрийн туужид ордон өргөөний хэлбэр, хэмжээг “тэнгэрт тулам, огторгуйд тулам”, “тэвхэр буюу дөрвөлжин”, “дөрвөн зүг, найман зовхисыг тольдох хэдэн мянган гэгээвчтэй, алт, мөнгөөр өнгөлсөн” гэх зэрэг дүрслэл зонхилж байна. Буриад Гэсэрт баатрын гэр, ордны хэмжээг өндөр, олон давхар, олон мянган гэгээвч (цөөн тохиолдолд багана)-ээр гол төлөв харуулсан байхад бусад баатарлаг туульд хана, унийн тоогоор үзүүлэх нь түгээмэл байдаг аж.

Аливаа баатарлаг туулийн өгүүлэмжид хар-цагаан, гэгээн-харанхуй гэсэн хослолд тулгуурласан өнгөний бэлгэдэл бүхий дүрслэл түгээмэл байдагчлан буриад Гэсэрт эсрэг дүрүүдийн гэр ордныг хар, бор өнгөтэй, чулуу, төмрөөр бүтсэн, бүргэд, баавгай, чөтгөр шулам манаачтай таагүй үнэлэмжээр илэрхийлсэн бол Гэсэрийн аль нэг баатрын гэр ордон алт мөнгөн, гэрэл гэгээгээрээ огторгуйн од мичдээс ч давуу хэмээн эерэг үнэлэмжээр харшуулан дүрсэлсэн байна.Үүгээр гай тотгор, дайн дажин, муу бүхнийг хар бараан, чулуу төмрөөр; амар жаргалан, ялалт бүхнийг оддын гэрэл, тэнгэрийн гэрэл, эрдэнэсийн зүйлээр тус тус бэлгэдэн харуулжээ.

Угсаатны хэл аялгууны талаас нутгийн аялгууны үг түгээмэл хэрэглээтэй, дүрслэх ба дуурайх үгийг гойд чухал үүрэгтэй, бүхэлдээ яруу сайхан тэгш хэмт найруулгаар бүтсэн. Энэ тухай Академич Ц. Дамдинсүрэн тэмдэглэсэн бөгөөд баруун буриадын Гэсэр (эхирид)-т орос үг цөөнгүй тохиолдоно гээд “боошхо-бочка, урбааха-рубашка” гэх зэрэг үгийг дурдсан нь бий. Гэсэрийн туужийн хэл, найруулга, соёлын онцлогийг тодруулахад нутгийн аялгууны үг, орос үг, уран яруу өгүүлэмжийг шинжлэн үзэж, угсаатны хэл- соёлын онцлогийг тайлбарлах нь чухал юм.

Номзүй

Абай Гэсэр Богдо хан / Ред. бурятского текста З. З. Арданова, Л. С. Дампилова, ред. русского текста Е. И. Борисова, Г. В. Кашина. Иркутск, 2007. 693 с.

Абай Гэсэр Богдо хаан / зап. и сост. текста С. П. Балдаева; подгот. тома и вступ. ст. М. И. Тулохонова, Д. Д. Гомбоин. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1995. 518 с.

Абай Гэсэр хүбүүн / сост. Н. Балдано. Улан-Удэ: Типография Минкультуры Бур АССР, 1959.

Батхишиг С., Дашдэжид С. Гэсэрийн туужийн хэл, уран зохиолын судалгаа. Бээжин барын Гэсэр ба Лүн Фү Сэ-ийн Гэсэрийн туужийн баримтаар. Улаанбаатар: Соёмбо принтинг, 2023. 529 х.

Гантогтох Г. Буриад аялгууны толь. Улаанбаатар: Бэмби сан, 2011.

Дамдинсүрэн Ц. Гэсэрийн туужийн гурван шинж. Улаанбатаар: Улсын хэвлэл, 1956. 38 х.

Дамдинсүрэн Ц. Эрдэм шинжилгээний бүтээлийн чуулган. Боть IX. Улаанбаатар: Соёмбо принтинг, 2017. 392 х.

Дулам С. Монгол соёлын тайлбар толь бичиг. Улаанбаатар: Нандир хэвлэх үйлдвэр, 2025. 1216 х.

Толстой Н. И., Толстая С. М. Славянская этнолингвистика: вопросы теории. М.: Институт славяноведения РАН, 2013. 240 с.

Цолоо Ж. Монгол туулийн баатрын орон гэр, оромж ба түүний нэр томьёо, бэлгэдэл // Монгол хэл соёлын тулгамдсан асуудлууд. ОУМЭ-ийн хурлын эмхэтгэл. Боть II. Улаанбаатар, 2012. 432 х.

Цэвэл Я. Монгол хэлний товч тайлбар толь. Улаанбаатар: Улсын хэвлэлийн хороо, 1966.

Эпос «Гэсэр» – духовное наледие народов Центральной Азии: материалы междунар. науч. конф. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2020. 238 с.

Л. Ц. Халхарова
Бурятский государственный университет им. Д. Банзарова
Улан-Удэ, Россия
gloria_66@mail.ru

О ЖАНРОВОМ СВОЕОБРАЗИИ ДНЕВНИКА Ц. ДОНА

Статья посвящена анализу дневника классика бурятской литературы XX века Ц. Дона. Дневник Ц. Дона являются уникальным явлением в творческом наследии писателя, и он до сих пор в полной мере не становился объектом научного исследования. Следовательно, раскрытие жанрового своеобразия дневника Ц. Дона способствует более глубокому пониманию творческой индивидуальности автора.

Ключевые слова: биография Ц. Дона, жанр дневника, автобиография, документальное начало, внутренний мир, психологизм.

L .Ts. Khalkharova
Buryat State University named after D. Banzarov
Ulan-Ude, Russian Federation

ON THE GENRE PECULIARITIES OF TS. DON'S DIARY

This author analyzes the diary of Ts. Don, a classic of 20th-century Buryat literature. Ts. Don’s diary is a unique phenomenon in the writer's creative legacy, and it has not been the subject of full-fledged scholarly study until now. Therefore, revealing the genre-specific features of Ts. Don’s diary contributes to a deeper understanding of the author’s creative individuality.

Keywords: Ts. Don’s biography, diary genre, autobiography, documentary element, inner world, psychologism.

В 2025 г. исполнилось 120 лет со дня рождения классика бурятской литературы, выдающегося бурятского писателя Ц. Дона. Видный государственный и общественный деятель Бурятии, талантливый бурятский писатель Цыденжап Дондупович Дондубон (псевдоним – Ц. Дон) прожил всего тридцать три года. За короткую жизнь им созданы замечательные произведения в прозе и в поэзии. Он выступал также с критическими статьями, занимался переводами, вел активную общественную работу.

Ц. Дон (Дондубон) родился 15 апреля 1905 г. в семье крестьянина-середняка в улусе Аяга Бичурского аймака. В 1911 г., с шести лет, зная азы старомонгольской письменности, Ц. Дон поступил в селе

Ново-Никольском в двухклассное училище. Еще во время учебы в училище Ц. Дон н вполне овладел старомонгольской письменностью и русским языком. Следует сказать, что азам старомонгольской письменности он научился у местного самоучки Бадмы Дамбаева, а в училище преподавал письменность учитель Санжиев. Продолжать учебу дальше он не имел возможности, так как становится единственным работником в семье.

В возрасте пятнадцати лет Ц. Дон начал свою общественную работу. В 1920 г. он работал в составе комиссии по учету скота, в 1921 г. был избран членом ревкома Бодонгутского сомонного Совета, а в 1922 г. стал членом этого Совета. В 1923 г. вступает в ряды ВЛКСМ, вскоре его избирают секретарем комсомольской ячейки. В 1924 г. был избран членом Гучитского хошунного исполкома. В 1925 г. стал членом партии. В 1927 г. был избран заместителе председателя исполкома Мухоршибирского аймака.

Начиная с 1925 г., Ц. Дон стал сотрудничать в газетах «Буряад-Монгол үнэн», «Залуу малчин». Своей актуальностью, яркостью изложения его публикации обратили на себя внимание редакции и читателей. В 1928 г. он был отозван в Улан-Удэ и выдвинут секретарем редакции газеты «Буряад-Монгол үнэн». Работа в редакции «Үнэна» практически становится для него писательской школой. Им было опубликовано множество статей по вопросам образования и культуры бурятского народа. Вместе с писателями Б. Абидуевым, Д. Дашанимаевым и Х. Намсараевым Ц. Дон открыл в газете «Буряад-Монгол үнэн» уголок сатиры под названием «Алсагар Мархай» (Кривоногий Мархай). В 1935 г. он был назначен народным комиссаром просвещения Бурятии, а с 1936 по 1937 годы работал в Бурятском книжном издательстве. В эти же годы начинается его литературная деятельность.

Следует отметить, что самой примечательной чертой Ц. Дона является то, что он, как говорят сейчас «selfmademan», в буквальном смысле «сделал себя». Не получив специального образования, он благодаря настойчивой работе по самовоспитанию и самообразованию, стал одним из эрудированных людей своего времени. Он самостоятельно изучал иностранные языки, штудировал труды классиков марксизма, прорабатывал теоретические работы по литературе и искусству.

Ц. Дон начал писать с рассказов. Его первый рассказ «Шуһата хюдалга» (Кровавая расправа) был опубликован в журнале «Тэмсэлэй

шэмэг» в 1930 г., а в 1931 г. – второй рассказ «Хэрэг бүтэбэ» (Дело сделано). В них сразу проявились характерные особенности творчества Ц. Дона: наглядность описаний, выразительные диалоги, стремление к психологической характеристике героев, динамичность сюжета, острая конфликтность произведений. Эти особенности творчества Ц. Дона, по мнению исследователей, «сыграли весьма существенную роль в становлении реалистического стиля и метода во всей бурятской литературе 1930-х годов» [История бурятской литературы 1995: 217].

В 1932 г. выходит первая в истории бурятской литературе повесть «Хиртэһэн һара» (Затмение луны), где повествуется о сложном процессе коллективизации, о трудностях перехода к новым формам жизни. Литературовед С. Г. Осорова отмечала, что «Ц. Дон, уделивший большое внимание показу напряженного духовного поиска, самоопределению человека в грозном изменившемся мире, проявивший пристальный интерес к нелегким процессам преобразования жизни и людей, впервые в полной мере использовал психологический анализ» [1992: 21]. В 1935 г. появляется второе большое произведение Ц. Дона – «Брынзын санха» (Отрава от брынзы). Повесть получила высокую оценку со стороны читателей. Сатирический рассказ «Лодыриин зүүдэн» (Сон лодыря) был написан в 1934 г.

Судьба одарила Ц. Дона ярким и многообразным талантом. За неполные десять лет творчества он успел создать две повести, утерянный в 1937 г. роман «Тужа соо» (В сосновом бору), несколько рассказов, эпическую поэму-улигер «Үбгэн Жэбжээнэй мэргэн» и множество публицистических и критических статей. Перевел с русского на бурятский произведения И. А. Крылова, А. С. Пушкина, Л. Кассиля, Р. Распе и др. В 1935 г. Ц. Дон был принят в члены Союза писателей СССР. 23 сентября 1937 г. по ложному обвинению был арестован и 14 июня 1938 г. расстрелян. Реабилитирован посмертно 20 апреля 1957 г.

После реабилитации имя и сочинения писателя были возвращены народу: в Улан-Удэ в 1958 г. после двадцатилетнего перерыва были изданы на бурятском языке практически все произведения Ц. Дона. Его творчество получило объективную и в целом весьма положительную оценку в «Истории бурятской литературы» и многочисленных статьях. Однако его дневник, который не опубликован до сих пор в полном объеме, еще остается неизученным и привлекает интерес исследователей.

В современной литературоведческой науке наметился большой интерес к документально-художественной литературе, в частности к жанру дневника. По мнению исследователей, это связано с тем, что «мы переживаем время самопознания – познания своей истории, своих мифов, кумиров, заблуждений и пр.» [Чулюкина 2009: 3].

В определении жанровых особенностей дневника существует множество дискуссионных точек зрения, поэтому на сегодняшний день нет четких критериев классификации дневников. Следуя характеристике, данной А. Зализняк, отметим, что «фрагментарность, нелинейность, нарушение причинно-следственных связей, интертекстуальность, авторефлексия, смешение документального и художественного, факта и стиля, принципиальная незавершенность и отсутствие единого замысла» [2010: 168] – это основные показатели дневникового жанра.

Дневник, «являясь результатом осознанного стремления авторов последовательно закреплять повседневное течение своей жизни, свои мысли и переживания наряду с впечатлениями от окружающего и веденные сколько-нибудь длительный период» [Тартаковский 1991: 38], позволяет проследить этапы творческой эволюции писателя, получить представление о его внутреннем мире, мировоззрении. «Включение жанра дневника в исследовательский процесс представляется продуктивным, поскольку открывает перспективы изучения этого жанра в бурятском литературоведении» [Халхарова 2022: 11]. Следует сказать, что жанр дневника в бурятской литературе не исследован подробно, так как дневников не так много, и не все дневники опубликованы.

Дневник (хроника-автобиография) Ц. Дона был найден в 1957 г. ученым-литературоведом Г. О. Туденовым, и его копия была передана семье Ц. Дона в 1995 г. в честь его 80-летия со дня рождения. Оригинал хроники-автобиографии Ц. Дона хранится в Центре восточных рукописей и ксилографов ИМБТ СО РАН. Он представляет собой одну рукописную тетрадь на старомонгольском письме, общий объем которой в итоге составил всего 13 машинописных страниц. Г. О. Туденов переложил рукописный вариант на современный бурятский литературный язык.

На первой же странице дневника в качестве эпиграфа дано обращение автора к читателям: «Энэ тетрадь соо һонин юумэнгүй. Бү үзэгты!» (Не читайте! В этой тетради нет ничего интересного). Такое

обращение дает возможность понять, что Ц. Дон писал свой дневник для себя, он был рассчитан только для него, и в этом проявляется качество личного дневника.

Отметим, что дневник – это текст, написанный для себя, а не для посторонних глаз, описывающий только что случившееся событие как личной, так и глобальной значимости с указанием дат создания и с периодичной пополняемостью. События, описанные в дневнике Ц. Дона, охватывают период с 1905 по 1921 г. Эти записи можно композиционно разделить на две части: первая часть – события с 1905 года по 1920 год указаны по годам в форме воспоминаний из детства и юности, а вторая часть охватывает 1920–1921 гг. – здесь события записаны помесячно, по временам года. Сам автор назвал свой дневник «хроникой-автобиографией», действительно дневник построен как рассказ о себе – его биография, когда он родился, в какой семье, даются сведения о родителях: *1905 он. Апрелиин 15-да, Байгалай үмэнэхи можын, Дээдэ-Удын (Верхне-Удинскын) уездын, Гушадай волостиин, Хонхолын бүлэгтэ, Аяга нютагта түрэһэн гэжэ справка байдаг. Эсэгэ – Дондок Будын (1865 он), эхэ – Гэсэгма Бадмын (1876 он), абгай (намай үргэһэн абга-эгэшэ хүгшэн) – Дулсан Будын (1856–1918). Эхэ эсэгэмни үгытэй шадалтай айл байгаа ха. (Нэгэ-хоёр унаатай, гурба-дүрбэн үхэртэй, 0,5-1,0 десятина таряа хэдэг, зуһаландаа үбгэ эсэгын бариһан газар шалатай гэртэй, үбэлжөөндөө мухар оройтой урса байшантай)...* [Дон: 2]. ‘1905-ый год. Есть справка о том, что родился 15 апреля в улусе Аяга Хонхолойской общины Гучитской волости Верхне-Удинского уезда. Отец – Будын Дондок (1865 г.р.), мать – Бадмын Гэсэгма (1876 г.р.), меня воспитавшая тетя, мать моего отца – Будын Дулсан (1856–1918). Родители были бедняками. (Имели одну-две лошади, три-четыре коровы, 0,5–1,0 десятин земли для посевов, летник с земляным полом был еще от их родителей, зимник – деревянная юрта с круглой крышей’ (здесь и далее перевод наш – *Л. Х.*).

Записи в дневнике до 1912 г. представляют собой воспоминания его родителей о нем, о его детстве: *1907 он. Багадаа ходо үбдэжэ эхэ эсэгэеэ зобоодог байгаа хаб. Нэгэтэ ехээр үбдөөд байхадамни ламанарыеш, бөөгыш асаржа туһалуулжа ядаад, нэгэ ламашье бэшэ, бөөшье бэшэ, хөөрэй хоорондо хүнше асаржа эдэгээһэн бидэ гэжэ аба эжы хэлсэдэг бэлэй. Тэрэ хүнше Мууняа найжа гэжэ хожомынь хэлсэдэг һэн* [Там же: 4]. ‘1907 год. В детстве я часто болел, чем до-

ставлял страдания родителям. Они рассказывали, что однажды я так сильно заболел, не помогли ни ламы, ни шаман. Тогда они привезли обычного лекаря, который вылечил меня. Его называли в народе Мууняа-найжа'.

События детства, юности, действительность 1910–1920-х гг., упоминания о родных, земляках, о рождении и смерти родственников, первые прочитанные книги – все это отражено в его записях до 1921 г. Отметим, что при написании воспоминаний в первой части дневника автор владеет материалом (это рассказы его родителей, его детские воспоминания) и может отбирать только существенную информацию, а во второй части дневника (1920–1921 гг.) улавливает лишь ряд моментов, когда еще не известно, каким будет следующий. В целом, записи Ц. Дона содержат обобщения, размышления, заметки о прочитанных книгах, о самостоятельном изучении иностранных языков, новостях, погоде и т.д. Часто ведение их продиктовано желанием автора проследить собственное духовное развитие, кроме этого, дневник служит средством самовоспитания и самоорганизации.

В записях Ц. Дона соблюдаются внешние признаки дневникового повествования – датированность, периодичность ведения. В первой части дневника события, связанные с 1905–1911 гг. – это воспоминания его родителей о его рождении, о первых годах его жизни. Записи, которые фиксируют события с 1912 г., это воспоминания самого автора. Здесь автор описывает реальные случаи из собственной жизни, воспоминания об отдельных, важных для него эпизодах: *1913 он. Һургуулидамнай ехэ һайндэр болоо, Романовтанай хаан шэрээ эзэлһээр гурбан зуун жэл гүйсэһэнэй ойн баярай ёһолол юумэ гээшэ һэн ха. Зүжэг табяа, хүндэлэл болоо* [Дон: 6] '1913 год. В школе у нас прошел большой праздник. Он был посвящен 300-летию Дома Романовых. Ставили спектакль, прошло чествование'. Также приводятся разговоры людей, собственные наблюдения: *1916 он… Зундаа, буряад хүбүүдые сэрэгэй арын хүдэлмэридэ таталган болохо гэжэ хүлгөөтэй байгаа. Август һарын үедэ татагдаад, үбһэнэй хүдэлмэриин һүүл болотор хойшологдобо гэжэ хүбүүд Петровскһоо бусажа ерээ* [Там же: 8]. '1916 год... Лето прошло в ожидании мобилизации на тыловые работы наших бурят. В августе их забрали, однако они вернулись из Петровска в связи с тем, что [отправка] отложилась до конца сенокоса'. Появляются описания внутренних переживаний автора: *1919 он… Зосоомни харанхы болошоод байһан аад, харин*

тэргынгээ бүтэн болоходо баярлажа, тогоогоо абаад гэртээ ерэхэдээ бэшэ нүхэдэйнгээ хонолго дээрэ хүсээ һэнби [Дон: 10]. ‘1919 год… На душе у меня было скверно, но я обрадовался, когда мою телегу починили, и, забрав котел, отправился домой, по пути догнал своих товарищей, остановившихся на ночлег’. В дневнике Ц. Дона нашли отражение исторические события начала века – упоминаются Первая мировая война, мобилизация бурят на тыловые работы, революция, гражданская война, установление новой власти др.

Хотя автор мало пишет о себе, почти в каждой записи (годовой и подневной) указывает на то, что для себя нового открыл, какие книги прочитал, чему научился: *1915 он… Намартаа Гоголиин зохёолнуудһаа «Шинель», «Нос», «Ревизор» гэхэ зэргые уншадаг байгааб* [Там же: 6]. ‘1915 год… Всю осень читал «Шинель», «Нос», «Ревизор» Гоголя’; *1918 он… «Саран-Хүхын туужа», «Гэсэрэй туужа» ба хэдэн бишыхан магтаалнуудые монгол хэлэн дээрэ уншааб* ‘1918 год... На монгольском прочитал повести «Саран-Хүхы», «Гэсэр», и несколько небольших од’.

Хотя в начале дневника Ц. Дона указаны годы 1905–1935, дневник заканчивается мартом 1921 г.: *Манайда улаагаа байдаг үртөө тогтоо. Үртөөдөө даамал болоод байбаб. Һарын гушан пууд таряа хүлһэ абадаг байгааб* [Там же: 13] ‘У нас была организована уртонная станция. Я был станционным смотрителем. В месяц получал зарплату в виде 30 пудов зерна’. Может быть, найденная рукопись лишь часть его дневника, а записи с 1921 по 1935 гг., возможно, утеряны.

Таким образом, дневник Ц. Дона является ценным документом времени для исследователей, это один из первых образцов дневника писателя, включающий в себе признаки нескольких первичных жанров: это и запись текущих событий, и регулярная фиксация происходящих вокруг изменений, и фактографические записи, которые сочетают элементы и документального, и художественного начал.

Источники и литература

Дон Ц. Хроника-биография (1905–1935) (13 машинописных страниц).

Зализняк А. А. Дневник: к определению жанра // Новое литературное обозрение. № 106. М., 2010. С. 166–184.

История бурятской литературы 1917–1955. Ч. 1. Становление бурятской советской литературы. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 1995. 255 с.

Осорова С. Г. Психологизм в бурятской прозе. Новосибирск: ВО «Наука». Сибирская издательская фирма, 1992. 101 с.

Тартаковский А. Г. Русская мемуаристика XVIII – первой половины XIX в.: от рукописи к книге. М.,: Наука 1991. 288 с.

Халхарова Л. Ц. Образы природы в дневниках Д. Улзытуева // Филология: научные исследования. 2022. № 7. С. 10–18.

Чулюкина М. Г. Дневник как жанр публицистики: предметно-функциональные особенности: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2009. 22 с.

П. А. Аюрзанаев
МОУ «Агинская СОШ №3»
Агинское, Россия

ВОСПОМИНАНИЯ РАСКУЛАЧЕННЫХ БУРЯТ ЗАБАЙКАЛЬЯ КАК ПИСЬМЕННЫЙ ИСТОЧНИК СОВЕТСКОЙ ИСТОРИИ

Статья посвящена обоснованию необходимости включения в региональную историю 1930–1950-х гг. воспоминаний раскулаченных бурят Забайкалья как письменный источник, отражающий индивидуальный взгляд жителей трудпоселений на события своего времени. Воссоздан исторический фон раскулачивания зажиточных семей, социально-экономических и демографических изменений в местах ссылки. Является ценным историческим источником в изучении событий того времени через призму исторической памяти и объективного взгляда на события прошлого.

Ключевые слова: кулацкая ссылка, спецпереселенцы, спецколонизация, трудпоселение, неуставная артель, переселенческий билет.

P. A. Ayurzanaev
Aginskaya secondary school No. 3
Aginskoe, Russia

MEMOIRS OF THE DISPOSSESSED BURYATS OF TRANSBAIKALIA AS A WRITTEN SOURCE OF SOVIET HISTORY

The paper is devoted to the justification of the need to include in the local history of the 1930s – 1950s the memoirs of dispossessed Buryats of Transbaikalia as a written source reflecting the ordinary views of local workers on the events of that time. The historical background of dispossessed wealthy

families and the socioeconomic and demographic changes in the special settlements has been reconstructed. It is a valuable historical source for studying the events of that time through the prism of historical memory and an objective view of the past.

Keywords: kulak exile, special settlers, special colonization, special settlement, unregulated artel, resettlement ticket.

Коллективизация сельского хозяйства сопровождалась раскулачиванием части крестьянства, кулацкой ссылкой 1931–1956 гг. и закончилась реабилитацией имен невинно наказанных с 1956 г. Административное и уголовное наказание государством зажиточных крестьян было в те времена только частью репрессивной политики сталинского режима, «большого террора» по отношению к собственным гражданам. Политические репрессии 1930-х гг. долгое время в жизни советского общества замалчивались, только с конца 1980-х гг. актуализировались, став одной из основных внутриполитических тем в СМИ, что привело к процессу реабилитации невинно наказанных государством советских граждан и впоследствии стало одной из причин распада СССР.

Данная работа посвящена рассмотрению вопросов, связанных с жизнью и трудоустройством ссыльных бурят из Забайкалья в Даурском районе Красноярского края, в том числе с целью включения их воспоминаний в источниковую базу научных исследований по истории Бурятии и Забайкальского края. Воспоминания представляют собой материалы «из первых рук», записанные современниками и непосредственно отразившие все перепетии и нарративы времени, представляющие собой частный, индивидуальный взгляд на события жизни опрашиваемых лиц и изданные в местных газетах и журналах, начиная с середины 1990-х гг. Так они получили статус намеренных письменных источников, адресованных потомкам, следовательно, будущим исследователям.

На наш взгляд, проблема раскулачивания и кулацкой ссылки 1931–1956 гг. в забайкальской историографии недостаточно изучена по разным причинам. Из всех работ, появившихся в печати и пространстве Интернета, можем отдельно выделить исследования социально-демографических аспектов политических репрессий 1917–1954 гг. в СССР В. Н. Земскова (1946–2015), главного научного сотрудника ИРИ РАН, особенно две его работы по «кулацкой ссылке 1930-х гг.». Все они посвящены изучению данной темы извне, со стороны, а вос-

поминания раскулаченных забайкальцев, записанные сотрудниками красноярского «Мемориала» и увидевшие свет на страницах местных газет, журналов и книг, дают нам возможность изучить процесс раскулачивания, жизни и труда спецпереселенцев до 1934 г., в 1934–1944 гг. трудпоселенцев, с 1944 г. спецпоселенцев, на примере жителей деревень Жулгет, Нежа, Сухонаково и др., административно входивших в Смоленский сельский совет Даурского района Красноярского края, изнутри, глазами очевидцев событий. Нами будут рассмотрены вопросы, связанные со временем массового выселения семей забайкальских крестьян и их размещением, трудоустройством в местах спецколонизации, с социально-экономическими, демографическими изменениями в жизни трудпоселенцев за годы ссылки. Будет уделено внимание тому, какими людьми оставались те выжившие и продолжившие свой человеческий род в последующие годы.

Забайкалье – административно-терррриториальное название современных регионов РФ Республики Бурятия и Забайкальского края. Западное Забайкалье – это Республика Бурятия со столицей в г. Улан-Удэ, Восточное Забайкалье – это Забайкальский край с административным центром в г. Чита. Южное Забайкалье – историко-географическое название территории двух регионов, расположенных вдоль границ с Монголией и Китаем, железных дорог с берегов Байкала до Маньчжурии, степные, лесостепные зоны от берегов Аргуни до гор Восточных Саян, места великих исторических событий прошлого.

После окончания гражданской войны в начале 1920-х гг. забайкальские казаки, крестьянские и старообрядческие семьи, бурятские кочевые и полукочевые хозяйства в целом были довольны установившимся равенством и перераспределением земельных угодий. Годы НЭПа позитивно сказались на политическом, экономическом и культурном развитии Забайкалья [Трифонов 2021: 1]. Тут в 1928–1929 гг. произошел провал в хлебозаготовках, обернувшийся обложением крепких крестьянских хозяйств повышенными налогами и заданиями, и это время совпало с началом создания первых коллективных артелей и кооперативов, представлявших собой небольшие объединения людей, часто родственников, с землей, орудиями труда. «В среднем по республике в 1929 г. на один колхоз приходилось 16 хозяйств, в 1930–1931 гг. – 40. Но и были карликовые хозяйства по 13–20 хозяйств, не имевшие никакой базы, порой объединенные родственными связями» [История Бурятии 2011: 112]. Первая объединительная

кампания проходила с большими перегибами в конфискации имущества крестьянских хозяйств с фактами мародерства, хулиганства, издевательства, насилия во всех районах Забайкалья. В январе-марте 1930 г. и в последующее время зарегистрировано множество вооруженных выступлений и случаев массового забоя скота. Сложилась напряженная обстановка, властям пришлось ослабить на некоторое время насильственное вовлечение крестьян в колхозы, начался «отлив» из них. Это было временное затишье.

С февраля 1931 по март 1932 г. наступило время массового выселения кулаков и членов их семей под лозунгом сплошной коллективизации и ликвидации их как классовых врагов. Из Восточного Забайкалья, по общепризнанным данным, было отправлено в ссылку 7000 семей с примерным численном составом в 33000 человек [Энциклопедия Забайкалья 2007: 2]. К сожалению, нам не удалось выяснить количество отправленных в ссылку людей в Западном Забайкалье. Как отмечает В. Н. Земсков, было выявлено 2979 кулаков, из которых 2208 осуждены в то время [1994: 118]. Как правило, семьи ссылаемых были большими и жили вместе или поблизости, ведя большое хозяйство и помогая друг другу по-родственному. Методом экстраполяции можно предположить, что количество выселенных из Бурятии составляло более 11000 человек. В результате кардинальных мер, принятых в это время, был достигнут уровень 50%-ной коллективизации. Форсированная коллективизация повлекла за собой ломку старого уклада хозяйствования, внутрипоселенческих отношений и имела много издержек и последствий, заставила некоторые глав хозяйства самораскулачиться, бежать в города и на стройки, стать вольными людьми. Создание нетерпимой обстановки вокруг зажиточных семей и антирелигиозная кампания против служителей церкви с 1920-х гг. спровоцировали массовый уход жителей Южного Забайкалья в Северный Китай и Монголию. С весны 1933 г. перешли к индивидуальному отбору семей с последующей проверкой и высылкой по решению троек.

В. Н. Земсков, опираясь на справку отдела по спецпереселенцам ГУЛАГа ОГПУ под названием «Сведения о выселенном кулачестве в 1930–1931 гг.», называет число в 381026 семей общей численностью 1803392 человек, считает их административно наказанными как кулаки в основном второй категории. Все зарегистрированные богатые семьи делились на три группы: первая группа – контрреволюционный актив из глав богатых семей, вторая группа – зажиточные ку-

лаки, местные авторитеты и члены их семей, третья группа – остальные кулаки, которые выселялись в другие места внутри региона, их автор не относит к жертвам политических репрессий. На практике в ссылке и высылке оказывались не только кулаки, но и так называемые подкулачники [Земсков 1994: 118]. К ним применялись меры политического, экономического и административного воздействия в судебных и внесудебных формах. Лишением избирательных прав занимались районные и аймачные избирательные комиссии. Подобная практика лишения одного из основных гражданских прав у так называемых «кулацких элементов» замечена нами в протоколе заседания Агинской аймачной комиссии № 8 от 30 октября 1923 г. [ГАРБ. Ф. 1139]. Со временем стала она повсеместной. Функция обобществления движимого и недвижимого имущества у кандидатов на ссылку была возложена на местные и районные, аймачные исполнительные комитеты. Ранее эти органы власти имели право налагать на крестьян дополнительные налоги и штрафы. Ссылкой и высылкой занимались местные органы ОГПУ-НКВД. Тогда под ссылкой понималось перемещение наказуемого из родного региона в регион, специально отведенный государственными органами другого региона под их надзором. Высылка подразумевала устранение нежелательных лиц из определенной местности в другую в этом же регионе или запрет проживать в родной местности, указанной в документе личности. Все эти инструменты преследования в 1930-е гг. применялись властью к гражданам советского государства, объявленным «врагами народа» [Васильева 2021: 61–62].

Направление миллионов людей на спецпоселение (трудпоселение) шло в рамках государственной политики спецколонизации – освоения необжитых и малообжитых районов страны посредством насильственных переселений. При этом местным органам власти рекомендовалось максимально использовать рабочую силу спецпереселенцев на лесоразработках, рыбных и иных промыслах в отдаленных, остронуждающихся в рабочей силе районах, а в сельском хозяйстве устраивать лишь тех переселенцев, рабочая сила которых не может быть использована на лесоразработках и промыслах [Земсков 1991: 5].

На февраль-октябрь 1931 г. пришелся пик ссылки раскулаченных в Забайкалье, проводившейся в форме спецоперации НКВД, когда днем и ночью составы товарных вагонов со спецпереселенцами шли в необжитые и малозаселенные районы Енисейского края, с 1934 г. Красноярского края. Сама перевозка и обустройство на месте отправляе-

мых людей осуществлялись крайне бесчеловечно. В эшелоны загружались старики и дети, больные, явно не способные выдерживать длительную перевозку; по пути снабжались хлебом скверного качества по 200–400 гр., горячей пищи не было, с большими перебоями подавали горячий чай, потреблялась сырая вода. Забитые людьми вагоны, духота, отсюда поголовная вшивость. В итоге по пути следования поездов высокая смертность и заболеваемость сыпным тифом и острожелудочными заболеваниями.

По словам Алексея Андреевича Бабия, сотрудника красноярского «Мемориала», забайкальцы, в том числе и буряты, попадали в тогдашний Енисейский край несколькими потоками. Первый из них в Ирбейский район, пограничный с Иркутской областью, в 1930 г. Вторую партию выгрузили на станции Камарчага и устроили по лесопунктам Манского района. Следующие со станций Сорокино, Злобино. В 1931 г. под Красноярском организовали пересыльный пункт, оттуда по Енисею баржами доставляли в Балахтинский район, в 1935 г. из его состава выделили Даурский район, в основном состоявший из спецпоселенцев из разных регионов страны. Потом были и другие потоки ссыльных из Забайкалья, которых перевозили по воде до северных районов уже Красноярского края.

На станции прибытия спецпереселенцев сотрудники ОГПУ-НКВД производили их сортировку и санитарно-профилактические мероприятия. Немногих по каким-то причинам могли освободить, остальных направляли в лагеря ГУЛАГа или на спецпоселения на баржах по воде, по железной дороге, дальше на гужевом транспорте, как правило, в безлюдное место под охраной наряда НКВД, руководившего обустройством жилья и быта ссыльных. Так рождались трудпоселки на новых местах. В них увеличивалось число построек, рядом с ними могилы, выживали только молодые. В первое время расселением, обустройством прибывших занимались краевые и областные исполкомы, с лета 1931 г. эти полномочия были переданы ОГПУ, ГУЛАГу. Трудпоселки управлялись поселковыми и районными комендатурами, содержались они трудом несвободных граждан, государственные отчисления на надзор, устройство, хозяйственно-бытовое содержание и трудоиспользование выселенных кулаков были мизерными. Если до 1934–1935 гг. они были освобождены от налогов и сборов, то с этого времени обязали всех погасить ссуды, выданные государством на хозяйственное и иное освоение трудссылки. Трудовое использование трудпоселенцев производилось на основе договоров УНКВД с хозяй-

ствующими на месте предприятиями и организациями. В этом случае с зарплаты ссыльных 5 % удерживались на налоги, еще 5 % шли на содержание комендатур трудпоселений и на их административно-хозяйственные расходы.

В первые годы кулацкой ссылки положение спецпереселенцев было крайне тяжелым из-за недостаточного снабжения со стороны государства. Самым тяжелым из-за засухи был 1933 год. Главным последствием первых трех лет ссыльной жизни была высокая смертность. Осталось много детей-беспризорников. В 1935 г. жизнь налаживается, растет рождаемость. В трудпоселках наблюдается рост числа общеобразовательных и средних профессиональных школ, учреждений культуры и здравоохранения, в которых трудились свободные и несвободные работники. С конца 1935 г. выпускники средних школ и техникумов, дети трудпоселенцев, получают право поступать в вузы, по окончании которых могли получать паспорта и трудоустроиться в промышленных предприятиях других городов. Могли вступать в брак со свободными гражданами и обзавестись своим домом и хозяйством. В трудпоселениях росло число прибывших свободных граждан. Видя эти явления, местные надзорные органы явно или завуалированно старались подвергать дискриминации лиц из трудпоселенцев, им запрещался выезд за пределы района обязательного поселения, не полагались путевки в места отдыха за ударный труд и пр. Рьяно следили за их трудовой дисциплиной, в качестве наказания к ним часто применялось принудительное переселение из относительно обжитых мест в совершенно необжитые районы Севера.

С 1933 г. избирательные права стали представлять лицам, достигшим совершеннолетия. Восстановление этих прав у взрослых до 1935 г. проходило в строго индивидуальном порядке, с учетом положительных характеристик с работы за пять лет пребывания в ссылке. Обязывали восстановленных в своих гражданских правах оставаться в районах своего проживания. Конституция СССР 1936 года представила всем трудпоселенцам полные гражданские права, фактически они оставались в прежнем бесправном положении. С лета 1939 г. некоторым несвободным гражданам, трудившимся на стройках, в лесной и других отраслях народного хозяйства, разрешалось выдавать паспорта с пометкой: «годен для проживания в таком-то районе». Лица, вступившие в брак с нетрудпоселенцами, обычно получали право на выезд в избранные ими места жительства с выдачей им паспортов.

А свободные женщины, вышедшие замуж за спецпоселенца, автоматически становились спецпоселенками. С 1936 г. трудпоселенцы, как все взрослые граждане, получили право участвовать в выборах всех уровней.

Естественным было желание несвободных людей вырваться на свободу. Широкий размах имело бегство из кулацкой ссылки. По статистике, с 1932 по 1940 г. из 100 бежавших возвращено 35 человек. Активный розыск беглецов обычно не вели. Имущество их поступало в распоряжение родственников, а вещи одиночно ушедших подлежали конфискации. Редких возвращенцев на родину с мест ссылки повторно ссылали уже в другие места.

Перед Великой Отечественной войной трудпоселенцы в основном были заняты в промышленности, строительстве, сельском хозяйстве и лесной промышленности. В начале 1938 г. неуставные артели и кустарные промартели ГУЛАГа были переведены в уставные колхозные и промартельные хозяйства Наркомата земледелия. К этому времени надзорные органы беспокоило растущее обогащение вчерашних кулаков, поэтому провели они повторное раскулачивание с уголовным наказанием в 1937–1938 гг.

Если в 1931–1933 гг. шел целенаправленный процесс определения крестьян в кулацкую ссылку, то с 1934 г. наметился обратный медленный процесс отсылки из тех мест как «неправильно высланных» и по другим причинам. Родившиеся в конце 1922 г. и позже стали получать освобождение. 11 апреля 1942 г. ГКО страны принял постановление о призыве на военную службу бывших кулаков. Этот факт стал признанием того, что в дни войны с фашистами они такие же граждане, как и свободные жители страны. В предвоенные и военные годы серьезных антисоветских выпадов с их стороны не отмечено. В послевоенное время местные органы некоторых субъектов страны подавали ходатайство о полном освобождении бывших кулаков из ссылки, аргументируя следующим образом: большинство из них люди престарелые и пожилые, положительно проявили себя в труде, участвовали в войне, сейчас не представляют социальной опасности. Многие спецпоселенцы за свой ударный труд в годы войны были награждены медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» в послевоенное время. Партийные и советские органы задержали процесс реабилитации невинно осужденных до 1956 и 1994 гг. [Земсков 1991: 2–15].

Большая часть сосланных из Забайкалья летом 1931 г. оказалась в новом Даурском районе и поступила в распоряжение комендатуры деревни Смоленка, основанной переселенцами из Белоруссии в 1898 г. К ним добавились спецпереселенцы из Украины и Чувашии, в 1941 г. депортированные приволжские немцы, прибалты и поляки, в конце 1943 г. и калмыки. Так новый район стал в основном интернациональным и спецпоселенческим. Новые жители стали строить свои поселения и лесоучастки со сборными пунктами на необжитых местах. К 1934 г. появились деревни барачного типа Жулгет, Нежа, Сухонаково, Корло и др. В первых двух обосновались выходцы из Забайкалья, среди которых было много бурятских семей. Из Агинского аймака БМАССР Аюрзанаевы, Бабуевы, Болотовы, Гомбоевы, Григорьевы, Дарижаповы, Доржижаповы, Дугаровы, Елохины, Жамсарановы, Мункуев Дэлэк, Нимаевы, Сандановы, Уховы и Тугдумов Дугардоржи, из Селенгинского аймака БМАССР – Аюровы, Бадмаевы, Батуевы, Ирдынеевы, Тогочеевы, Цыдыповы. Из Хилокского района Восточно-Сибирского края (ВСК) Самбатовы и Самдановы, Цыцыктуевы из Улан-Хилокского района ВСК. Нет сведений о том, откуда были Дариевы и Юндуновы.

Их первому поколению было очень тяжело входить в экстремальные условия жизни и труда из-за незнания языка, безграмотности и традиционной кочевой одежды, не приспособленной для труда в лесу и на поле. Особенно в первые три года ссыльной жизни. В это время молодым, преодолевая стереотипы и предрассудки о себе как о дикарях востока, удалось быстро научиться русской речи, одеваться в русскую одежду, трудовым навыкам вальщика, трелевщика леса, работать с огородными и полевыми растениями, притереться к другим молодым трудпоселенцам и понять, что все они люди одной судьбы в условиях ссылки. Дети школьного возраста пошли в школы Даурска, Смоленки, Ермолаево, Дербино, с 1937 г. в Жулгете появилась своя семилетка, медпункт с роддомом, клуб с библиотекой, куда ходили местные школьники и жители. В 1934 г. организовали неуставную сельскохозяйственную артель «Новая жизнь», с 1938 г. ставшей уставной. В конторе работали счетоводом Тугдумов Дугардоржи (1889–1968) из Уроная, бухгалтером Дугаров Боргодон (1914–1963) из Алханая Агинского аймака, получивший эту специальность здесь под руководством безграмотного председателя артели К. В. Берчака, ссыльного с Украины. Выучилась здесь на фельдшера Цырендулма Дашидондокова, внучка Зодбоева Сандана, всегда приходившая на помощь своим землякам. Наши земляки стали работать в артели до-

ярками, скотниками, табунщиками, птичниками, огородниками и трактористами. Трудились с раннего утра до позднего вечера, без выходных. Жулгетская артель всегда числилась в передовиках Даурского района, по воспоминаниям моей матери и ее сестры.

С 1943 г. на фронт отправились Бадмаев Гончик (1920–1942), Тугдумов Цырен (1924–1943), Цыдыпов Цэнгэ 1914 г.р., Ирдынеев Гармажап 1926 г.р., Бабуев О.Б., о последнем сведений нет. В годы войны на оборонных предприятиях трудились Гомбоев Даба и Болотов Нима, а Бабуев Дыба с женой Дашидондоковой Максармой был мобилизован на Крайний Север в район пос. Диксон в рыболовецкую артель. Нимаев Шираб, Дугарцыренов Жамсо из Сухонаково беспрерывно трудились на лесопереработке, сестры Нимаева Шираб Борогшон и Лхамажаб в 1937 г. совершали побег с мест ссылки на родину, были арестованы и вновь сосланы в Канский район Красноярского края, со своими семьями попали в предприятия лесной промышленности. Представители второго поколения ссыльных бурят прошли все тяготы трудпоселенческой жизни и всегда жили мечтой вернуться на родину живыми и здоровыми, искали все возможные способы легального отправления в обратный путь. Некоторые начали с разрешения местных властей в первые послевоенные годы, большинство с 1955–1956 гг. Одним из последних вернулась на родину семья Гомбоева Дабы из восьми человек в 1957 г. Глава семьи захотел переселиться в казачье село Улятуй Оловяниннского района, решив, что среди русских привычнее и комфортнее жить и трудиться, и не ошибся: местные власти вручили ему билет переселенца из Красноярского края с единовременным денежным пособием в 1000 рублей от имени отдела переселения и организованного набора рабочих при Читинском облисполкоме. Это, скорее, единичный факт с возвращенцами, но весьма символичный. В то время набирали рабочую силу для освоения целинных и залежных земель в Казахстане и Сибири, чтобы решить зерновую проблему в стране. В большинстве случаев им приходилось с трудом «натурализоваться» в родной среде, откуда вынудили уехать 25 лет назад.

Какими же людьми оставались буряты второго поколения, оказавшиеся в местах ссылки, по нашим наблюдениям? В первую очередь, великими молчунами, умевшими держать язык за зубами в любой жизненной ситуации. Просили нас не ворошить в будущем их прожитую жизнь. Были глубоко верующими, религиозными. Тайно читали мантры, молились, совершали доступные им ритуалы и обряды. Если главы зажиточные семей в свое время учили старомонголь-

скую письменность для чтения священных книг и ведения деловых записей, то большинство оказавшихся в ссылке были безграмотными или малограмотными. Остались с детских лет до пожилого возраста великими тружениками, не знавшими времени отдыха. Считали, только труд на благо государства, страны помогут им вырастить детей и заслужить отдых в конце жизни. Принимали свою жизнь и судьбу как недоразумение, ошибку в прошлой жизни, верили в достойное будущее для детей и внуков. Подсознательно понимали, что понятия «народ», «родина» – постоянные, а «власть» – временное. Разделяли эти понятия. Говорили, «даурский ирис вечно зеленым не бывает». От своих родственников и знакомых стариков слышал поговорку: «оставить бы свои кости на родной стороне». Это было их мечтой в неволе. А нам, представителям третьего поколения, сохранившим в себе человеческую память о своих родителях, остается задача – глубже и полнее рассказать молодым о жизни и труде старших поколений ради могущества Советского государства, чтобы в будущем не повторяли трагический опыт 1920–1930-х гг., о том, как они сумели сохранить в себе такие человеческие качества, как преданность Родине, честность, достоинство и порядочность в жизни. Воспоминания раскулаченных бурят Забайкалья, сейчас имеющие письменную форму, станут ценным историческим источником местного краеведения и вкладом в объективное освещение фактов истории страны.

Источники и литература

Государственный архив республики Бурятия (ГАРБ): ф. 1139.

Васильева С. В. Репрессии 1920–1930-х гг.: государственная реабилитационная политика в Бурятии. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2021. 184 с.

Земсков В. Н. «Кулацкая ссылка» в 30-е годы // Социологические исследования. 1991. № 10. С. 3–21.

Земсков В. Н. Судьба «кулацкой ссылки». 1930–1954 гг. // Отечественная история. 1994. № 1. С. 118–147.

История Бурятии: в 3 т. Т. 3. XX–XXI вв. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2021. 464 с.

Трифонов Е. Восстание красных партизан Забайкалья против большевиков [Электронный ресурс]. URL: https://dzen.ru/a/YAh5RdorAGlz3tJ8 (дата обращения: 09.01.2025).

Энциклопедия Забайкалья: коллективизация [Электронный ресурс]. URL: https://ez.chita.ru/encycl/concepts/?id=5131 (дата обращения: 09.01.2025).

Ц. В. Цыбжитова
Агинский институт повышения квалификации
работников социальной сферы Забайкальского края
Агинское, Россия
tsybzhitovats@mail.ru

БУРЯАД, ОРОД ХЭЛЭНҮҮДЭЙ ХООРОНДОХИ НҮЛӨӨ ХҮҮГЭДЭЙ ХӨӨРЭЛДӨӨНДЭ

Статья посвящена проблеме влияния русско-бурятского двуязычия на речевое поведение детей дошкольного возраста в Агинском Бурятском округе. По наблюдениям автора, отмечается доминирование русского языка при русско-бурятском двуязычии в общении между собой детьми-бурятами. Отмечена интерференция не только в области артикуляции, произношении бурятских исконных звуков *h, г* (заднеязычного), но и в синтаксисе: наблюдается языковой сдвиг в построении предложений по образцу русских фраз. Автором приведены некоторые инструменты, методы повышения мотивации переключения с кода русского языка на код родного языка, особенно при общении с представителями старшего поколения. По мнению автора, важной мотивацией владения родным языком является осознание ребенком своей национальной идентичности. Вместе с тем подчеркивается, что равнозначное владение русским и бурятским языками способствует развитию памяти, когнитивных способностей ребенка, быстрой социализации и адаптации его в детском коллективе.

Ключевые слова: бурятский язык, Агинский Бурятский округ, русско-бурятское двуязычие, доминирующий язык, языковая интерференция.

Ts. V. Tsybzhitova
Aginsky Institute for Advanced Training
for Social Workers of the Transbaikal district
Aginskoye, Russian Federation

RUSSIAN-BURYAT BILINGUALISM ON CHILDREN'S SPEECH BEHAVIOR

This paper examines the impact of Russian-Buryat bilingualism on the speech behavior of preschool-aged children in the Aginsky Buryat okrug. It draws on personal observations and field notes. The author observes that Russian dominates communication among Buryat children in Russian-Buryat bilingualism. Interference is observed not only in articulation, such as the pro-

nunciation of the native Buryat sounds *h* and *g* (velar), but also in syntax – a linguistic shift in sentence construction, modeled after Russian phrases. The author presents several tools and methods for increasing motivation to switch from Russian to one's native language, especially when communicating with older adults. According to the author, an important motivation for proficiency in one's native language is a child's awareness of their national identity. She also emphasizes that equal proficiency in both Russian and Buryat promotes the development of a child's memory and cognitive abilities, as well as rapid socialization and adaptation within a group.

Key words: Buryat language, Aginsky Buryat okrug, Russian-Buryat bilingualism, dominant language, language interference.

Һүүлэй олохон лэ жэлнүүдтэ хаа хаанагүй – манай Ага нютагташье, Буряад Уласташье, Усть-Ордагайшье тойрогто түрэл буряад хэлэеэ хайшан гэжэ гамнан саашадаа хүгжөөхэ тухай асуудал буряад зоной зүрхэ сэдьхэл, һанаан бодолые тэнигэр байлгахаяа болинхой гэжэ бултанда мэдээжэ гээшэ ааб даа. Энэ шухала асуудал ганса багшанарай бэшэ, мүн баһа олониитын, засаг зургаануудай анхарал доро байдаг ха юм. Түрэл буряад хэлэеэ мууханаар мэдэдэг, заримдаа ойдоошье ойлгодоггүй манай яһанай хүүгэдэй, залуушуулай олошоржол байдаг эрхэ байдалай (ситуаци гэнэбди) тон гол шалтагаануудай нэгэн болобол, түрэлхидэй уялга, харюусалгаһаа дулдыдана гэлсэдэгбди.

Хэнэйшье мэдэһээр, багахан үхибүүд хэлэндэ ороходоо, ехэнхидээл «эжы» бэшэ, харин «мама» гэдэг заншалтай болошонхой, энэ жэшээ хэнииешье гайхуулдаггүй, ёһотой шэнгеэр һанагдадаг. Саашадаа хэлэжэ шададаг үгэнүүдынь олошорно, зарим түрэлхид тэдэниие буряадшье, ородшье оршуулгатайгаар һургадаг. Жэшээнь, адли табигдадаг асуудалнууд:

Ши хэн гэжэ нэрэтэйбши?	Как тебя зовут?
Ойлгожо ядаа һаань иигэжэ асууха: *Ши хэмши?*	Ты кто?
Хэдытэйбши? Хэды наһатайбши? Үхибүүгээ түрүүн хургануудаарынь харуулжа һургадаг, тиигэһээр тоо нэрлэдэг болгоно.	Сколько тебе лет? Обычно начинают показывать свой возраст на пальцах
Ши хэнэйбши? Хэнэй хүбүүмши?	Чей ты? Чей ты мальчик?
Эндэ үхибүүн илгааень оложо ядадаг, «папын», «мамын» гэхэ, хургаяашье харуулаад үзэдэг.	

Хэн бэ эжышни? Эжышни хэн гэжэ нэрэтэйб?	Кто твоя мама? Как зовут твою маму?
Нэгэ удхатай асуудал хэдэн янзаар табижа болоно. Үхибүүнэй ухаан бодол түргэн гүйжэ һурана, бага сага илгааень ойлгодог болоно.	

Иимэрхүүгээр туршаһаар лэ, үхибүүн буряадааршье, ородооршье ойлгожо эхилнэ, нэгэ юумэ хоёр ондоогоор нэрлэнэ, хэлэнэб гэжэ ойлгоншьегүй байха. Оршон тойронхи байдалтай танилсаһаар, ород үгэнүүдынь эли бодо олошорно, хажуудань байһан хүн тэрээн бухэндэ оршуулжа, ойлгуулжа байнагүй. Үхибүүн ямаршье хэлэн дээрэ дуугаржа байһанаа өөрөө мэдэнэгүй. Тиимэһээ «Ши буряадши» (Ты бурят, я бурят, мы буряты) гэжэ ойлгуулжа эхилдэг. Тиибэшье «Ши буряад гүш, али ород гүш?» гэжэ асуухада, бахардалтай байдалда ороодхихо, өөрынгөө нэрэ нэрлээдхихэ. Бага байхаһаань буряад онтохонуудые уншажа, хөөрэжэ байдаг гэртэхин ехэл хомор ааб даа. Мультфильм хараад лэ, ородоор ойлгожо оройдоошье ядадаггүйнь ехэл гайхалтай шэнги байдаг ха юм. Нэгэ һурагшын шэнжэлхы ажал соо иигэжэ бэшээтэй: «Үендөөшье хүрөөдүй байхаһаань эхилээд, үшөө бэеын хубинуудтай танилсуулдаг: «Хамаршни алин бэ?», «Шэхээе харуула», «Нюдөө ани, гараа үргэ» гэжэ хөөрэлдэхэ, баймга ородооршье, буряадааршье жэгдэ нэрлэхые заадаг».

«Ши хэнэйбши?», «Абашни хэн бэ?» гэһэн асуудалда харюусахые һургаад, саашадаа «Абашни хэнэйб?», үшөө халта томо болоходонь, «Абыншни аба – хүгшэн абашни хэн бэ? Хэнэйб?» гэжэ асууһаар, уг гарбалаа долоон үе хүрэтэр тоолохые һургадаг. Энэмнай ехэ шухала һургаал. Үхибүүдэй сэсэрлигһээ эхилжэ, шүлэгэй, дуунай мүрысөөнүүдтэ хабаадахадаа, хүбүүд басагаднай буряад гоё хубсаһаяа үмдөөд, өөртэеэ танилсуулхадаа, заабол уг гарбалайнгаа 7 үе тоолодог заншалтай болонги, энэ ехэ һайшаамаар. Эндэ ород хүүгэд хабаадаһанагүй, тиимэһээ багахан үхибүүдэй һүбэлгэн ухаатайниинь «буряад бэшэ» гэжэ ойлгохотой байдаг.

Баһа нэгэ ушар. Залуухан эжы аарса халаагаад, дүрбэтэйхэн хүбүүндээ аягалхадань, хүбүүн амталжа үзөөд уршыба, аарсатай табагаа саашань түлхибэ. Эжынь «Энэ аарсан гээшэ, буряадуудай эдеэн болоно, буряад хадаа аарса ууха хэрэгтэй» гэжэ ойлгуулхадань, хүбүүниинь «Но я же другой бурят» гэжэ харюусаба ха.

Соёлой байшан соо тайзан дээрэ гарахаяа байһан буряад тэрлигтэй хүбүүе хараад, нэгэ хүбүүн «Ты бурят» гэжэ хургаараа заахадань, тэрэнь «А ты кто?» гэжэ урдаһаань асууба. Хүбүүн халта оромоо

оложо ядаба, тиигэжэ байтараа «Я просто человек» гээд ябашоо бэлэй. Адлирхуу ушарнууд манай байдалда али олон бэ даа…

Мүнөө сагта хүгшэн аба, хүгшэн эжыгээ «деда», «баба», «дедуля», «бабуля» гэжэ нэрлэдэг ушарнууд дэлгэрэнхэй, удхыень ойлгобошье, оршуулжа зүбөөр хэлэхэ хүүгэд адаглахада тиимэ олон бэшэ байдаг хэбэртэй.

Үшөө нэгэ жэшээ hурагшын ажалhаа: «Хоёр абжаанарай эхин шатын классуудта hураажа байхадань, хүгшэн абындаа ерээд ородоор хөөрэлдэхэгүйн түлөө «Тэрэ минии ойлгодоггүй хэлэ хорёон газаа орхёод, буряад басагад болоод гэртэ орогты даа» гэжэ хүгшэн аба хэлэдэг байгаа юм». Энэ яhала хэрэглэхээр арга байна гэжэ hанамаар.

Багашуулайшье, hурагшадайшье хоорондохи харилсаа, хөөрэлдөө шагнахада, ород хэлэниинь булюуханаар дуулдаха, олохон буряад үгэнүүд тиинээр баймга түригдэшэхэ. Эндэ абтаhан үгэнүүдэй нүлөө баhал бии бээ. Тиибэшье, стол – шэрээ, стул – hандали, телефон – гар утаhан гэхэ мэтэ оршуулгатай үгэнүүд ганса хүүгэдэй хөөрэлдөөндэ бэшэ, харин бүдүүншье зоной ярилдаанда ородоор лэ хэлэгдэхэ. Зарим буряад үгэнүүд ходо хэрэглэгдэхээ болижо, мартагдаха туйлдаа хүрэнэ. Жэшээнь:

гудамжа	улица	*үйлсэ*
гүсэ	чайник	*шааниг*
самбар	доска	*доска*
түсэб	план	*план*
зулзаган	поросёнок	*поршоонхо*
дэбтэр	тетрадь	*тетрадь*
тоосоон	отчет	*отчет*

Буряадаар арбаhаа дээшэ тоо тоолохые, зүг шэг харуулхые мэдэхэгүй хүнүүд томошуулайшье дунда олон даа.

Хоёр хэлэн дээрэ дуугархадаа, багашаг наhандаа мэдүүлэл буруу зохёохо, ород буряад үгэнүүдые худхажа хэлэхэ ушарнууд ходол тохёолдодог. Гурбатайхан басагантай хөөрэлдөөнhөө жэшээ: «Ши капуста эдеэ гүш?» гэхэдэнь, «Би капуста эдеэб нет» гээд, толгойгоо hэжэрэн харюусаба. Эндэ «капуста» гэжэ гол үгын нэгые зүб ойлгоо, абтаhан үгэ байхадань тиигээ юм гү, харин «эдеэгүйб» гэжэ үйлэеэ ородтой холёошье hаань, харюугайнь удха ойлгохоор байба. Эхин шатын 1-дэхи, 2-дохи классуудта буряад хэлэнэй хэшээл ганса буряадаар хөөрэлдэжэ үнгэргэхэнь багшада ехэл бэрхэшээлтэй байдаг.

Иимэ ушаһаа боложо, мэнэл ород үгэнүүдые һурагшашье, багшашье холижо байгаад хөөрэлдэдэг.

Иимэрхүү үзэгдэлнүүдые («интерференция» гэнэбди) яһала ажагламаар. Эндэ аймшагтай юумэн үгы гэжэ тоолохоор, баймга мүлирһөөр хоёр хэлэнэйнгээ илгааень хүүгэд ойлгожо эхилдэг, тиимэһээ багшын анхарал, зүб тээшэнь заһан зааха шухала. Мүн баһа, хэнэйшье буряадаар хөөрэлдөөн соо «конечно», «вряд ли», «само собой», «вообще-то» гэхэ мэтэ ород үгэнүүд хододоо дайралдадаг.

Фонетическа талаар зарим үхибүүдэй буряадаар дуугархада, ород акцент эли байха, зариманиинь ородоор дуугархадаа буряад акцент харуулха, үшөө олон хүүгэд «һ» абяа зүбөөр хэлэжэ ядадаг. Энэ-мнай хоёр хэлэ зэргэ мэдэдэгһээ болоно гэхээр. Буряад ба ород хэлэнүүдэй хоорондохи элдэб нүлөөнүүд хүүгэдэй хэлэ хүгжөөлгэдэ, юрын хөөрэлдөөндэншье тодо харагдана гээд эрдэмтэд тэмдэглэдэг. Тиибэшье үхибүүнэй анхаралда, ухаан бодолдо, хадуусада гэхэ мэтээр ехэ һайн нүлөө үгэдэгынь һайшаалтай.

Иигээд элидэхэлэйнгээ эсэстэ, буряад ород хоёр хэлэн дээрэ жэгдээр, зүбөөр дуугархыень хүүгэдые һургаха гээшэ ганса хэлэ шэнжэлэлгэдэ (лингвистикэдэ) хабаатай бэшэ, баһа олониитын, соёл болбосоролой, эрдэм һуралсалай зорилго бодол болоно гэжэ һанана-бди.

Харбанова В. В.
Администрация Усть-Ордынского Бурятского округа
Усть-Ордынский, Россия

МЕРЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОДДЕРЖКИ БУРЯТСКОГО ЯЗЫКА В УСТЬ-ОРДЫНСКОМ БУРЯТСКОМ ОКРУГЕ

В статье показано, что в результате позитивного взаимодействия органов исполнительной власти разного уровня, общественности и локальных сообществ в Усть-Ордынском Бурятском округе формируется языковая и этнокультурная среда, сохраняются духовные ценности бурятского народа, создаются условия для определения своего места в мире, освоения мировой культуры в целом. Отмечается, что судьба родного языка, прежде всего, зависит от усилий каждого из нас, эффективного взаимодействия всех социальных институтов.

Ключевые слова: бурятский язык, духовные ценности, язык.

Kharbanova V. V.
Administration of Ust-Ordynsky Buryat district
Ust-Ordynsky, Russian Federation

MEASURES OF STATE SUPPORT FOR THE BURYAT LANGUAGE IN THE UST-ORDYNSKY BURYAT DISTRICT

The paper shows that as a result of the positive interaction of executive authorities at various levels, the public and local communities in the Ust-Ordynsky Buryat district, a linguistic and ethnocultural environment is being formed, the spiritual values of the Buryat people are preserved, conditions are created for them determine their place in the world, and to master world culture as a whole. It is argued that the fate of the native language primarily depends on the efforts of each of us, the effective interaction of all social institutions.

Keywords: Buryat language, spiritual values, language.

Усть-Ордынский Бурятский округ – административно-территориальная единица Иркутской области с особым статусом. Реализация основных принципов деятельности органов государственной власти Иркутской области при осуществлении полномочий в сфере реализации особого статуса округа, функционал администрации Усть-Ордынского Бурятского округа направлены на обеспечение сохранения и развития национальной самобытности народов, традиционно проживающих на территории округа, гармонизацию социально-экономического развития Усть-Ордынского Бурятского округа и остальной части территории Иркутской области, эффективное осуществление публичной власти на территории округа. Все вопросы развития Усть-Ордынского Бурятского округа решаются в рамках действующих государственных региональных программ Иркутской области. Отдельной ведомственной программой, принятой в 2012 и в 2020 гг., является программа по сохранению и развитию родного (бурятского) языка на территории округа.

Сохранение этнокультурного и языкового наследия является одним из приоритетных направлений деятельности администрации Усть-Ордынского Бурятского округа, которое успешно реализуется в сферах общественной жизни округа – образовании, культуры и спорта. Реализация мероприятий двух целевых программ в сфере образо-

вания позволили нам серьезно продвинуться вперед. Увеличено количество школ с изучением бурятского языка с 46 до 86 (46,5%), детских садов с изучением бурятского языка с 19 до 58 (54,7%). Укреплена материальная база классов и групп бурятского языка в школах и детских садах.

Благодаря совместной работе администрации Усть-Ордынского Бурятского округа с институтом развития образования Иркутской области, министерством образования Иркутской области, Бурятским государственным университетом разработана линейка учебно-методического комплекта по бурятскому языку «Буряад хэлэн» для 1–9 классов образовательных организаций Иркутской области. Разработан и издан учебно-методический комплект по бурятскому языку «Табан хурган» для детей дошкольного возраста. Это поистине важная и заслуживающая соответствующей оценки работа наших педагогов и ученых.

В 2020 г. в поселке Усть-Ордынский открыта первая в истории Усть-Ордынского Бурятского округа гимназия лингвистической и этнокультурной направленности. Контингент обучающихся на сегодня составляет 382 ребенка из шести районов округа, городов Иркутск и Улан-Удэ. На государственных экзаменах выпускники показывают стабильно высокие результаты. Опыт работы гимназии по этнокультурному образованию дважды представлен на всероссийском уровне в г. Москва.

Говоря о качестве образования, следует отметить, что уже два года подряд общеобразовательные учреждения Осинского муниципального района становятся федеральными площадками заключительного этапа Северо-Восточной олимпиады школьников по родным языкам по профилю «Бурятский язык и литература». Из 44 учащихся от Иркутской области, представленных учащимися Осинского муниципального района, участие в финале приняли 33 учащихся, из них 5 учеников удостоены дипломов 3-й степени (2024), 41 учащийся и 3 призера (2025). Второй год на территории округа организуется этносмена для одаренных детей в сфере этнокультурного образования. Учителя бурятского языка неоднократно становятся победителями и призерами международного конкурса профессионального мастерства «Эрхим багша». Среди них Маркова Татьяна Вампилоновна (2020 год, 3-е место), Хартанова Валентина Борисовна (2021 год, 1 место), Хамгушкеева Анна Геннадьевна (2024 год, 3-е место).

Безусловно, развитие традиций и языка, воспитание национальной идентичности, в первую очередь, начинается с семьи. И работа должна начинаться с детского сада совместно с семьей. Это направление успешно реализуется в детских садах окружного центра. Задача, которую мы ставим перед собой, – трансляция опыта работы по организации билингвального образования во всех дошкольных учреждениях округа. Вопрос о целевой подготовке педкадров – учителей родного языка необходимо решать на местах. С 2023 г. Боханский педколледж им. Д. Банзарова начал подготовку педагогов по квалификации «учитель начальных классов с правом преподавания на родном языке» и реализует программу переподготовки учителей.

Администрация Усть-Ордынского Бурятского округа осуществляет функции и полномочия в отношении 8 областных государственных учреждений: Национальная библиотека им. Матвея Николаевича Хангалова, киноконцертный зал «Эрдэм», Национальный центр народного творчества, Национальный центр художественных народных промыслов, государственный ансамбль песни и танца «Степные напевы», Национальный музей. В числе данных учреждений две окружные газеты, одна из которых, единственная в Иркутской области, выходит на бурятском языке – «Усть-Ордын Үнэн», уже отметившая свой 70-летний юбилей. Все они выполняют чрезвычайно важную задачу продвижения культуры бурятского этноса. С целью сохранения и развития традиционной бурятской культуры проводятся конкурсы, фестивали, концерты, выставки, направленные на популяризацию народного творчества, формирование традиционных национальных ценностей, в том числе у подрастающего поколения. Среди проводимых значимых мероприятий окружной праздник «Сагаалган», «Сурхарбан», имеющий статус областного, международные – «Алтаргана» и «Ёрдынские игры».

Особо отмечу региональный фестиваль детского и юношеского творчества «Язык – душа народа», в котором ежегодно принимают участие свыше полутора тысяч детей из образовательных организаций Иркутской области. Фестиваль является победителем V Всероссийского конкурса лучших практик в сфере национальных отношений среди бюджетных учреждений муниципального, регионального и общероссийского уровней, Домов дружбы народов и Домов национальностей (2022). В 2025 г. фестиваль вошел в программу международного фестиваля «Народы России и стран СНГ» и получил статус межрегионального.

Учреждения культуры играют большую роль в сохранении и популяризации бурятского языка. Национальная библиотека им. М. Н. Хангалова на протяжении последних двух лет переиздала детскую литературу авторства наших земляков – это книга Апполона Тороева «Бурятские сказки» и книга Жана Зимина «Стихи и поэмы для детей» на бурятском и русском языках. Успешно реализуются проекты учреждений и некоммерческих организаций, направленные на сохранение и изучение бурятского языка. В Национальной библиотеке создан Центр общения на бурятском языке «Сайн байна! Здравствуйте!», действует мультстудия для детей младшего школьного возраста, где создаются мультфильмы на бурятском языке с субтитрами и пересказом на русский язык. Подобные центры действуют и в других районах округа: Центр изучения бурятского языка «Булжамуур» для детей и взрослых открыт на базе Детско-юношеского центра в п. Ново-Нукутский Нукутского района, Центр семейного общения на бурятском языке «Ая-Ганга» работает на базе межпоселенческой центральной библиотеки им. Александра Валентиновича Вампилова в п. Кутулик Аларского района. В данном случае нами использован механизм интеграции двух сфер – образования и культуры – как способ сохранения родного языка и традиций бурятского народа.

Новой формой семейного изучения родного языка стало открытие в феврале 2021 г. просветительского центра «Буряад хэлэнэй байшан» при местной религиозной организации буддистов Усть-Ордынского дацана. Просветительский центр представляет собой форму организации деятельности Усть-Ордынского дацана в области образования, науки, искусства, культуры, в том числе сохранения и популяризации объектов культурного наследия, содействия духовному развитию личности. Достижения культуры бурятского народа были представлены на международной выставке-форуме «Россия» на ВДНХ артистами государственного ансамбля песни и танца «Степные напевы» и мастерами-художниками округа.

Неотделим от культуры национальный спорт. Ежегодно муниципальными образованиями Усть-Ордынского Бурятского округа проводится около 100 различных соревновательных мероприятий по национальным видам спорта. Ежегодно в календарном плане спортивных и физкультурных мероприятий администрации Усть-Ордынского Бурятского округа 12 соревнований по национальным видам спорта, в которых принимают участие порядка 1800 спортсменов.

Внимание, уделяемое этому направлению органами государственной власти Иркутской области, муниципальными образованиями округа, в течение короткого времени позволило возродить практически забытые традиции проведения соревнований по ломанию хребтовой кости, игре в бараньи кости «Шагай наадан», существенно увеличить количество занимающихся шахматами и стрельбой из национального лука.

Мы гордимся тем, что бурятская национальная борьба нашла свое продолжение в вольной борьбе и сегодня основные представители Иркутской области в этом виде спорта – это наши земляки. Среди них бронзовый призер Чемпионата мира Евгений Жербаев, бронзовый призер первенства Европы среди школьников Александр Балтуев, бронзовый призер Первенства мира по вольной борьбе Федор Балтуев, победитель первенства Европы в Венгрии Аркадий Черкашин, борицы сестры Березовские и др. Александра Березовская – победительница первенства Европы по вольной борьбе, победительница первенства мира в Турции.

Второй год подряд звуковое сопровождение «Сурхарбана» происходит на двух языках: русском и родном бурятском. Убеждены, что национальные виды спорта имеют большой потенциал и в части сохранения народной культуры, гармонизации межэтнических отношений и укрепления нашего многонационального общества.

Таким образом, в результате позитивного взаимодействия органов исполнительной власти разного уровня, общественности и локальных сообществ в Усть-Ордынском Бурятском округе формируется языковая и этнокультурная среда, сохраняются духовные ценности бурятского народа, создаются условия к познанию им и определению своего места в мире, освоению мировой культуры в целом. Судьба родного языка, прежде всего, зависит от усилий каждого из нас, эффективного взаимодействия всех социальных институтов.

Содержание

Цыренов Б. Д. Вклад профессора Л. Д. Шагдарова в бурятоведение и российскую монголистику……...3

Болд Л. Монгол тайлбар толийн уламжлал, шинчлэл……..8

Дырхеева Г. А. Бурятский язык и идеология: история и современность……...23

Бадма-Одсар, Сурнаа, Ургаа. Социолингвистик онолын болон практикийн зарим асуудал: монголчуудын хэлний амьдралын судалгаанд тулгуурлах нь……31

Мөнхсайхан С. Дундад зууны монголчуудын танин мэдэхүйн ялгах сэтгэлгээ…….....40

Бадмаева Л. Б. Хориин буряадуудай түүхэ бэшээшэ Вандан Юмсуновай зохёохы ажал ябуулга тухай……...51

Zhamsoev A. D. Colloquialization Elements in Buryat Texts Written in the Mongolian Script (the case of ⟨Č⟩ and ⟨S⟩)……..58

Шагжина З. А. Переводные издания православных богослужебных книг на бурятском языке в XIX – нач. XX в. ……66

Гармаева Х.-Ж. «Замечательное пение кукушки или царицы весны» как памятник письменной культуры бурят……...74

Санжанов Ж. Ш. Значения слов *улас*, *засаг*, *түрэ* в бурятском языке на материале газеты «Буряад-Монголой Үнэн»……85

Тагарова Т. Б. Вклад профессора Л. Д. Шагдарова в сравнительно-историческое языкознание……..91

Цырендоржиева Б. Д. Проблемы морфологии в новой академической грамматике бурятского языка с позиции лингвистики текста……..98

Николаев Е. Р. О некоторых семантических особенностях в якутстко-бурятских диалектных лексических параллелях……104

Жамсаранова Р. Г. Сопоставительный аспект бурятской географической терминологии……111

Сундуева Е. В. Лексическая реализация удивления в монгольских языках……...121

Абаева Ю. Д. Синтаксис и интонация эмотивных высказываний бурятского языка……127

Сарангэрэл Р. Монгол хэлний нутгийн аялгууны үгийн санг хэлний харилцан нөлөөллийн үүднээс авч үзэх нь (торгууд аман аялгууны жишээн дээр).....135

Цэрэнчимэд Л. Буриад Гэсэрийн тууж дахь гэр, сууцтай холбоотой зарим дүрслэлийн соёл, бэлгэдэл.....146
Халхарова Л. Ц. О жанровом своеобразии дневника Ц. Дона…156
Аюрзанаев П. А. Воспоминания раскулаченных бурят Забайкалья как письменный источник советской истории…….163
Цыбжитова Ц. В. Буряад, ород хэлэнүүдэй хоорондохи нүлөө хүүгэдэй хөөрэлдөөндэ……...174
Харбанова В. В. Меры государственной поддержки бурятского языка в Усть-Ордынском Бурятском округе……178

БУРЯТСКИЙ ЯЗЫК
КАК НАЦИОНАЛЬНОЕ ДОСТОЯНИЕ

Международная научная конференция
(18–19 сентября 2025 г., г. Улан-Удэ)

Научное издание

Утверждено к печати ученым советом
Федерального государственного бюджетного учреждения науки
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии
Сибирского отделения Российской академии наук

Статьи публикуются в авторской редакции
Верстка, макет – *А. Е. Болонев*

Подписано в печать 17.10.2025. Формат 60×84 1/16.
Гарнитура Таймс.
Усл. печ. л. 10,8. Уч.-изд. л. 11,6.
Тираж 300. Заказ № 9.

Редакционно-издательский отдел
Издательства ИМБТ СО РАН
Адрес: 670047 Республика Бурятия
г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 8.

Отпечатано в типографии ИМБТ СО РАН
Адрес: 670047 Республика Бурятия
г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6.